

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/326882167>

Литвина Д. А. Дискурсивное производство молодежных тел в текстах высоко-рейтинговой российской прессы: власть, гегемония, иерархия // В кн.: PRO тело. Молодежный контекст / Под общ...

Article · January 2013

CITATIONS

0

READS

46

1 author:

[Darya Litvina](#)

National Research University Higher School of Economics

9 PUBLICATIONS 1 CITATION

SEE PROFILE

Pro Тело. Молодежный контекст

Под редакцией Елены Омельченко и Нади Нартовой

Санкт-Петербург
Алетейя
2013

*Сборник статей подготовлен по результатам проекта
«Между дисциплиной и экспериментом: телесные режимы молодежи
в повседневной жизни в современных российских социоэкономических усло-
виях», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ»
в 2011-2012 гг., грант № 11-04-0038*

Про Тело. Молодежный контекст. Сб. статей / Под ред. Е.
Омельченко, Н. Нартовой. – СПб: Алетейя, 2013. – (Каче-
ственные методы в социальных исследованиях)

ISBN 978-5-88866-446-9

В сборнике представлены результаты эмпирического исследования, посвященного различным аспектам телесных практик российской молодежи. Авторы фокусируют внимание на том, какие образы тела формируются в молодежной среде, какие практики, правила и интерпретации обращения с собственным телом реализуются молодыми в повседневной жизни. Внимание исследователей обращено к учащейся молодежи рабочего класса. Через исследование гигиенических, пищевых, спортивных, сексуальных, потребительских практик раскрываются индивидуальные и коллективные образы телесности.

Книга предназначена для специалистов, интересующихся вопросами социологии тела, молодежи, гендерных исследований, а также для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	6
Елена Омельченко, Надя Нартова	
Дарья Кривонос	
Телевизионное измерение возраста тела: взрослое/молодое vs молодое/ взрослое	15
Дарья Литвина	
Дискурсивное производство молодежных тел в текстах высоко-рейтинговой русской прессы: власть, гегемония, иерархия	33
Маргарита Кулева	
Мода в повседневности русского молодежного мейнстрима: конструируя возраст, гендер и класс	61
Алексей Зиновьев	
Не/свободный выбор: горизонты и ограничения спортивных практик молодежи	83
Елена Омельченко	
Молодежное тело в сексуально-гендерном измерении: зоны молчания vs откровения	115
Наталья Федорова	
«Я люблю мыться... много и часто»: тело и гигиенические практики молодежи	151
Надя Нартова	
Как корабль назовешь, так он и поплывет: тело здоровья/болезни в молодежной повседневности	175
Анастасия Минькова	
Пищевые практики русской молодежи: почему фастфуду пока не удалось победить домашнюю кухню	201
Анна Фомина	
(Без)опасность в городе и молодежные практики: стратегии сопротивления или тотальный контроль?	233
Эльвира Ариф	
Включить режим бога – значит все можно?: телесность молодежи, потребляющей запрещенные психоактивные вещества	255
Список интервью	277
Об авторах	281

Введение

Если и есть что-то определенное, то это то, что мы все имеем тела, говорят исследователи С. Неттлетон и Дж. Ватсон. Все, что мы делаем, продолжают они, мы делаем нашими телами – когда мы думаем, говорим, слушаем, едим, спим, ходим, отдыхаем, работаем и играем, мы «используем» наши тела. Каждый аспект наших жизней воплощен [Nettleton, Watson, 1998: 1]. Именно это делает проблематику телесности одной из самых значимых и интересных в социальных исследованиях. Несмотря на активное развитие данной теоретической и эмпирической области в западной социологии, в российской академической практике исследования тела немногочисленны и занимают скорее маргинальную позицию. Основными парадигмальными направлениями российских исследований тела являются культурно-исторические исследования, исследования дискурсов и репрезентаций. Однако именно повседневная жизнь является фундаментальной для производства и воспроизводства тел. В ежедневных рутинных практиках, заботах, выборах, способах «бытия» осознаются тела, формируются и конституируются. Без исследования повседневной жизни невозможно понять, какими телами обладают и являются индивиды. Особенно значимо это в отношении молодежи, поскольку тела молодых людей являются «мишенью» дисциплинарных механизмов, определяющих их как репродуктивный и трудовой резерв современного государства. В то же время рынок и общество потребления, конструирующие тело как «собственность», ориентируют молодых на инвестиции в тело, которые «обязательно» принесут бонусы в виде успешной карьеры или брака. Вместе с тем в современной культуре «образа жизни» и «самореализации» тело становится репрезентантом «самости», отражением собственной идентичности, актуализируя производство уникальных тел для молодежи. Молодость – не только время освоения и подчинения доминирующим культурным кодам, но и пространство эксперимента, переопределения заданного или сопротивления/избегания навязываемых практик обращения с телом. При этом представления о теле будут отличаться у разных

групп молодежи, поскольку связаны с социальным, экономическим и культурным ресурсами и положением в целом.

Исследования молодежи зачастую фокусируются на «заметной» ее части: субкультурщиках, активистах, студентах, молодых профессионалах и т.д., которые являются «культурным» арьергардом. Они активно переопределяют установившиеся практики, осваивая новые, разбивая «традиционные» представления по многим аспектам человеческого существования. Обычная молодежь преимущественно находится на периферии исследовательского интереса в силу своей «обыденности». Однако именно она, на наш взгляд, является той лакмусовой бумажкой, позволяющей увидеть каким образом в современном, противоречивом мире воспроизводятся, сохраняются и осваиваются доминирующие культурные коды. Нас интересует не продвинутая молодежь, а молодежь рабочего класса, определяемого так скорее культурологически, нежели экономически.

Нашей ключевой исследовательской задачей, не дававшей нам покоя и сна, стала попытка реконструировать, определить и проанализировать телесные режимы молодежи «рабочего класса» в повседневной жизни, то есть какие образы тела формируются в молодежной среде; какие практики, правила и интерпретации обращения с собственным телом реализуются молодыми в повседневной жизни? Поиску ответов на данные вопросы был посвящен коллективный исследовательский проект «Между дисциплиной и экспериментом: телесные режимы молодежи в повседневной жизни в современных российских социоэкономических условиях», реализуемый в Центре молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге командой молодых исследователей, студентов и аспирантов под руководством Елены Омельченко при поддержке Программы «Учитель-Ученики» Научного Фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (грант № 11-04-0038) в 2011-2012 гг.

Социальная структура современного общества – вопрос сложный, неоднозначный и дискуссионный. Российские исследователи, анализируя текущую национальную ситуацию, не только разрабатывают различные подходы, опираются на разные основания, но и используют разные категории: классы, слои, сословия [Радаев, Шкаратан, 1996; Кларк, 1997; Заславская, 1997; Арутян, 2002; Кордонский, 2008]. Особенно остро стоит вопрос в эмпирических

исследованиях, нацеленных на анализ той или иной культурной практики, специфики или различия, и несвязанных напрямую с изучением социальной стратификации. Каким образом определить положение исследуемой группы в общей социальной структуре общества, если наш интерес связан с «обычной» молодежью?

В исследовании различных аспектов нового быта современной России Е. Здравомыслова и А. Темкина определили средний класс, опираясь на «четыре параметра: высшее образование, регулярную занятость, нефизический характер труда, управленческие позиции» [Здравомыслова, Роткирх, Темкина, 2009: 16]. Ученые поясняют, что новые средние классы состоят из специалистов с высшим образованием, имеющих постоянное место работы, занятых как в частном, так и государственном секторе на квалифицированных работах и на управленческих позициях [Здравомыслова, Роткирх, Темкина, 2009: 16-17]. То, что российский средний класс - это высокообразованные люди, отличающиеся и длительностью образования, и его качеством; имеющие несколько поколений с высшим образованием в семье; активно инвестирующие в образование детей, подтверждают и другие исследователи [Овсянников, 2003]. Это значит, что семьи, выбирающие для своих детей обучение в средних специальных учебных заведениях, имеют другие экономические, культурные и социальные ресурсы, иные представления о необходимом образовании и занятости, другие культурные практики и принадлежат к иному социальному слою [Оксамитная, Бродская, 2004].

Конечно, советская система образования, предполагающая транзитию из школ на производство через профессиональные технические училища, претерпела множество изменений. Современные средние специальные учебные заведения включают широкий спектр специальностей, связанных не только с ручным трудом, но и со сферой обслуживания и навыками, необходимыми для занятия рядовых должностей в других секторах экономики. Однако это в целом соответствует изменениям в постиндустриальной культуре, где доля производства снижается, а основная часть рабочих мест связана с низкими позициями в сервисных секторах, что позволяет исследователям даже говорить о переопределении «традиционного» рабочего класса в класс наемных работников [Беленький, 2005]. Так, Т. Заславская говорит, что базовый слой (находящийся ниже среднего, но выше люмпенизированного)

включает полуинтеллигенцию, массовые профессии торговли и сервиса, квалифицированных рабочих и крестьян [Заславская, 1997].

Таким образом, опираясь на конвенциональное стратификационное деление [Гидденс, 1992: 115], мы можем условно отнести учащихся средних специальных учебных учреждений к рабочему классу, поскольку система профессионального не высшего образования сохраняет свою значимость для воспроизводства рабочего класса [Walker, 2010]. Также биографические нарративы наших информантов показали, что их родители работают (работали) преимущественно по рабочим специальностям и на рядовых должностях: водители, продавцы, рабочие, бухгалтера и т.п. Более того, анализ интервью показал относительную гомогенность культурных практик, образцов поведения, представлений у молодежи данной группы, что является ключевым для «социокультурного» определения классов через «стили жизни» и общий хабитус [Bourdieu, 1984; Уорнер, 1999; Ионин, 1996; Бурдье, 2001].

В этом смысле мы считаем, что объектом нашего исследования является молодежь рабочего класса. Эмпирическую базу составили 61 интервью с учащимися средних специальных учебных заведений г. Санкт-Петербурга в возрасте от 15 до 22 лет. Среди участвовавших в нашем исследовании 29 девушек и 32 юноши. Список интервью, включая возраст информантов и место их учебы, представлен в конце настоящего сборника.

Вопросы телесности специфичны и трудны для исследования, поскольку тело глубоко инкорпорировано в «обыденную» жизнь и во многом культурно ребиологизировано и ренатурализировано, что затрудняет индивидуальную повседневную и аналитическую рефлексия. Поэтому для изучения телесных режимов крайне проблематично использовать количественные массовые методы исследования и формализованные техники анализа. Наиболее релевантным нам представляется качественная методология, поскольку феноменологическая традиция и постструктуралистский социологический подход позволяют гибко, сензитивно и рефлексивно исследовать индивидуальные опыты и проводить социологическую концептуализацию.

На основании анализа социологической литературы, здравого смысла и собственного опыта методом исследовательской триангуляции были выделены ключевые сферы повседневного опыта,

переживаемые телесно: одежда, спорт, сексуальность, гигиена, здоровье, еда, ненормативные практики и безопасность в городском пространстве. В результате был составлен гид для проведения лейтмотивного полуструктурированного интервью, включающий блоки наводящих вопросов, касающихся каждой из выделенных сфер опыта. Проведение интервью представляло собой дружескую беседу по разным аспектам повседневной жизни, где исследователь лишь направлял молодого участника к обсуждению той или иной темы, а информант сам озвучивал наиболее релевантные для него аспекты. Поиск информантов осуществлялся по социальным сетям исследователей и методом снежного кома, когда уже принявшие участие в исследовании юноши и девушки договаривались о возможности интервью со своими друзьями и приятелями, что обеспечивало доверительные отношения между социологами и информантами. Такой подход в целом позволил собрать уникальный материал, касающийся повседневного опыта молодежи, учащейся в средних специальных учебных учреждениях.

Однако для получения более полной картины конституирования телесности молодежи нам необходимо было понять, каким образом она проблематизируется и артикулируется в публичном дебате. Для чего мы остановились на наиболее популярных медиа: Первом телевизионном канале и самых тиражных печатных газетах - «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Российская газета». Средства массовой информации ориентированы на понимание максимально широкой аудиторией, поэтому возможно говорить о конвенциональности производимых ими смыслов, категорий, номинаций и т.п. Анализ телевизионного дискурса проводился на основании 56 часов эфира, собранного в период вечернего прайм-тайма с 1 по 14 февраля и с 19 по 31 марта 2012 года, а печатной прессы - на основании отобранных 1145 референтных теме текстов за период с 2005 по 2011 год. Более подробно эмпирическая база для анализа дискурса описана и обоснована в соответствующих статьях настоящего сборника.

Исследовательский азарт, отличная команда и описанная выше методология позволили нам подготовить данный сборник статей «Про Тело. Молодежный контекст», целью которого является не разработка новых теоретических концепций, а наполнение эмпирического поля исследований, дающих представление о повседневных моделях, способах понимания и обращения с телом в молодежной среде. В

первой статье Дарья Кривонос анализирует телевизионный поток «Первого канала» и показывает, что молодость в публичном дебате конструируется через телесный ресурс и недостаток социальных компетенций. Что подтверждается и в работе Дарьи Литвиной, рассматривающей конструирование телесности молодежи в печатных СМИ. Д. Литвина аргументировано доказывает, что в публичном дебате тела молодых проблематизируются как опасные, неуправляемые и востребующие дисциплинацию и контроль со стороны взрослых. В рамках этих двух статей показывается общекультурный контекст артикуляции молодого тела.

Дальнейшие работы посвящены непосредственно опыту молодежи и их собственному конституированию телесности. Маргарита Кулева, рассматривая практики обращения с одеждой, указывает, что учащиеся средних учебных заведений используют ее преимущественно как «футляр», позволяющий скрыть классовые, возрастные и гендерные отличия, но при этом включаются в общекультурные тенденции приобретения «модной» одежды в моллах и торговых центрах. Алексей Зиновьев, исследуя спортивные практики, демонстрирует, что в равных структурных условиях молодежь рабочего класса совершает различные «спортивные» выборы. Что обусловлено в большей мере влиянием родителей и сформированным или не сформированным «вкусом» к спорту. Елена Омельченко обращается к анализу особенностей сексуально-гендерной идентичности, отношений юношей и девушек к различным параметрам своего тела, восприятию себя и сверстников. Особый акцент сделан на критическом переосмыслении проблематизирующего дискурса в отношении молодежной сексуальности и на особенностях проявления современных тенденций либерализации сексуальности в исследуемой нами группе молодежи. В своей статье Наталья Федорова показывает, что в самых приватных – гигиенических – практиках молодые дисциплинируют собственные тела, однако ориентируются не на трудовую эффективность, а на успешную коммуникацию. Надя Нартова исследует, как понимается тело в контексте здоровья и болезни, и приходит к выводу, что здоровое тело конституируется через соматическое благополучие, а лечение «заболевшего» тела строится через внутрисемейные компетенции, а не обращение к профессиональной медицине. Изучая пищевые практики, Анастасия Минькова также показывает значимость для молодых родительских

представлений о правильной и полезной пище. Юноши и девушки стараются следовать принятым в домохозяйстве пищевым правилам, нарушая их только в Макдональдсе, который является пространством символического, а не «калорийного» потребления. В фокусе внимания Анны Фоминой – «хореография беспокойства» – стратегии совладания со страхами в городском пространстве. Молодые формируют целый ансамбль практик, сопряженных с регламентацией пространств, времени и тела, для избегания возможных опасностей в городе. Эльвира Ариф концентрируется на ненормативных практиках и исследует способы контроля молодежи за собственным телом.

От лица всей исследовательской команды мы хотим сказать спасибо юношам и девушкам, ставшими нашими информантами; нашим коллегам – за их советы, замечания и поддержку, и, конечно, нашим родителям – без них не было бы наших тел.

Елена Омельченко, Надя Нартова

Литература:

1. Арутян Ю.В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 34-46.
2. Беленький В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 127-135.
3. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя; М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001.
4. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112-123.
5. Заславская Т.И. Социальная структура российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 22. С. 5-23.
6. Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7-30.
7. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 31-42.
8. Кларк С. Классовая структура России в переходный период // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1997. Вып. 10/11. С. 66-86.
9. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
10. Овсянников А. Образование как ресурс социальной мобильности // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Авраамова и др. / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003. С. 257-272.
11. Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24-42.

-
12. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1996.
 13. Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. 1999. № 10–11. С. 42–57.
 14. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. London: Routledge, 1984.
 15. Nettleton S., Watson J. The body in Everyday Life: an Introduction / / The body in Everyday Life / Ed. by Nettleton S., Watson J. London, New York: Routledge, 1998. P. 1-23.
 16. Walker C. Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition. London: Routledge, 2010.

Дарья Кривонос

Телевизионное измерение возраста тела:
взрослое/молодое vs молодое/взрослое

Жизнь наших биологических тел – это смена их различных состояний. Рост, взросление, старение являются неизбежными природными процессами, заставляющими тела следовать предзаданным жизненным циклам. Однако природа больше не является единственным творцом тела. Науки о человеке продвигаются все дальше в понимании механизмов регулирования физиологических процессов, познавая и контролируя внутриклеточные процессы. Наступление старости сегодня можно если не остановить, то хотя бы замедлить фармакологическими и косметологическими средствами или даже сделать невидимым за новым лицом и телом, рожденными в клинике пластической хирургии. Одержимость современного общества молодостью заставляет заново переосмыслить роль культурного и биологического в том, какими телами нам «суждено» обладать. Культура «означивает» природные тела через такие категории, как «молодой», «взрослый», «старый», «юный». Посредством этих значений контролируются наши практики ухода за собой, выбор одежды, стиль жизни. Безрассудность юности к определенному возрасту должна смениться зрелостью и рассудительностью, а крем для лица приобрести пометку «против морщин». Причем эти изменения определяются также культурными дефинициями возрастных периодов, а не исключительно биологическими часами.

В отличие от прошлого, основным производителем современных значений являются медиа, конструирующие «канонические», нормативные возрастные тела. Телевидение предстает одним из доминирующих медийных пространств, что позволяет рассматривать его как генератор смыслов социальной реальности. Телевидение создает образы, которые выходят за пределы визуального и воплощаются по другую сторону экрана уже в реальных практиках ухода за своим телом и следования «медийно правильному» образу жизни. Знание о наших возрастных телах во многом определяется образцами, репрезентируемыми СМИ. Соответственно, важно понять, какое знание о возрастных идентичностях конструируется в доминирующих медийных дискурсах. В статье будут рассмотрены

теоретические основания исследований возраста и медиа, а также проанализированы аудио-визуальные сообщения периода прайм-тайм «Первого канала».

Культурный порядок возраста

Ученые, работающие в рамках конструктивистской парадигмы, рассматривают, как определенное знание о возрасте становится признанным в качестве реальности. Перейти к такому пониманию «прожитых лет» помогает категория «культурный возраст», предложенная исследователем С. Катцем [Katz, 2006]. Анализируя, в каких терминах был воображаем и как мыслился жизненный цикл в зависимости от исторических рамок, С. Катц доказывает, что возраст человека не является биологически заданным. Так, по словам ученого, до девятнадцатого века жизненный цикл был подвластен законам природы, жизнь человека рассматривалась как сакральное – то, на что невозможно влиять. Со временем же происходит развитие знания о телесных практиках, способствующих увеличению продолжительности жизни. Медиализация знания о возрасте и экспертные научные заключения наделяют человека ответственностью за продолжительность собственной жизни.

Современные исследователи, рассматривающие изменения в понимании возраста в контексте постмодернизма, отмечают исчезновение четких границ между возрастными периодами и предлагают перейти от анализа «жизненного цикла» («life cycle»), мыслимого в хронологических и биологических терминах, к «жизненному курсу» («life course»), как социально-культурной категории. Исследователи М. Фезерстоун и М. Хепворт, деконструируя возрастные этапы, вводят категорию «постмодернистского жизненного курса», отрицающую универсальное течение жизни [Featherstone, Hepworth, 1991]. Границы между традиционными этапами жизни индивида становятся менее четкими, ослабевают культурные ожидания относительно возрастных периодов, начинают исчезать иерархии и субординации возрастных идентичностей. Напротив, возрастные опыты становятся более разнообразными за счет саморефлексии и индивидуализации биографии, свободной от регламентирующих предписаний институтов. Стиль жизни превращается в значимую отличительную черту человека, приходя на замену жестким предписаниям возраста.

Несмотря на распространенность концепции «постмодернистского жизненного курса», в исследованиях возраста существует противоположная позиция, которая говорит о сохранении традиционных возрастных норм и «дедлайнов» достижения определенных жизненных статусов в современной культуре. Исследователи возраста проблематизируют возрастные конструкты как дисциплинирующие механизмы, заставляющие индивида «идти в ногу» со своим хронологическим возрастом, соответствуя «плановому развитию личности» («scheduled life course»). Так, М. Райли пишет о возрастных нормах, которые, по ее мнению, вовсе не разрывают связь с биологическими представлениями о жизненном цикле человека [Riley, 1978]. Напротив, современное общество является жестко сегрегированным в терминах возраста и, несмотря на второй демографический переход, оно не становится более чувствительным к этим изменениям, сохраняя традиционные представления о возрастных периодах. М. Райли выделяет три рода занятий – образование, работа, отдых, которые жестко регламентированы относительно таких хронологических этапов, как молодость, средний возраст и старость. Иными словами, каждому возрасту предписываются определенные роли, нормы и ожидания, которые жестко институционализированы в обществе. По ее мнению, в культуре доминирует представление о таких возрастных структурах, при которых каждому жизненному периоду отводится соответствующий род занятий. Причем нарушение этой матрицы не рассматривается в рамках индивидуализации жизненного цикла и независимости от регламентирующих установок социальных институтов, как это делается в концепции «postmodern life course». В отличие от постмодернистской парадигмы, описывающей позитивные образы старения, М. Райли считает, что возрастные представления остаются основанными на биологических факторах. Соответственно, старение мыслится в терминах угасания.

Похожей критической позиции в отношении постмодернизма придерживается и Т. Хелд. Институционализированный, основанный на делении на возрастные этапы жизненный цикл является центральной характеристикой общества [Held, 1986]. Культура выстраивает нормы вокруг возрастных периодов как «агентов», которые публично презентуют идентичность в обществе. Т. Хелд обращается к «хронологизации» («chronologization»), как к термину, отсылающему к тесной связи между хронологическим возрастом, как количеством прожитых лет, и социальными ролями. По его

мнению, возрастная стратификация общества выстраивает жесткие границы и нормы возрастных идентичностей, которые продолжают основываться на биологических и хронологических этапах жизни.

Возраст, таким образом, является проблемной категорией, вызывающей дебаты о роли социокультурных ограничений, накладываемых на идентичность. Конструируемые значения могут мыслиться через инклюзивность и индивидуализацию или воспроизводство жесткой регламентации возрастных периодов. Однако для понимания этих значений необходима оптика, которая позволит выявить эти возрастные нормы. Мы исходим из того, что именно тело становится одним из ключевых маркеров возраста, который и отражает возможные значения.

Возрастное измерение тела

Возрастные нормы, возможности и идентичности во многом маркируются через телесность. В течение жизни биологическое тело человека претерпевает множество модификаций. Телесные изменения контролируются и дисциплинируются, начиная с того, сколько должен прибавлять в весе младенец, к какому идеалу стройности должно стремиться молодое тело, и до того, во сколько лет принимать фармакологические и косметологические средства, замедляющие старение. Тело является одним из ключевых репрезентантов индивида и возраста. А какие именно репрезентации допустимы и легитимны – контролируется культурой.

Субординированность телоценивается с точки зрения преодоления возраста. Метафора «фонтан молодости», предложенная С. Катцем, отражает логику производства возраста в эпоху постмодерна – «симуляция» молодости через следование «молодежным» стилям жизни; использование косметических и фармакологических продуктов, направленных на преодоление «старости»; практики, производящие тело без возраста, – пластическая хирургия, ботокс, антивозрастные крема. Медийная реальность дискурсивно конструирует и воспроизводит преимущественно энергичные, красивые тела, лишённые узнаваемых примет старости. Так, хронологическая старость может просто нивелироваться культурным воспроизводством молодости.

Возможность такой «симуляции» возраста, сопряженной с дисциплинацией тела, инвестициями в него и самоконтролем, приводит к тому, что хронологический и культурный возрасты

перестают совпадать. В статье «Молодость как маскарад» К. Вурворд рассматривает количество прожитых лет как перформатив, когда приписывание возраста происходит согласно культурным кодам определенных телесных репрезентаций [Woodward, 1999b]. По мнению К. Вудворд, в обществе легитимен только образ молодости, за маской которой индивид прячет свое тело [Woodward, 1999a]. Современная культура – это «маскарад молодости», в котором каждый надевает маску культурно легитимного образа, скрывающего старение.

Культура «маскарада молодости» востребует и легитимирует практики, направленные на преодоление возрастных изменений тела. С. Бордо отмечает, что в обществе происходит эстетическая иерархизация телесности, при которой целый ряд тел (этнические, гомосексуальные, полные), в том числе и пожилые, не прочитываются как норма [Bordo, 1999]. В контексте такой культурной субординированности пластическая хирургия функционирует как механизм нормализации: она нивелирует различия и приводит образ тела в соответствие с культурными представлениями о «норме». С. Бордо отмечает, что именно дискурс нормативности прослеживается в интервью женщин, сделавших пластические операции: «Быть нормальной», – основной стимул для хирургической коррекции.

Визуальная культура совершенства основана на отрицании образов старения. Однако нельзя не учитывать увеличение числа пожилых людей, которые также являются потребителями медийных продуктов. Такую дилемму медийной сферы описывает Дж. Твигг на примере журнала «Vogue» [Твигг, 2011]. Этот случай репрезентирует как контекст борьбы со старением, так и культурное поле, которое его порождает. Перед редакцией встает проблема включения старшей возрастной группы в контекст моды, природа которой связана в основном с молодежной культурой. Дж. Твигг показывает, что образы немолодых женщин почти не появляются в визуальном поле журнала, а упоминание возраста можно встретить только в заголовках и текстах, посвященных антивозрастным продуктам и практикам. Журнал представляет успешное старение через потребительскую культуру, как старение без внешних признаков. Вектор конструирования рекламных образов возрастных идентичностей можно рассматривать через общую экспансию потребительской культуры: акцент на поддержании молодости своего тела доминирует в рекламах, когда стареющее тело можно победить через использование косметики [Featherstone, Wernick, 1995]. Однако исследователи отмечают, что репрезентации молодости

могут выражаться не только через визуальный образ телесности, но и через транслируемый образ жизни, которому сопутствуют практики «молодежности»: «Люди начинают вести себя так, словно им гораздо меньше лет, чем в действительности. Пожилые люди начинают тратить деньги на одежду в молодежном стиле, окраску волос, пластические операции, покупают эротические игрушки и пускаются в рискованные приключения, ведут себя не так, как принято в их возрасте» [Федотова, 2002: 421].

Реальные/живые тела являются основными репрезентантами прожитых лет: прочитываемый возраст маркирует их как принадлежащих к определенному жизненному циклу и статусу, в согласии с этим им приписываются нормативные ограничения и соответствующие принятым нормам идентичности. Медийные, обработанные культурой тела репрезентируют образцы возрастных норм и категорий. Тела, маркированные «не-молодостью», вытесняются за кулисы общества.

Медийное конструирование возраста

Культурные значения, воплощенные в теле, конструируются в СМИ. Медиа проблематизирует возрастные категории, принуждая аудитории к определенным типам прочтения и восприятия. Иными словами, это пространство, в котором за визуальными образами закрепляются определенные значения и создаются культурные репрезентации.

Телевизионные медиа являются особым полем как в повседневной жизни, так и в социологическом дебате. Несмотря на распространение Интернета и развитие новых медиа, телевидение продолжает оставаться одним из самых популярных средств массовой информации в России [von Feilitzen, Petrov, 2011]. Место телевидения в культуре и его социальный эффект описывает П. Бурдьё: «Даже простой репортаж, изложение записанных фактов, подразумевает стоящее за ним социальное конструирование реальности» [Бурдьё, 1996: 35]. Французский социолог рассматривает телевидение как поле сил, структурирующее взгляд на социальную реальность. Для П. Бурдьё важно рассмотреть выстраивание вертикального уровня коммуникации, при котором ее условия определяются не зрителем. Это, по мнению П. Бурдьё, превращает телевидение в «особую форму символической агрессии».

Д. Келлнер, говоря о методологии исследования СМИ, считает, что продукты медиакультуры требуют многоуровневого анализа для

понимания дискурсивных, идеологических позиций, нарративных стратегий, конструирования визуальных образов [Kellner, 1995]. Ученый применяет критическую «оптику» к анализу презентуемых культурных значений как носителей определенной идеологии.

Одной из основных проблем изучения репрезентаций являются их «взаимоотношения» с «реальностью». Как отмечает Ст. Холл, между означаемым и означающим нет естественной связи – эти значения задаются в культуре [Hall, 2011]. Репрезентации, таким образом, являются не отражением реальности, а ее конструктом, наполненным идеологическим содержанием. Н. Луман высказывает схожую позицию: «Реальность масс-медиа, можно было бы сказать их реальная реальность, состоит в их собственных операциях. В печати и вещании. В чтении. В просмотре передач» [Луман, 2005: 11]. Однако ключевым является другое понимание медиатекстов: «...о смысле того, что для нее или благодаря ней, для других выглядит как реальность» [Луман, 2005: 13]. СМИ конструируют новый социальный порядок, который вырабатывается через придание смыслов.

Медиа, являясь дискурсивным пространством власти, создает представления о возрасте и теле, конструирует «взгляд» и способы говорения об идентичностях. Телевизионные репрезентации отражают то, какие тела и сопряженные с ними возрастные идентичности прочитываются как норма.

Методологически возникает вопрос: как рассматривать аудиовизуальные сообщения телевидения в конкретном эмпирическом исследовании? Р. Вильямс предлагает категорию «телевизионный поток» для описания подвижного, изменчивого способа передачи несвязных текстов (объявлений, реклам, трейлеров), объединенных в общий телевизионный опыт, в единый способ восприятия [Williams, 1974]. В рамках данного подхода анализу подлежит вся последовательность транслируемых текстов, а не выбор какой-либо дискретной единицы, как одного сериала, телешоу или рекламного ролика.

В фокусе статьи – исследование, посвященное анализу доминирующих дискурсов телесной нормативности, продвигаемых медиа, в нашем случае – телевидением. В качестве эмпирического материала выступает телевизионный поток «Первого канала» в период «прайм-тайм» с 7 до 9 часов вечера. Выбор именно этого канала и времени не случаен. «Первый канал» обладает наибольшим охватом теле вещания на территории России, а также позиционирует себя как главный телеканал страны. Предполагается, что вечернее время – это период,

когда люди возвращаются с работы домой. Просмотр телевидения в этот период может рассматриваться как социальный ритуал, при котором люди если и не проводят вечер непосредственно перед экраном, то занимаются домашними делами под «фоновое» вещание работающего телевизора. Сбор аудиовизуального материала производился в течение двух периодов: с 1 по 14 февраля 2012 г. и с 19 по 31 марта 2012 г., что позволило, с одной стороны, отследить срез рутинных возрастных дискурсов, с другой – избежать актуализированной гендерированной риторики, связанной с праздниками 23 февраля и 8 марта, а также опасности трансляции «одной» серии реклам или повторения других телевизионных продуктов в рамках «монолитного» временного отрезка. Таким образом, эмпирическую базу исследования составил месячный охват медиаматериала (56 часов).

В качестве метода анализа данных был использован метод риторической деконструкции П. Ибарры и Дж. Китсьюза, который предполагает выделение из медиапотока риторических фигур и лейтмотивов, направленных на конструирование возраста. Также важно помнить о том, что в исследованиях такого типа остается проблема рецепции зрителя, который может сопротивляться доминирующим дискурсам и понимать их иначе, чем исследователь, как отмечает Дж. Фиск [Fiske, 1987].

Возраст на первом

Телевизионный поток «Первого канала» в выделенный период представлен совокупностью таких программ, как «Поле чудес», «Пусть говорят», «Давай поженимся», «Минута славы», а также праздничных концертов, фильмов, анонсов и рекламных роликов. Однако доминирующими в эфирном времени являются передачи «Давай поженимся» и «Пусть говорят», т.к. их трансляция идет все рабочие дни недели.

Данные телепередачи – это ток-шоу, построенные на монологах и переговорах участников¹. Проблематизация возраста происходит через взаимонаправленные нарративы (в широком значении этого

¹ В каждом выпуске передачи «Давай поженимся» жениху или невесте надо сделать выбор между тремя претендентами на руку и сердце. У передачи есть основная ведущая, а также ей помогает астролог и сваха. Герой поочередно встречается с каждым/каждой из претендентов/-ток и в конце делает выбор в пользу одного из них. «Пусть говорят» – ток-шоу, затрагивающее «проблемы, о которых невозможно молчать». В студии гости и зрители обсуждают житейские и социальные вопросы. Формат передачи подразумевает участие одного или нескольких героев, представляющих проблему, чаще всего это жертвы или виновники обсуждаемой ситуации.

слова: от кратких реплик до развернутых биографических описаний) героев ток-шоу, позволяющие рассмотреть контекст актуализации определенных возрастных значений.

При этом значения и предписания для тех или иных возрастных категорий не только и не столько напрямую озвучиваются, сколько обсуждаются, поясняются и проясняются в процессе переговоров. Таким образом, возраст и его характеристики конституируются в контексте взаимодействия.

Пространство жизни в телевизионных дебатах, на первый взгляд, предстает как множество коротких, дробных этапов, граница между которыми относительно четко очерчена:

«Такой образ может быть приемлемым в 17-18 лет, но в 21 год нужно думать о более серьезных вещах, тем более что она собралась замуж за такого серьезного человека, как Виктор» («Давай поженимся», 28.03.12);

«Ты хоть считаешь разницу – 25 и 22!» («Давай поженимся», 02.02.12);

«Зачем двадцатилетние девочки ищут тридцатилетних мужиков? Для чего? Вам даже поговорить не о чем!» («Давай поженимся», 20.03.2012)².

Эффект дробности усиливается рекламой косметики, предлагающей специальный крем для каждого «десятка» лет жизни, что конституирует идею «биологического» тела, соответствующего каждому возрастному периоду:

«Эхинацея и солодка для кожи от 35 лет»; «Родиола розовая для сухой и чувствительной кожи от 45 лет...» (рекламные ролики косметики «Чистая линия»).

Значения, присваиваемые тому или иному хронологическому возрасту, определяются не автономно, а в сравнении с другими возрастными величинами: так, одна и та же героиня может быть номинирована и как «девочка», и как «тетка» в зависимости от ситуации взаимодействия с другими героями:

«Вот, поселила молодого у себя, бабушке под тридцатник! Думала – повеселюсь!» («Давай поженимся», 19.03.2012);

² В статье в основном приведены цитаты программы «Давай поженимся», т.к. передача строится вокруг оценок героев через категории гендера и возраста, становящимися ключевыми в разговорах участников, в отличие от других программ, где упоминание данных критериев не столь частое.

«Ну и что, что 45? Им вдвоем на коньки и вперед!» («Давай поженимся», 20.03.2012).

Это позволяет говорить о том, что возраст, актуализируясь в нарративах, не является заданной категорией, характеризующей четко определенное количество прожитых лет, а определяется ситуативно, в процессе коммуникации героев и ведущих ток-шоу.

«Молодость» и «взрослость» становятся основными осевыми категориями, выстраивающимися в оппозицию, определяющимися относительно друг другу и задающими систему координат культурных значений возраста. Значения данных категорий интерпретируются через дихотомию тела и разума, что представляет собой, казалось бы, уже преодоленную картезианскую логику. Так, «молодость» является «воплощенной» категорией, определяемой через красоту, сексуальность, энергию. В то же время она артикулируется как «другой», аффективный, опасный возраст в силу своего телесного ресурса; молодость проблематизируется относительно «взрослости», выступающей нормативным жизненным пространством. Именно взрослость связывается с социальными компетенциями, ответственностью и успешностью, посредством которых разум контролирует тело.

«Телесная» молодость

Молодость конституируется как «телесный» период жизни, когда тело наиболее значимо, являясь основным ресурсом эксклюзивных практик. При этом данный этап биографии максимально «означивается» через тело, которое является ведущим репрезентантом этого периода.

Молодость номинируется как уникальный период жизни, связанный с сексуальностью и красотой. Причем, зачастую слова «молодой» и «красивый» формируют единую риторическую конструкцию и выступают как контекстуальные синонимы:

«Я люблю нашу молодежь! Такая она красивая!» («Давай поженимся», 09.02.2012)

Наличествующий телесный ресурс предполагает и допускает его специфическое «прямое» использование, недоступное другим возрастам:

«Когда же еще, если не в 20 лет! Не в 80 же!» (об откровенных фотографиях) («Давай поженимся», 06.02.2012).

Красота, предписанная молодости, имеет свой «короткий век», который заканчивается тогда, когда заканчивается молодость:

«Вот Вы написали, что в приданом - квартира и красота. Ваша красота с возрастом не будет увядать? Нет? Это Ваша, может, не будет увядать!» («Давай поженимся», 20.03.2012)

«Вот закончит она сейчас университет и будет такая сухонькая, с грустными глазами женщина. Вы знаете, юность, молодость – один миг!» («Давай поженимся», 23.03.2012);

«Возраст уже не тот, целлюлит» («Давай поженимся», 15.03.2012).

Молодость концептуализируется как уникальное жизненное пространство, наделенное телесным ресурсом, доступ к которому лимитирован.

Однако молодость определяется не только через ее эксклюзивный позитивный ресурс, но и через деструктивную телесную энергию. Этот период жизни зачастую маркируется как «опасный возраст» для общества. Молодые люди проблематизируются как источник угрозы, становясь героями программ в контексте агрессии по отношению к окружающим:

«4 июля после шумной вечеринки четверо молодых уральских тусовщиков сели нетрезвыми в «Лексус» и гоняли ночью на трассе под Екатеринбургом» («Пусть говорят», 22.03.2012);

«Ученица старшего класса Важенина собрала группу подростков и избивает детей прямо во время уроков» («Пусть говорят», 28.03.2012);

«Молодежь катается на лифтах, курит, гадит здесь» («Пусть говорят», 21.03.2012).

Молодость конструируется через аффективное тело, несдерживаемую и неконтролируемую энергию. Это жизненное пространство является нецивилизованным в понимании Н. Элиаса [Элиас, 2001]. Подобную аффективность молодости можно рассмотреть через доминирование «инстинктивного» тела над разумом: деструктивность определяется природной активностью молодости. Непредсказуемость, «неразумность» молодости вызывает алармистскую риторику и вызывает к необходимости контроля этой опасной энергии со стороны «взрослости», подвижной рациональностью и подчиненной разуму.

Образы молодости становятся ключевыми в визуальном поле. «Телесность» конструируется через здоровье и силу, репрезентируемые в рекламных роликах. Цитата из рекламы: «Битнер. Чтобы сердце было молодым», – апеллирует к здоровью, как ресурсу молодости. Именно герои рекламных сообщений, лишенные возраста, репрезентируются в контексте здоровья и силы. Так, например, в рекламе «Почты России» изображается молодая спортсменка, стремящаяся к победе.

Энергия молодого тела конвертируется в экстремальные и рискованные практики, которые могут рассматриваться как синтез силы и бесконтрольности. В одной из реклам изображен юноша, прыгающий со скалы, выполняя акробатические трюки. Способность к экстриму, риску – это ресурс молодости, обеспечиваемый ее телесностью.

При этом, обладая развитым «каноническим» телом, молодость еще не в полной мере обладает «духом»: социальными компетенциями, ответственностью, самостоятельностью, теми характеристиками, с помощью которых конструируется «взрослость». Молодость же, напротив, представляется как социально неуправляемое тело, как «тело-инстинкт»:

«Долго еще по этим глупостям будет гулять наш герой?» («Давай поженимся», 02.02.2012);

«Я вот только боюсь, чтобы она не заигралась» («Давай поженимся», 28.03.2012);

«Влюбился в нее, глупый же был, маленький» («Давай поженимся», 20.03.2012);

«Взрослеть-то когда будете? Когда уйдете от этих романтических штучек» («Давай поженимся», 23.03.2012);

«Мне вот странно, что шестнадцатилетний парень хочет поступить в финансовую академию» («Давай поженимся», 02.02.2012).

Таким образом, молодость конструируется/репрезентируется через телесность с использованием маркеров красоты, сексуальности, риска, здоровья. Она воплощается в «каноническом» теле, лишенном возраста. В то же время это тело, не прошедшее культурную обработку, аффективно и неконтролируемо, что связывает молодость с такими категориями, как неопытность и зависимость.

«Разумная» взрослость

Другой стороной оппозиции возрастных значений является взрослость, как жизненное пространство, в котором «разум» дисциплинирует и контролирует «телесное». Основными категориями, конструируемыми в телевизионных нарративах, становятся понятия ответственности, зрелости, компетентности, противопоставленные «неразумной» энергии молодого тела:

«Девушка еще о мультиках, о «Сумерках», - я это все перерос» («Давай поженимся», 23.03.2012);

«Вы просто какая-то девчонка, а он зрелый, взрослый, готовый к семейной жизни, он опытный, раненый» («Давай поженимся», 23.03.2012).

«Взрослый» становится синонимом серьезности и уверенности, понимания своей жизненной стратегии, преобладания разума:

«Я стала взрослой, я научилась находить компромиссы» («Давай поженимся», 09.02.2012);

«Я серьезный, самодостаточный мужчина» («Давай поженимся», 06.02.2012).

В силу наличия социальных компетенций взрослости делегировано право контролировать молодое тело. «Неразумность» молодости объективируется, оценивается с точки зрения опытной зрелости. Взрослость становится мерой развития «духа», нормальным этапом ответственности и серьезности, приходящими на смену аффективной молодости. Соответственно, зрелость наделяется правом оценивать «девиантность» молодости и брать ее под контроль. Такая иерархия выражается в риторике тревоги и необходимости опеки над молодыми людьми:

«Когда такие молодые девочки с рельс сходят, может быть очень грустно» («Давай поженимся», 23.02.2012).

Однако, обладая социальными компетенциями, интеллектуальным и «духовным» ресурсом, «взрослость» должна регулировать угасающий ресурс - тело. Рекламные ролики транслируют идеи о том, что репрезентируемый индивидом возраст должен быть молодым, сколько бы ему лет не было и каким бы изменениям не подверглось тело:

«Про-Ретинол стимулирует выработку коллагена, сокращая даже глубокие морщины» (рекламный ролик косметики «Garnier»);

«Моя кожа снова упругая, а морщинки совсем незаметны» (рекламный ролик косметики «Сто рецептов красоты»).

Отсюда следует, что медийные образы тела и телесности, репрезентируемые в анализируемых здесь программах, содержат явные противоречия и полярные интерпретации, находящиеся в конфликте. Взрослое, опытное тело, несмотря на социальную зрелость, ответственность и развитые компетенции, недоступные молодым телам, должно стремиться к соответствию культурным канонам молодости. Взрослый, «возрастной» индивид подталкивается к тому, что он/она должны инвестировать в практики, направленные на борьбу со старением. Тело в подобной картезианской логике должно быть подчинено и дисциплинировано разумом и быть в некоем балансе соответствия как ответственному возрасту, так и возрастной дисциплине «борьбы» за молодое тело, и при этом уметь рационально управлять доступными ему/ей материальными, финансовыми и культурными ресурсами.

Будучи телесно дисквалифицированной, взрослость пытается восполнить этот ресурс через молодое тело. Зрелость использует энергию телесной молодости, предлагая взамен свое материальное благосостояние:

«Бойтесь женщин со своей площадью старше себя, она приглашает вас к себе пожить только для одного!» («Давай поженимся», 13.02.2012);

«Эта бабушка пригласила его к себе жить только для одного!» («Давай поженимся», 23.02.2012).

Это дискурсивное ограничение на телесную старость усиливается визуальным пространством рассматриваемого телевизионного потока, где возраст выступает как «принуждение к молодости». Репрезентируемые идентичности максимально лишаются измерения стареющего тела или других маркеров «немолодого» возраста, если не биологически, то символически – через стилистику молодости. Образы, отличные от этой «нормы», появляются почти исключительно в соответствующих специфических контекстах: пожилые люди показываются в рекламе лекарств, дети – в рекламе детских товаров. Для остальных рекламируемых товаров, лишенных специальных возрастных коннотаций, используется «универсальный» образ тела, не маркированный старением.

«Взрослость», соответственно, можно определить через преобладание «разумного» над «телесным». В силу этого данному

жизненному пространству делегировано право оценивать и объективировать аффективность молодости. В то же время зрелое тело дисквалифицировано культурно, как тело угасания и упадка. Имея ресурс социальных компетенций и знаний, стареющее тело подвергается контролю и инвестициям для возвращения его в канонические рамки молодости.

Заключение

В телевизионном потоке «Первого канала» основными осевыми категориями, задающими систему координат культурных значений возраста, являются «молодость» и «взрослость». При этом выстраивание возрастных идентичностей происходит буквально в картезианской логике, основанной на дуализме тела и духа.

Так, молодость конструируется через телесные характеристики: красоту, сексуальность, здоровье, движение, риск, а также аффективность, способность к неконтролируемой агрессии и насилию. Тело (в) молодости преобладает над «духом», оно конституируется как инстинктивное, движимое природной энергией, биологическое. Данный период жизни репрезентируется как «неразумный», не обладающий необходимыми социальными компетенциями для самостоятельной жизни.

В оппозицию «воплощенной» молодости взрослость определяется в категориях «ответственности», «компетентности», «рассудительности» и т.п. В рамках жизненного курса тело должно пройти культурную обработку и стать субординированным относительно «духа». Взрослость становится победой «разума» над «инстинктивным» телом, при этом само зрелое тело культурно дисквалифицируется. Именно молодость репрезентируется как телесный канон, норма, которая должна поддерживаться и «симулироваться» вне зависимости от биологических изменений и хронологических границ. Стареющее тело необходимо взять под контроль, поместить в пространство антивозрастных манипуляций и визуально максимально приблизить к юности.

Оптимальная и идеальная возрастная идентичность конституируется через социальную зрелость и лишенное возраста тело. Молодость задает телесную норму, взрослость – социальную. Телевизионные медиа производят знание о том, что биологическое тело должно быть дисциплинировано: опыт и социальные компетенции должны преодолеть «инстинктивную» нецивилизованность и аффективность, а биотехнологии, фармакология и косметология – старение.

Литература:

1. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. Серия телевизионных лекций Коллеж де Франс на канале «Пари Премьер» (College de France — CNRS audiovisuet). 1996 – : <http://bourdieu.name/content/o-televidenii-i-zhurnalistike> (Дата обращения: 1.10.2011).
2. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Антоновского. - М.: Праксис, 2005.
3. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. - СПб: Университетская книга, 2001. Т.1.
4. Федотова Л. Социология рекламной деятельности. - М.: Гардарики, 2002.
5. Bordo S. The Body and the Reproduction of Femininity: A Feminist Appropriation of Foucault // Gender, Body, Knowledge: Feminist Reconstructions of Being and Knowing / ed. by Alison M. Jaggar and Susan R. Bordo. - New Brunswick: Rutgers UP, 1989.
6. Featherstone M., Hepworth M. The Mask of Ageing and the Post-modern Life Course. - London: Sage, 1991.
7. Featherstone M., Wernick A. Images of Aging: Cultural Representations of Later Life. N.Y.: Routledge, 1995.
8. von Feilitzen C., Petrov P. Use and Views of Media In Sweden and Russia. A comparative study in St. Petersburg and Stockholm. - Huddinge: Södertörns högskola, 2011.
9. Fiske J. Television Culture. - NY: Routledge, 1987.
10. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. - Cambridge: Polity Press, 1991.
11. Hall S. Representation. Cultural Representations and Signifying Practices. - London: SAGE, 2011.
12. Held T. Institutionalization and Deinstitutionalization of the Life Course // Human Development, 29. 1986. p. 157-162.
13. Katz S. Cultural Aging: Life Course, Lifestyle and Senior Worlds. - University of Toronto Press, 2006.
14. Kellner D. Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics between the Modern and the Postmodern. - London: Routledge, 1995.
15. Riley M. Aging, Social Change, and the Power of Ideas. - London: Dae-dalus, 1978.

16. Williams R. Television: Technology and Cultural Form. - London: Routledge, 1974.
17. Woodward K. Figuring Age: Women, Bodies, Generations. - Bloomington: Indiana University Press, 1999a.
18. Woodward K. Youthfulness as a Masquerade: Denial, Resistance and Desire // Figuring Age: Women, Bodies, Generations. - Indiana University Press, 1999b.

Дарья Литвина

**Дискурсивное производство
молодежных тел в текстах
высокорейтинговой российской прессы:
власть, гегемония, иерархия**

Тело индивида на протяжении всей жизни подвергается многочисленным манипуляциям, призванным привести его в соответствие с теми требованиями, которые предъявляет ему культурный контекст. Означивание тела, контроль над его соматическими проявлениями, усваивание определенных телесных техник наделяют тело социокультурными значениями и смыслами, превращающими его в систему метафор, через которую одновременно происходит символическая репрезентация себя и позиционирование индивидов в пространстве культуры. Ж. Бодрийяр замечает по этому поводу: «Здесь существует кое-что странное. Не представляет ли собою тело очевидность? Кажется, что нет: статус тела есть факт культуры. Однако какая бы культура ни была, способ организации отношения к телу отражает способ организации отношения к вещам и социальные отношения» [Бодрийяр, 2006: 168].

Тело является результатом социального производства и регулирования. Оно жестко регламентировано политиками нормализации/маргинализации, которые проводят различные культурные и государственные институты, такие как религия, искусство, медицина и законодательство. Дисциплинирующие и унифицирующие телесные режимы являются базовой стратегией сохранения социального порядка. Контроль за телами, установление легитимных телесных образцов и маркирование тел в соответствии с их статусом и групповой принадлежностью поддерживают и (вос-) производят социальную структуру общества, создавая экономически функциональных и политически легитимных субъектов. Производя определенный тип тел, власть производит определенный тип агентов, встроенных в существующий социальный порядок и поддерживающих его.

В процессе производства тела одну из главных ролей играют дискурсы, которые конституируют (и в опосредованной форме отражают) социальные идентичности, систему отношений, системы знаний и убеждений [Тичер и др., 2009: 202]. Власть задает особый способ говорения о теле, который формирует дискурсивное

пространство, где конструируются представления о нормативной и ненормативной телесности. В дискурсивно заданной иерархии тел «правильные тела» наделяются различными положительными качествами, легитимируются и получают публичное признание. «Неправильные» тела, наоборот, маргинализируются, и против них начинают действовать соответствующие механизмы исключения. В отношении «неправильных тел» складывается определенная негативная риторика, которая задействует различные дискурсивные стратегии для того, чтобы легитимировать право властных агентов на осуществление контроля/управления/патронажа над ними.

Изучение публичного дискурса о телесности молодежи помогает приблизиться к пониманию позиций и отношений между властью, молодежью и не-молодежью в современном российском обществе. Целью данной статьи является анализ риторики, выстраиваемой вокруг телесности молодежи в публичном дискурсе. На материале текстов высокорейтинговой российской печатной прессы будут описаны механизмы дискурсивного производства иерархии молодежных тел и стратегии, при помощи которых происходит легитимация властными агентами необходимости контроля над молодыми телами. В область проблематики данной статьи входит:

- 1) определение контекстов, в которые помещаются тексты, посвященные молодежной телесности;
- 2) описание особенностей дискурса молодежной телесности;
- 3) выявление субъектов говорения, производящих экспертное знание о телесности молодежи;
- 4) реконструирование представлений о молодежи из текстов статей;
- 5) анализ дискурсивных представлений о типичных, нормативных и ненормативных молодежных телах.

Концептуальный аппарат статьи опирается на постмодернистские теории тела, согласно которым телесность является социальным конструктом, в производстве которого участвуют дискурсы. Дискурсы, в свою очередь, являются социальной практикой, одновременно формирующей и формируемой социальной действительностью, и действуют в интересах власти, (вос-)производя в текстах отношения неравенства между молодежью и не-молодежью, позиционируя молодежные тела как ресурс, конструируя и подчеркивая их пассивную телесность и объектность, производя моральные паники и требуя усиления контроля над молодежными телесными репрезентациями. Критический дискурс-анализ, на котором методологически основана статья, позволяет

вскрывать и анализировать заложенные в текстах иерархии и гегемонии, которые выстраиваются в отношении молодежи.

Производство тела в дискурсе

Дихотомическое разделение человека на тело и разум, характерное для западных обществ, стало преодолеваться вместе с работами постмодернистских теоретиков [Thompson, Hirschman, 1995: 139], неотъемлемой частью философии которых стала теория дискурса [Ушакин, 1996: 133]. В рамках концепции постмодернизма тело понимается не как «биологический факт», а как социальный конструкт, который заново создается в каждой культуре посредством дискурсов. Они наполняют тело и его активности новыми смыслами, воплощая в нем систему социальных отношений. Постмодернистские социальные исследования телесности наиболее активно развиваются в рамках дебатов о потреблении и заботе о себе [Bourdieu, 1986; Featherstone, 1991]; в исследованиях телесных репрезентаций [Гоффман, 2000; Пилкингтон, 2004; Викулина, 2010]; при рассмотрении вопросов, связанных с неравенством, властью и доминированием [Фуко, 1996, 1998, 1999; van Dijk, 1996]; а также часто оказываются в фокусе исследований, связанных с гендером, сексуальностью и репродуктивной сферой [Butler, 1990, 1993; Нартова, 2008; Рубин, 2001; Кон, 2010]. Конструктивистская позиция в данном случае противостоит традиционному объективистскому подходу, полагающему, что тело — это природная данность, и ничего более.

Пожалуй, наиболее известным исследователем, рассматривавшим тело как продукт властного производства и регулирования, был М. Фуко. В его теории оно является объектом социального контроля и различных манипуляций, связанных с утверждением власти и авторитета при помощи дискурсов. В «Истории сексуальности» М. Фуко описывает тонкий механизм того, как именно осуществляется власть над телами [Фуко, 1996]. На протяжении многих веков тело подвергается воздействию со стороны дискурсов, которые при помощи апеллирования к моральным, социальным и медицинским обоснованиям легитимируют своё право на вмешательство в конструирование тел. В действительности власть нуждается в создании субъектов, которые поддерживали бы существующие отношения власти. «Правильные» дискурсы, производимые такими институтами, как церковь, медицина, психиатрия, педагогика

и уголовное правосудие, производят знание о том, как должен выглядеть и действовать «нормальный» индивид, а система власти контролирует тела путем стимулирования «правильных» и патологизации/наказания «неправильных». Индивиды, в свою очередь, не просто следуют предписаниям, но «фиксируют для себя определенный способ бытия» [Фуко, 1996: 300], то есть интериоризируют эти представления. В теории А. Грамши подобные отношения, при которых индивиды воспринимают ценности и идеалы господствующей социальной группы/класса как истинные и справедливые, получили название «гегемонии» [Грамши, 1991].

Власть проникает в самые интимные уголки нашей жизни и действует даже там, где, как нам кажется, происходят некие естественные процессы. М. Фуко говорит, что можно проследить четыре основные оси повседневного опыта, подвергавшихся на протяжении многовековой истории человечества, начиная с античности, наибольшему моральному контролю. Это отношение: а) к телу, б) к супруге, в) к представителям своего пола и г) к истине (отказ от плотских удовольствий как открытие доступа к мудрости) [Фуко, 1996: 305]. Эти четыре темы являются, по мнению Фуко, основными проблематизируемыми телесными практиками, контроль над которыми осуществлялся при помощи различных стратегий власти и знания. Таким образом, даже такие биологизированные и «естественные» телесные практики, как сексуальное поведение или гендерные роли, не являются в действительности чем-то универсальным и не существуют вне культуры.

Идеи М. Фуко активно развивали феминистские исследователи, в частности, постструктуралистский теоретик Дж. Батлер, которая утверждает, что не существует «реального» тела, а телесность конструируется в культурном пространстве посредством дискурсов. В своей работе «Gender Trouble» она предлагает теорию перформативности, связанную с теорией речевых актов [Остин, 1999], при помощи которой она деконструирует отношения пола, гендера и власти [Butler, 1990]. По ее мнению, пол и гендер связаны между собой, и оба перформативны. Это значит, что не существует «естественного»/«истинного» поведения, присущего мужчинам и женщинам на основании их физиологических особенностей. В ее понимании гендер – это действие, подчиненное определенному правилу и заключающееся в повторении одних и тех же перформативных актов, чья «естественность» объясняется именно

этим многократным повторением. По словам Дж. Батлер, «гендер – это повторяющаяся стилизация тела, набор повторяющихся актов внутри крайне жесткой регулятивной рамки (regulatory frame)» [Butler, 1990: 43–44], «который не может быть истинным или ложным, реальным или видимым, исходным или приобретенным» [Butler, 1990: 180]. При этом индивиды в ее теории являются агентами, способными к переосмыслению собственной гендерной идентичности при условии, что они понимают, что она является сгенерированной [Butler, 1990: 187]. Говоря о роли языка в производстве идентичности, Дж. Батлер соглашается с М. Виттиг в том что «язык представляет собой набор повторяющихся во времени действий (acts), который производит эффекты реальности (reality-effects), которые, в конечном счете, неправильно воспринимаются как «факты»» [цит. по Butler, 1990: 147].

Для того чтобы проследить, как именно власть над молодежными телами реализуется в текстах, как она легитимирует свое вмешательство и какими способами конституирует тела, нужна особая исследовательская оптика. Поэтому методологической основой данного исследования стал критический дискурс-анализ, одной из главных целей которого является изучение того, каким образом в текстах реализуется власть и доминирование одних социальных групп над другими и происходит (вос-)производство социального неравенства [van Dijk, 2008].

Как и другие дискурс-аналитические подходы, критический дискурс-анализ укоренен в конструктивистской исследовательской традиции [Phillips, Hardy, 2002; Йоргенсен, Филлипс, 2008: 22–23]. В классическом представлении конструктивистов язык занимает центральное место в процессе социализации и является главным социальным институтом. Функционирование всех институтов и систем (например, таких как государство или экономика) зависит от языка в том смысле, что именно посредством него создаются классификации, понятия и императивы, в соответствии с которыми индивиды структурируют свое представление о мире [Бергер, Бергер, 2004]. «Вместе с языком и посредством языка различные мотивационные и интерпретационные схемы интернализируются в качестве институционально определенных» [Бергер, Лукман, 1995: 220], «язык объективирует мир, преобразая *panta rhei* опыта в связный порядок. Устанавливая этот порядок, язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает и он его производит» [Бергер,

Лукман, 1995: 249]. Важной особенностью сконструированных у индивидов представлений является то, что они историчны и зависят от социального контекста, в котором были произведены, поэтому понимание социальных ролей, норм и ценностей будет меняться в зависимости от культуры.

Отправным пунктом критического дискурс-анализа является представление о том, что дискурсы выступают лингвистическим выражением социальных и культурных процессов и являются частью любой социальной практики. Среди элементов, которые составляют социальные практики, разработчик критического дискурс-анализа Н. Фэркло выделяет следующие: действия, социальные отношения между субъектами, инструменты, объекты, время и место, формы сознания, ценности и дискурсы. Все эти элементы находятся в диалектической связи. Это означает, что общество и культура взаимосвязаны с дискурсами, с одной стороны, конституируя их, а с другой – формируясь ими [Fairclough, 2001]. При этом все дискурсы интертекстуальны и могут поддерживать друг друга или вступать друг с другом в противоречие [Тичер и др., 2009: 199]. Таким образом, дискурс является исторически обусловленным, обладает перформативностью, диалектически связан с социальными практиками и интертекстуален.

Отличительной особенностью дискурсов является то, что они, как правило, действуют в пользу идеологии определенной группы. По словам Т. ван Дейка, «власть основана на привилегированном доступе к ценным социальным ресурсам, таким как богатство, работа, статус или, более того, на преференциальном доступе к публичному дискурсу и коммуникации» [van Dijk, 1996: 85]. Те, кто имеет большее влияние на большее количество влиятельных дискурсов, согласно его теории, имеют больше власти. Члены, и в особенности, лидеры и элита наиболее влиятельных социальных групп и институтов имеют эксклюзивный доступ к публичным дискурсам. Так, профессора контролируют школьный дискурс, журналисты – медийный, политики – политический и т.д. Между тем большинство людей могут контролировать только свое повседневное общение, во многих ситуациях оказываясь «пассивными целями текста или разговора, например, своих боссов, учителей, или представителей власти (...), которые могут просто сказать им, чему (не) верить или что делать» [van Dijk, 2001: 356]. Однако власть, доминирование, гегемония и неравенство, замаскированные и растворенные в дискурсе, со

временем легитимируются и воспроизводятся даже теми, против кого они направлены, что особенно хорошо видно на примере сексистских или ксенофобных текстов.

Для проведения данного исследования было отобрано 1145 референтных теме текстов общероссийских выпусков газет «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Российская газета» в период с 2005 по 2011 год. Эти источники были выбраны как наиболее рейтинговые российские периодические издания [Российская..., 2011]. Отбор производился при помощи электронной базы российской прессы «Интегрум» среди статей, содержащих в себе слова «юный», «молодой», «молодежь» или «подросток», а также словоформ от них. Для понимания дебата вокруг феминной телесности был проведен дополнительный отбор гендерно-специфичных текстов по запросу «девочка», «девушка», «девчонка». В фокусе исследования находились только тексты статей. Расположение текста (место на странице, окружение, площадь), его графическое оформление (шрифт, рамка, цвета) и невербальные элементы (фотографии, картинки) не рассматривались.

В качестве вспомогательного аналитического инструмента использовалась схема описания структур дискурса новостей в прессе, предложенная Т. ван Дейком [ван Дейк, 2000а, 2000б]. Тексты статей были отсортированы по тематическим категориям, после чего из текстов внутри каждой категории были выделены тематические элементы более низкого уровня (топики). Это помогло понять контексты говорения о молодежной телесности и составить представление о модальной направленности текстов и о той риторике, которая разворачивается внутри каждого контекста.

Иерархия молодежных тел: дискурсивные стратегии легитимации власти

Границы понятий «молодой» или «молодежь» нестабильны. В зависимости от контекста молодость может концептуализироваться через биологический или социальный возраст. Последний, как правило, ориентируется на уровень образования, семейный статус и психологическую «зрелость» индивидов. Поэтому под определение «молодой» попадают самые разные социальные группы: студенты, «молодые матери», солдаты, «неформалы», заключенные. Молодежная телесность в дискурсе высокорейтинговой российской

прессы конструируется как отличная от «взрослой», наделяется различными оценками и связывается как с позитивными ожиданиями чего-то нового, так и с негативными и разрушительными для общества качествами и привычками. Тело молодежи проблематизируется в публичном дебате в рамках ограниченного количества тематических областей:

- Ненормативное потребление (курение, наркотики, алкоголь, энергетические напитки и т.д.);
- Нелегитимные насильственные практики (убийства, драки, самоубийства и т.д.);
- Институциональные физические нагрузки (физкультура, армия, профессиональный спорт);
- Секс и репродуктивное здоровье (контрацепция, венерические заболевания, коммерческий секс, порнография и эротика, деторождение и т.д.);
- (Не-)здоровье и «естественные» особенности молодых тел («молодежные» болезни (например, искривление позвоночника, плохое зрение), врожденные патологии, «гуляющие гормоны» и т.д.).

Субъектами говорения о молодежном теле являются агенты власти (чиновники, депутаты, министры и т.д.) и эксперты (врачи, учителя, психологи). Они производят нормативный дискурс о молодежи, определяя границы допустимого и запрещенного. Экспертное знание представляется как доверительное, его критического переосмысления в прессе не происходит, поэтому ему предоставляется возможность решать, что должны потреблять и чем должны заниматься молодые люди. Голос самих молодых практически не слышен в морализаторской риторике «экспертов», интерпретирующих и оценивающих их тела. Молодежь конструируется как некомпетентная и безвольная практически во всем: в выборе сексуального партнера, в подборе одежды, составлении рациона, в оценке возможностей своего тела в спорте и т.д.

Молодежь предстает некой гомогенной группой, с одинаковыми для всех ценностями и практиками: в текстах практически не проводится классовых, экономических, культурных различий между разными группами молодежи. Многообразие молодежного культурного опыта редуцируется к дихотомическим оценочным представлениям о хорошей и плохой телесности. В целом, молодежный телесный опыт предстает скорее в негативном свете. В текстах анализируемых статей молодые люди часто конструируются как агенты, пассивные

по отношению к движущим ими физиологическим и психологическим силам – бунтарству, сексуальному желанию, агрессии, «вредному» влиянию. Поэтому особенностью молодежных тел предстает приписываемая им высокая потребность в дисциплинировании и контроле со стороны «правильного» дискурса, производимого политиками, экспертами и родителями.

В дискурсе прессы сами медиа представляются как противники «правильной» взрослой/экспертной риторики. Основная вина за «неправильные» телесные практики ложится на плечи создателей масс-медийной и рекламной продукции, формирующих положительные образы пива, сигарет, наркотиков, сексуальной свободы. При этом способность молодежи сопротивляться масс-медийным императивам полностью нивелируется. Например, по мнению говорящих на страницах газет экспертов, криминальная хроника и Интернет являются неисчерпаемыми источниками ненависти, которая выливается в уличные потасовки, а кино и реклама своими позитивными образами способствуют тому, что молодежь употребляет пиво и сигареты.

Легитимация властного вмешательства в производство молодежных тел происходит через демонстрацию последствий неподконтрольной телесности, которая представляется как опасная, вредная, маргинальная. Происходит переориентация на молодежь с «правильной» телесной социализацией – для этого выстраивается представление о дисциплинированных, совершенных, успешных телесных образцах. Так власть создает иерархическую пирамиду молодежных тел, где наверху находятся профессиональные спортсмены и спортсменки, служащие образцом молодого тела, а у подножия остаются «неправильные» – субкультурные, криминальные, неспортивные, недисциплинированные – тела. «Правильные» тела наделяются легитимностью и различными положительными когнитивными и психологическими характеристиками. Их особенностью и ценностью становится то, что они обладают правильной социальностью, которая была достигнута через регулятивное вмешательство экспертов (тренеров, армейских начальников) и родителей. Такие тела являются редкостью по отношению к типично опасным и проблемным, которые лишены внимания и контроля. Можно сказать, что молодежная телесность, наделенная экспертными оценками, описывается в основном в рамках трех риторических областей: типичное (опасное, проблемное)

тело, образцовое (успешное) тело и спорное (сексуальное) тело, на рассмотрении которых в дальнейшем остановимся более подробно.

Опасная телесность: криминальные, «другие», типичные

Наибольшее количество текстов, посвященных исследуемой категории, представляют молодежь как источник физически воплощенной опасности. Диспозитив опасности разворачивается в трех основных направлениях: молодое тело как неконтролируемое (в том числе самими молодыми), непредсказуемое, внушаемое. Молодые тела предельно биологизированы – это тела инстинктов, гормонов, эмоций. В поисках самости они обращаются к различным образам, которые находят в медиа и среди сверстников, и легко поддаются их влиянию. Они еще не усвоили культурных кодов и не умеют действовать в соответствии с социальными законами, а потому не соблюдают субординацию и действуют стихийно и самовольно. В этом смысле молодое тело противопоставляется «взрослому», которое действует рационально и последовательно.

Похоже, что молодость сама по себе является опасностью как для самого молодого тела, так и для общества – настоящего и будущего. Тема насилия возникает в нарративах об убийствах, драках (в частности, на фоне межнациональной ненависти), изнасилованиях, где молодые могут выступать как в роли преступников, так и в роли жертв. Криминологический дискурс практически полностью посвящен мужским телам и является доминирующим в текстах, связанных с телесностью молодежи. При этом попадание женского тела в риторическое пространство мужского (насилие, армия, криминал) само по себе является информационным поводом, и авторы используют различные вербальные средства для того, чтобы подчеркнуть маргинальную уникальность ситуации. В описаниях ситуаций насилия звучат алармистские настроения: уверенность в том, что молодежь – от подростков до молодых семейных пар – может в любой момент ударить, убить, причинить боль:

«Случаи, когда подростки из-за банального мобильного телефона или CD-плеера, не раздумывая, берутся за нож, встречаются сплошь и рядом» (Российская газета, № 292 (3961), 27.12.2005);

«Дети убивают не ради денег или карьерного роста, повод может быть любой. Им кажется, что смерть «ненастоящая».

МНОГИЕ <здесь и далее выделения текста в цитатах автором статьи> подростки лишают своих сверстников жизни ради самоутверждения» (Аргументы и факты, № 40 (1301), 05.10.2005).

Криминальные события становятся информационным поводом для того, чтобы усилить риторику угрозы со стороны молодежи. Так, единичный случай описывается, интерпретируется, после чего некое суждение экстраполируется на все поколение. Возьмем в качестве примера механизма создания моральной паники статью М. Медведевой «Недоразвитые киллеры» (Аргументы и факты, № 40 (1301), 05.10.2005), начинающуюся с сообщения о том, что *«[в] столице в нынешнем году на 10% возросло количество преступлений, совершаемых детьми»*. По мере разворачивания нарратива автор постоянно усиливает ощущение тревоги и ужаса от масштаба проблемы: начинаясь с краткой статистической справки о преступлениях в Москве, статья вдруг переключается на тему убийств в области, а затем и в обществе в целом. При этом автор при помощи разнообразных риторических приемов создает ощущение того, что безопасных молодежных тел не существует. В частности, она демистифицирует представление о безвредности женских тел, утверждая, что *«девочки будут долго унижать жертву: заставят встать на колени, почти наверняка разденут догола»*. Завершается статья «диагнозом» всей современной молодежи, жестокость которой преподносится как физиологически детерминированная: *«...у многих представителей поколения next практически не развиты отделы коры головного мозга, отвечающие за умение контролировать себя»*, *«[n]о поколение next не признает жалоб и слез, считая их уделом слабых»*. Многие статьи, посвященные криминальной молодежной субъектности, придерживаются аналогичной логической структуры.

Потенциально наиболее опасными категориями молодежи считаются «субкультурщики» и радикальные политизированные движения (наци-скинхеды, панки), «золотая» и клубная молодежь, а также любые компании/тусовки. Дискурсивно им приписывается склонность к употреблению алкоголя и наркотиков, различные нелегальные и осуждаемые в обществе поступки. Насильственные действия с их стороны объясняются через недостаток воспитания, душевную/психологическую нечувствительность, повышенную агрессивность, отсутствие альтернативных способов «выплеснуть энергию», желание доказать свою «крутизну». Они имеют

неподконтрольные, другие тела, закрытые для влияния со стороны «взрослых», и потому неуправляемые и опасные:

«Если бы не разрушили систему воспитания, - говорит социолог Александр Тарасов, - вполне возможно, мы бы не получили такое количество скинхедов. Первое поколение «бритоголовых» училось в школах в 90-х гг., в это время существовала доктрина: воспитание - пережиток тоталитаризма, школа должна давать только знания. (...) Прибавьте к этому подростковую агрессивность и максимализм, резкое социальное неравенство. В такой ситуации очень хочется найти врага, и сделать это легко» (Аргументы и факты, № 43 (1356), 25.10.2006).

По мнению экспертов, «другие» (а порой и любые) молодежные тела представляют угрозу не только существующему социальному порядку, но и будущему страны/общества/нации:

«Страшно представить, чем это явление может обернуться: сегодня золотая молодежь ворует в магазинах, завтра ее потянет к насилию, а послезавтра ради острых ощущений они начнут убивать...» (Аргументы и факты, № 24 (1285), 15.06.2005);

«В перспективе это сулит большую опасность. Ладно - не занятая ничем маргинальная молодёжь. Ну, водка, мордобой, мелкий криминал - картина знакомая и при правильных действиях милиции не сильно страшная. Но если молодёжная активность переместится в политическую сферу, станет страшно. Потому что в понимании большей части молодёжи реальная политика - прежде всего, прямые действия, а значит, уличные столкновения и сшибки. Причём желательны в как можно более крупных масштабах» (Аргументы и факты, № 46 (1359), 15.11.2006).

Особенно сильные моральные паники, связанные с телесностью, в свое время были вызваны внезапно появившимися в послевоенной Европе субкультурами, которые стали настоящим открытием XX века. Субкультурные стили, которым уделялось очень много внимания, как правило, интерпретировались как попытки завоевания культурного пространства и демонстрации сопротивления на символическом уровне. Исследователи и журналисты пытались раскодировать символы и скрытые значения субкультурных репрезентаций, бесконечно описывая и типологизируя их, приписывая им различные негативные моральные качества и

привычки, на основе которых строилась, в том числе, политика в отношении молодых [Омельченко, 2004]. Традиция «судить по одежке» сохраняется в прессе и сейчас: внешность представляется как первый и главный индикатор степени (без-)опасности того или иного тела. С внешностью связываются многие не телесные характеристики индивидов: их когнитивные способности и психологические характеристики:

«Но самое гнетущее впечатление в первый же вечер на меня произвела местная молодежь: совершенно бандитского вида - майки-безрукавки, спортивные штаны, стрижка в полсантиметра, дебильное выражение лиц - парни и крайне вульгарного вида девушки. Кучкуются стаями - мимо проходить страшно. Верный признак, что молодежи в городе заняться нечем» (Комсомольская правда, № 102, 01.07.2005).

В качестве наглядного примера достаточно вспомнить хотя бы «крестовый поход» против молодежных субкультур в Санкт-Петербурге несколько лет назад, проявившийся, в частности, на законодательном уровне. Так, в рамках одобренного на парламентских слушаниях проекта предлагался запрет на появление в образовательных учреждениях «обучающихся и иных лиц в явно узнаваемом и очевидно идентифицируемом макияже, одежде и атрибутике «гота» и «эмо»» [цит. по Омельченко, 2009].

Одной из самых популярных тем в дискурсе о молодежной телесности является употребление алкоголя и наркотиков, которое позиционируется как массовая, всеобщая проблема, описываемая в таких терминах, как «катастрофа», «эпидемия», «трагедия». Обсуждение данной тематики принимает масштаб моральной паники. Ненормативное потребление связывается с различными рисками: в текстах часто приводятся неутешительные прогнозы относительно будущего молодежи (в том числе и той, которая пробовала легкие наркотики и употребляет напитки с низким содержанием алкоголя (например, пиво)). Бедность, криминальная жизнь, невозможность родить здоровых детей и в конечном итоге скорая смерть - являются основными «обещаниями» молодому поколению. Типичное молодое тело представляется как патологическое, пристрастившееся к алкоголю и наркотикам и потому бездействующее, праздное, неспособное выполнять общественно важные функции (рожать, трудиться):

«СЕГОДНЯ на учёте наркологических служб состоит 91 тысяча молодых людей 15-17 лет и 20 тысяч пьяниц 10-14 лет. А более чем 2,5 тыс. подростков (!) уже имеют диагноз «алкоголизм». И это лишь те, кто обратился к врачам. Умножьте эти показатели на пять, и получите реальные цифры - миллионы! – спивающейся молодёжи» (Аргументы и факты, № 4 (1421), 23.01.2008).

В качестве предлагаемых мер по «борьбе» с нелегитимным потреблением предлагаются изменения в законодательстве в сторону увеличения наказания, а также усиление социального контроля над телами молодежи со стороны взрослых. Сама молодежь внутри данной категории конструируется как пассивная, легкомысленная, неспособная к оценке последствий употребления «запрещенных веществ» и подверженная воздействию со стороны сверстников и медиапропаганды. Можно сказать, что молодежь описывается как дискурсивно-зависимая, не обладающая достаточными знаниями и опытом для того, чтобы сопротивляться масс-медийным императивам. Молодые репрезентуются так, как будто они неспособны самостоятельно контролировать свои тела и принимать решения, учитывающие возможные риски. Поэтому, находясь в поисках своей социальной ниши, они некритично примеряют на себя все те образы, которые им предлагаются, – бандит, курильщик, хулиган и т.д.

Медиаиндустрия и группы сверстников представляются как враги «правильного» взрослого дискурса. Так, кино и реклама, по мнению экспертов, создают положительные образы нелегитимного потребления, которые способствуют тому, что молодежь употребляет алкогольные и энергетические напитки, наркотики и сигареты, а телевизионная криминальная хроника и Интернет являются причиной молодежной агрессии:

«О наркотиках, как и о других атрибутах взрослой жизни (сексе, алкоголе, табаке и т.д.), много разговаривают. Получается, что тот, кто ещё не попробовал «запретных плодов», как бы остаётся ребёнком, когда сверстники уже перешагнули порог взросления. (...) А на российских телеэкранах герои телесериалов, популярных художественных фильмов и даже новостных сюжетов нюхают кокаин и курят марихуану» (Аргументы и факты, № 27, 02.07.2008).

Опасное, неправильное тело представляется как типичное для молодежи, однако моральные паники, которые возникают в контексте говорения о криминале и ненормативном потреблении, в действительности преувеличивают масштаб проблемы, создавая риторику крайней опасности, серьезной угрозы. При этом проговаривается, что неправильная субъектность формируется из-за недостаточного контроля за телесностью со стороны взрослых и вездесущего влияния «плохих» медиа, ориентированных, в отличие от экспертов, исключительно на коммерческую выгоду. Подобная стратегия используется главным образом для того, чтобы сформировать ощущение необходимости контроля и регламентации молодежных тел, поскольку неправильные телесные репрезентации и активности несут в себе многочисленные и разнообразные угрозы – от завоевания культурного пространства до подрыва национальной стабильности.

Образцовая телесность: спорт, здоровье, нация

Правильная телесность репрезентируется в текстах значительно реже, чем опасная. Обычно, она возникает в текстах, посвященных теме профессионального спорта. Спортивная молодежь предстает в идеализированном, героически-правильном ракурсе. Спортсмены и спортсменки не просто символизируют здоровье и силу, но и наделяются положительными моральными и психологическими качествами, когнитивными и творческими способностями. Спортивные тела помещаются в риторику успеха, связанного с последующей реализацией намеченных жизненных планов, а также возникают в риторике заботы о здоровье детей и молодежи. О них говорится, как об особых телах, служащих нормативным эталоном, отличных от «типичных» болезненных и слабых.

Активное занятие спортом преподносится в дебате как главная/единственная альтернатива ненормативному потреблению и основное средство «профилактики» опасной телесности. Поддержание моральной паники вокруг алкоголя и наркотиков (к которым присоединяется также курение и употребление энергетических напитков), с одной стороны, и создание положительного образа спортивного тела – с другой, вместе формируют риторику здорового образа жизни, часто принимающую форму активной государственной пропаганды:

«Речь идет о нашей молодежи, о ее физическом и духовном здоровье. (...) И от того, насколько сильны будут эти руки, насколько трезвы будут головы у подрастающего поколения, напрямую будет зависеть будущее России. (...) Не секрет, что очень многие положительные качества личности развиваются на тренировках и соревнованиях по этим видам спорта: трудолюбие, настойчивость в достижении цели, лидерство, умение слаженно действовать в команде и работать на общий результат, когда важна победа одна на всех. Таким образом, реализуя ФЦП, у нас, наконец-то, появится реальная возможность улучшить социальный климат в обществе, положительно решить проблему физического и морального здоровья граждан, прежде всего – молодежи» (Российская газета, № 226 (5050), 27.11.2009).

Здоровые, спортивные молодежные тела воспринимаются как сильный и фертильный ресурс, который в дальнейшем можно использовать для решения задач государства и бизнеса. С хорошей спортивной подготовкой и состоянием здоровья связываются не только физические возможности, но и социально одобряемые характеристики:

«В ПОСЛЕДНИЕ годы восстановлению спортивной инфраструктуры в России уделялось недостаточно пристальное внимание, у многих ребят, особенно в отдалённых регионах, не было возможности заниматься спортом. В результате они выплёскивали нерастраченную энергию на улице. Теперь ситуация стала меняться. (...) И тогда следующее поколение страны вырастет здоровым, энергичным и целеустремлённым. Как подчеркнул в обращении к участникам спартакиады Дмитрий Медведев, «задача программы - не обязательно воспитать профессиональных спортсменов, а просто вырастить здоровое поколение, развить творческий и духовный потенциал подростков» (Аргументы и факты, № 38 (1351), 20.09.2006).

«Правильная» телесная социализация молодежи позволяет получить не только институциональную поддержку, но и обрести право быть признанными в качестве субъектов. В целом, субъектность не типична для дискурса о молодежной телесности, ее получают лишь тела, маркированные успехом или осуждением. Однако лучшие спортивные тела не анонимны, и преподносятся как агенты социального взаимодействия, а не просто как реципиенты тех

или иных культурных императивов. Так, в статьях рассказывается (с указанием имен) о спортсменах и спортсменках, которые успешно выступили или проявили себя, как о субъектах, которые «добились», «решили», «завоевали». Для остальных молодых тел не предпринимается даже попытка осмысления их как субъектов, отличных друг от друга и способных действовать самостоятельно, не говоря уже о каком-либо публичном признании.

Однако не все физические нагрузки и спортивный опыт оцениваются положительно. В первую очередь правильное спортивное тело – это тело, которое создается под правильным контролем (тренеров, родителей, армии). Молодые представляются неспособными понять собственное тело, его способности и желания, а также оценить возможные последствия того или иного действия. Поэтому они нуждаются в наставничестве и присмотре, в противном случае могут пострадать. Примеры такого тела – недисциплинированного, предоставленного самому себе или пострадавшего от халатности взрослых, приставленных за ним наблюдать, – можно найти в текстах, посвященных урокам физкультуры, экстремальным видам спорта и армии.

Частым сценарием статей, посвященных негативному спортивному опыту, является смерть или несчастные случаи на уроках физкультуры. Виноватыми в данной ситуации назначаются врачи, учителя и родители, которые должны были проконтролировать, чтобы молодой человек не превысил допустимую для себя нагрузку:

«Нагрузки должны быть адекватны возрасту, а вопрос об их увеличении могут решать лишь специалисты. Если «улучшать показатели» начинают люди, не знакомые с физиологией подростков, это обычно заканчивается тем, что дети гибнут на кроссе» (Аргументы и факты, № 10, 10.03.2010).

Самым диверсифицированным в контексте дебата о физической активности оказывается дискурс армейской жизни, в котором присутствуют не только панические настроения, но и позитивные, патриотические, оптимистичные представления, что указывает на отсутствие некоего консенсуса в обществе относительно отношения к армейскому опыту телесной социализации. Тоталитарная дисциплинарная власть армейского начальства над телами работает не всегда, что приводит к возникновению неуставных отношений, которые описываются в той же логике моральной паники, что и криминальные события. Однако, в целом, тело солдата в армии

полностью подчинено командиру – и поскольку оно не может самостоятельно действовать, значит, не представляет опасность. Единый телесный стандарт, дисциплинированность, полная подчиненность и пространственная изоляция солдат делает их тела безопасными. При этом, в отличие от спортивных тел, солдатские существуют на стыке двух конкурирующих дискурсов, а потому реже описываются как успешные и престижные:

«Еще одна болевая точка – высокий процент преступности среди призывников. Попадая в армию, парни, имевшие раньше проблемы с законом, своих привычек, как правило, не меняют и совершают новые преступления. А молодые люди из экстремистских группировок пытаются насаждать в казарме свои взгляды, что нередко оборачивается дедовщиной. Бороться за нравственно и физически здоровую молодежь военные предлагают сообща» (Российская газета, № 130 (5209), 17.06.2010);

«Как системы в армии нет «дедовщины», есть лишь мельчайшие проявления, – заявил в минувший вторник мэр Москвы Юрий Лужков, призвав пропагандировать престижность службы для молодых людей» (Комсомольская правда, № 106.4, 22.07.2010).

Спортивное тело представляется как образец легитимности, который дискурсивно поощряется, помещаясь в контекст успеха. Однако за апелляцией к заботе о здоровье и жизненном благополучии молодых скрывается властное требование дисциплины и правильной социализации для того, чтобы молодежь, которая представляет интерес в качестве экономического ресурса, успешно интегрировалась в социальный порядок и была способна к выполнению своих функций – рожать, трудиться, защищать Родину.

Спорная телесность: сексуальность и репродуктивное здоровье

Несмотря на то, что в текстах прессы явно обозначены границы успешных/правильных/легитимных и слабых/неправильных/опасных молодежных тел, дискурс о молодежной телесности порой предстает крайне диверсифицированным. В частности, это касается сексуальной сферы. Молодое, в особенности подростковое и детское тело, находится на границе между сексуальностью и асексуальностью, является пространством для споров вокруг допустимых форм проявления этой сексуальности.

В последние годы молодежная сексуальная телесность стала объектом повышенного политического внимания и предметом заботы со стороны государства. Во многом это связано с проводимой демографической политикой, где основной акцент делается на молодые семьи. Критическое состояние современных демографических тенденций в России заставляет государство вести активную пронатальную политику и выводить задачи по повышению рождаемости на первое место. В данном контексте молодежные тела воспринимаются как демографический ресурс, который можно и нужно использовать в соответствии с национальными целями [Чернова, Шпаковская, 2010]. Решение демографического вопроса принимает статус первостепенной государственной задачи в 2006 году, с постановкой соответствующей задачи в «Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию». Можно сказать, что оно послужило толчком для того, чтобы о молодежной телесности стали говорить. По сравнению с 2005 годом в 2006 году количество статей, затрагивающих темы молодежной телесности, выросло в пять раз (примерно с $n=51$ до $n=273$).

Особенно пристальному вниманию в контексте обсуждения репродуктивной и сексуальной сферы подвергаются женские тела. Фемининный проект в прессе представлен в основном через рождение детей, репродуктивное и сексуальное здоровье, а также внешность. Женское тело возникает только при рассмотрении узких тематических областей. Так, оно появляется в дебате о молодых семьях, а также в темах, связанных с уходом за собой. Молодые люди в рамках современной российской пронатальной риторики являются главным демографическим ресурсом. Как следствие, основной акцент в обсуждении женских тел ставится именно на их сохранении для успешного производства потомства – отказ от вредных привычек и разнообразия сексуальных практик:

«И не только довести до материнства здоровыми, но и сформировать у них репродуктивную культуру, убедить их иметь как можно больше детей, грамотно предохраняться. (...) А ведь именно они определяют демографическую ситуацию в XXI в. Поэтому задача врачей - сохранить их здоровье, а задача подмосковных властей - создать такие условия жизни, чтобы 92% потенциальных мам захотели стать ими по крайней мере трижды» (Аргументы и факты, № 8, 20.02.2008);

«...особое внимание необходимо обратить на демографическое здоровье нации, и чем раньше будет начата профилактика заболеваний в этой сфере, тем лучше. (...) По мнению экспертов, возросшие школьные нагрузки ведут за собой снижение двигательной активности подростков, а общее состояние здоровья, в свою очередь, влияет и на проблему репродуктивного здоровья нации» (Российская газета, № 10 (5089), 21.01.2010).

Молодое тело мыслится как сексуально активное, при этом недостаточно компетентное для того, чтобы правильно распоряжаться собственной сексуальностью. Молодежь, по мнению большинства экспертов, обладает неправильной, испорченной, гедонистической (нацеленной на получение удовольствия) сексуальностью, в результате чего получает психологические травмы, болезни и нежелательные беременности. Для того, чтобы сохранить молодежь как репродуктивный ресурс, предлагается заниматься ее сексуальным воспитанием. Споры вокруг того, что следует вкладывать в это понятие, раскалывают экспертов на два лагеря – консервативный и либеральный.

Основная дискуссия разворачивается вокруг тем сексуального просвещения, несовершеннолетнего родительства и тенденций в сторону либерализации сексуальности (уменьшение возраста сексуального дебюта, признание легитимности гомосексуальности и добрачного секса и т.д.). В дебатах участвуют чиновники, врачи, психологи, священнослужители и родители, обсуждающие, как воспитать правильную сексуальность у детей, подростков и молодежи и что следует под этим понимать. Сами молодые оказываются недостаточно опытными, компетентными и умными для того, чтобы самостоятельно принимать решения о том, как распоряжаться своим телом. Консерваторы приписывают молодым телам подверженность влиянию пропаганды «развратного» и «бездуховного» образа жизни, которая транслируется через СМИ, Интернет и программы сексуального просвещения. Похоже, что наибольшую моральную опасность представляют сериалы и реалити-шоу, такие как «Дом-2» и «Секс в большом городе», которые обвиняются в «развращении молодежи и пропаганде добрачных сексуальных связей». Для либерального «лагеря» актуальными становятся вопросы, связанные с защитой от ЗППП, уходом за собой и предотвращением внеплановых/нежелательных беременностей. В целом, вербализация тем, связанных с сексуальностью, проходит

в поверхностной и упрощенной форме: затрагиваются проблемы, связанные с рождением детей, моралью и репродуктивным здоровьем, тогда как темы, связанные с удовольствием, замалчиваются:

«Причины, подталкивающие подростков к ранней сексуальной жизни, понятны и много раз описаны - разрушение многих семейных табу, популяризация мысли о том, что внутренняя свобода человека и сексуальная свобода - это одно и то же. А еще - подчеркнутая развращенность тех, кого почему-то называют молодежными звездами. И естественное для подростков желание подражать своим распущенным кумирам. Быть девственницей или девственником в старших классах не модно, не современно. Ты еще не ...? Ну, тогда ты - отстой! Последствия этой моды всем тоже ясны. Что тут делать? На государственном уровне всерьез взяться за пропаганду семейных ценностей» (Комсомольская правда, № 139, 19.09.2008).

Сексуальная жизнь является областью строгой регламентации, где борются за право дискурсивно влиять на молодежную телесность два сексуальных императива – консервативный и либеральный. Вместе с тем оба сосуществуют в рамках единого пронатального дискурса, который, в одном случае, действует с помощью риторики фамильных ценностей и моральных устоев, а в другом – через риторику заботы о здоровье. Обсуждению подлежат только темы, касающиеся сохранения фертильности молодежных тел и традиционных моделей отношений, которые не нарушали бы социальный порядок.

Молодежь предстает особой социальной группой, поскольку является объектом политического и экономического интереса государства, которое рассматривает ее как военный, демографический и трудовой резерв. Субъектами говорения о молодежном теле в дискурсе прессы становятся многочисленные агенты власти – политики, чиновники, профессора, – которые обладают привилегированным доступом к публичному дискурсу и имеют возможность через него транслировать те политические требования к телам молодежи, которые бы формировали их в интересах воспроизводства существующего социального порядка. Дискурсивное производство молодежных тел осуществляется

путем конструирования образов легитимного и маргинального тела, выстраивания соответствующей риторики в отношении каждого из них с целью задать нормативный образец молодежной телесности и оправдать необходимость унифицирования молодежных тел согласно нему.

Легитимное, правильное молодое тело дискурсивно задается как здоровое, спортивное, фертильное. Его особенностью становится то, что оно успешно социализировано и функционально благодаря тому, что дисциплинировано и подконтрольно. При этом большинство молодежных тел находится далеко от этого образца социального и телесного успеха: своими практиками они нарушают телесные режимы и ставят под угрозу социальный порядок и общественное благополучие. Поэтому эксперты, обладающие монополией на знание о молодежи, присваивают себе право на властное вмешательство в производство молодежной телесности. Власть также предъявляет особые требования к самым интимным телесным практикам, таким как секс. Молодые тела (в особенности женские) помещаются в пронатальный дискурс и описываются как тела, о которых нужно заботиться, чью фертильность необходимо беречь и чье сексуальное поведение необходимо регламентировать.

Экспертная власть стремится быть тотальной и постоянно обозначает свою оппозиционность по отношению к альтернативным дискурсам о молодежной телесности. Интернет, реклама, субкультуры, экстремальные виды спорта – любые пространства, в которых возникают отличные от властных дискурсы, интерпретируются как опасные, ложные, корыстные. В область одобряемого и допустимого попадает только та риторика, которая находится под регламентом государственного/экспертного контекста, который маргинализирует молодежную автономию (как попытку создания собственной, аутентичной телесности) и отказывает ей в признании ее компетенций в области знаний о своем теле и умений им распоряжаться. Из дискурса о теле молодости практически исчезает голос самой молодежи.

Любое молодежное тело маркируется как социально больное. Мобильность в сторону переопределения молодого тела как легитимного и правильного происходит через дисциплинирование взрослыми. Правильная телесная социализация подразумевает физическое здоровье и дееспособность всех систем, ориентацию тела

на властный императив, социальную функциональность, а также знание правил взаимодействия с другими телами. «Забота» власти о молодом теле вписана в контекст биополитического интереса – она нацелена не на то, чтобы у индивида формировалось субъективное ощущение удовлетворенности своим телом, а на дееспособность тех его систем, которые нужны обществу. Вместо тела удовольствий и самореализации молодежное тело понимается как общественное тело, которое подчинено далеким от его реальных интересов и возможностей национальным, общественным, культурным интересам.

Список цитируемых источников:

1. Александров Г. Столица под кайфом. Наркоманов в 10 раз больше, чем говорят // Аргументы и факты, № 27, 02.07.2008.
2. Андриевская Е. Здоровье поставили на поток // Аргументы и факты, № 8, 20.02.2008.
3. Анисимов Е. За что не любят Ходорковского в бывшей столице «ЮКОСа»? // Комсомольская правда, № 102, 01.07.2005.
4. Борта Ю. Пропитое отрочество // Аргументы и факты, № 4 (1421). 23.01.2008.
5. В армию, негодник! Мальчишек хотят оздоровить и тут же «забрить» // Аргументы и факты, № 10, 10.03.2010.
6. Голубкова М. Под наблюдением // Российская газета, № 10 (5089), 21.01.2010.
7. Зайцева Е. Задача - вырастить здоровое поколение // Аргументы и факты, № 38 (1351), 20.09.2006.
8. Как это «дедовщины» нет? Вот она! // Комсомольская правда, № 106.4, 22.07.2010.
9. Кудряшов К. Молодо: зелено или красно-коричнево? // Аргументы и факты, № 46 (1359), 15.11.2006.
10. Мартынкина Д. Из князей - в воры // Аргументы и факты, № 24 (1285), 15.06.2005.
11. Медведева М. Недоразвитые киллеры // Аргументы и факты, № 40 (1301), 05.10.2005.
12. Метелица Г., Кудряшов К. РЕЙХнувшие // Аргументы и факты, № 43 (1356), 25.10.2006.
13. Сальникова О. Сделаем «это» по-взрослому // Российская газета, № 292 (3961), 27.12.2005.
14. Семенов С. Физкультура и спорт - как государственная задача // Российская газета, № 226 (5050), 27.11.2009.
15. Токарева Д. Быть девственницей в 13 лет не модно? // Комсомольская правда, № 139, 19.09.2008.
16. Шаров А., Гаврилов Ю. Откормить, обучить и в строй поставить // Российская газета, № 130 (5209), 17.06.2010.

Литература:

1. Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. - М.: Академический проект, 2004.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Республика; Культурная революция, 2006.
4. ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000а. С. 111-160.
5. ван Дейк Т.А. Структура новостей в прессе // Язык. Познание. Коммуникация. - Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000б. С. 228-267.
6. Викулина Е. Конструирование новой телесности: медиализация и забота о себе в годы «оттепели» // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 113-119.
7. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
8. Грамши А. Тюремные тетради. Ч.1. - М.: Политиздат, 1991.
9. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
10. Кон И. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. - М.: Время, 2010.
11. Нартова Н. Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе // В тени тела/ Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского Государственного университета, 2008. С. 93-110
12. Омельченко Е. Молодежь. Открытый вопрос. - Ульяновск: Симбирская книга, 2004.
13. Омельченко Е. Про эмо, готов и нравственность. 2009. - : <http://www.polit.ru/article/2009/01/23/subkult/>.

14. Остин Д. Как производить действия при помощи слов // Избранное. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13-139.
15. Пилкингтон Х. Переосмысление «Запада»: стиль и музыка в культурной практике российской молодежи // Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. - СПб: Алетейя, 2004. С.186-224.
16. Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч.II: Хрестоматия/ Под ред. С. В. Жеребкина. - Харьков: ХГЦИ, 2001; СПб: Алетейя, 2001. С. 464-533.
17. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. - Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.
18. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / Под ред. В.В. Григорьева. - М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011.
19. Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 130-141.
20. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999.
21. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М.: Магистериум—Касталь, 1996.
22. Фуко М. Рождение клиники. - М.: Смысл, 1998.
23. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19-43.
24. Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1986.
25. Butler J.P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, London: Routledge, 1990.
26. Butler J.P. Bodies that Matter, on the Discursive Limits of «Sex». New York, London: Routledge, 1993.
27. Fairclough N. The Dialectics of Discourse. 2001. - : <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc>.

-
28. Featherstone M. The Body in Consumer Culture // The Body: Social Process and Cultural Theory / ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B.S. Turner. London: Newbury Park; Calif.: SAGE Publications, 1991.
 29. Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.
 30. Thompson C.J., Hirschman E.C. Understanding the Socialized Body: A Postructuralist Analysis of Consumers' Self-Conceptions, Body Images, and Self-Care Practices // Journal of Consumer Research. Vol. 22. No. 2. 1995. P. 139-153.
 31. van Dijk T.A. Discourse, power and access // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by R.C. Caldas-Coulthart, M. Coulthart. London: Routledge and Kegan Paul, 1996.
 32. van Dijk T.A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. Oxford: Blackwell, 2001.
 33. van Dijk T.A. Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / ed. by T.A. van Dijk. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2008.

Маргарита Кулева

**Мода в повседневности российского
молодежного мейнстрима:
конструируя возраст, гендер и класс**

*Предметы одежды, прилегающие к нашим телам,
много говорят и о наших душах.
Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность*

Словосочетание «молодежь и мода», или чаще встречающееся как привычное клише - «молодежная мода», вряд ли вызовет даже у самого далекого от этой темы читателя недоумение или удивление. Действительно, современное медийное пространство переполнено модными образами юношей и девушек. Получить подтверждение вы сможете немедленно: достаточно просто набрать в любом поисковике «молодежь и мода». Можно даже не читать полученные в результате поиска тексты, а сразу углубиться в раздел «картинки». Здесь вы увидите самую разную молодежь: японскую субкультуру «фрукты» в невероятных нарядах, готик-лолит в черном латексе, ирокезы, кожаные куртки с заклепками, юных моделей haute couture на подиуме, мини-юбки, пирсинг, девушек с обнаженным животом (такие картинки могут быть иллюстрациями к статьям о вреде моды для здоровья), икон «молодежного бума» - Твигги или Пенелопу Три, рекламные кампании масс-маркет брендов.

Однако насколько эта, безусловно, красочная мозаика, ассоциирующаяся у нас с молодежной модой, а зачастую и репрезентирующая ее, отражает реальный повседневный опыт жизни «в одежде», который имеют современные молодые люди? Исходное авторское предположение состоит в том, что отражает лишь отчасти. Во-первых, следует различать понятие «молодежной моды» и моды, практикуемой молодыми людьми. Мы легко можем представить себе 50-летнего панка (в некотором смысле панк, обратившийся к этому стилю в период его зарождения, будет аутентичнее своего более юного коллеги) или 20-летнего яппи, придерживающегося стиля white collar. Во-вторых, в медиа молодость репрезентируется скорее как норма, чем как особое дискурсивное пространство мышления тела, поэтому медийные образы, представленные молодыми людьми, в большей степени универсальны. В-третьих, описанные выше субкультурные стили составляют довольно небольшую, но наиболее видимую часть стиливых репертуаров молодых людей. Таким образом, прямая связь между медийной репрезентацией «молодежной моды» и реальным опытом молодых людей оказывается, по меньшей мере, неочевидной.

Данная проблема, отчасти, характерна и для практики исследования моды, в большей степени описывающей те явления, которые можно отнести к «авангарду» модного производства и потребления. Так, частым объектом fashion studies становится: творчество признанных дизайнеров, модных домов; реконструкция стилей определенных эпох (в первую очередь также представленных наиболее известными и «ценными» образцами); стили публичных деятелей (актеров, звезд, политиков); модные журналы и формируемая ими система предпочтений. Тогда как проблематика потребления, мышления, использования и производства одежды более широкой аудиторией остается гораздо менее популярной темой, относимой – продолжая метафору – к «арьергарду», низам иерархии моды. В качестве говорящего примера хотелось бы привести фрагмент из кинофильма «Дьявол носит Prada», рассказывающий о молодой журналистке, весьма далекой от моды, но волей случая оказавшейся ассистенткой влиятельного редактора модного журнала (ее прототипом послужила редактор американского Vogue Анна Винтур). В одном из эпизодов редактор раздражается гневной тирадой в адрес своей ассистентки: «О, Вы думаете, что <тряпки> не имеют к Вам отношения. Утром Вы подходите к шкафу и выбираете, не знаю, этот мешковатый голубой свитер, чтобы показать, что Вы человек серьезный, и Вас совершенно не волнует то, во что Вы одеты. Но! Вы не знаете, что это свитер не просто голубой, не лазурный, не бирюзовый, а небесно-голубой. И Вам невдомек, что в 2002 году Оскар де ла Рента создал коллекцию платьев небесно-голубого цвета, а затем, кажется, Ив Сен Лоран – коллекцию небесно-голубых френчей... И вскоре другие дизайнеры ввели небесно-голубой цвет в свою палитру, а затем он просочился в крупные магазины одежды, а затем, спускаясь все ниже, достиг какого-нибудь отдела уцененных товаров, где Вы его и выудили. Однако ради этого оттенка были затрачены миллионы долларов и огромный труд. И хотя Вы уверены, что сделанный Вами выбор подчеркивает Вашу независимость от моды, Вы носите свитер, который был выбран для Вас людьми в этой самой комнате... из горы тряпок» [«Дьявол носит Prada», 2006]. Индустрия моды изображена здесь как четкая иерархия (сначала ведущие дизайнеры, потом масс-маркет, потом магазины-дискаунтеры), а потребители одежды, не обладающие ресурсами (знаниями и деньгами), лишены голоса и возможности самостоятельного выбора.

В последние десятилетия система моды переживает заметную демократизацию. Уменьшается разрыв между «высокой модой» и «массовым производством», что происходит, с одной стороны, как следствие fast fashion (массовые бренды мгновенно абсорбируют подиумные новшества), а с другой – через развитие коллабораций (известные дизайнеры создают коллекции для масс-маркета) высокая мода заимствует уличные стили. Однако подобное иерархическое видение моды все-таки остается преобладающим.

Методологически эта статья восходит к противоположным основаниям: пространство смыслов и практик, сопряженное с модой и одеждой в жизни изучаемой группы молодых людей, мыслится как достаточно самостоятельное, независимое и творческое. Очевидно, что это не отрицает влияние на них модного дискурса, однако оказываемое влияние не является изначально тотальным, а должно стать предметом отдельного анализа.

Основным фокусом статьи станет описание и анализ той роли, которую играет мода и одежда в повседневности российского молодежного мейнстрима¹. Основными задачами данной работы являются: определение контекстов моды и границ «модного», характерных для изучаемой группы молодежи; выявление типов гендерной, классовой, возрастной саморепрезентаций с «участием» моды; выделение основных стилевых репертуаров; поиск дисциплинарных границ, предписываемых необходимостью следования «модному», и основных способов их нарушения. В частности, в исследовательский гайд вошли вопросы о практиках, связанных с приобретением одежды; предпочтениях, понимании моды и ее границ; влиянии других агентов на потребление одежды; стилевом самоопределении и симпатии/антипатии к другим стилям; одежде в приватном и публичном пространстве.

Одежда и возраст, класс, субкультура, гендер

Одежда и мода играют огромную роль в проживании возраста, помогая поместить телесный опыт в контекст культуры. Одежда – то, что разделяет наше обнаженное тело и социальный мир, как пишет Дж. Твигг [Twigg, 2000: 2], медиатор, создающий контекст

¹Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

существования нашего социального «я». Это особенно важно при проживании молодости, когда социальный субъект, еще возможно не имеющий достаточного опыта и социальных компетенций, начинает осознавать свою самостоятельность. Одежда и мода в данном случае представляют собой пространство эксперимента, в котором молодой человек социализирует, исследует, измеряет, учится строить презентации своего тела.

Субкультурные исследования занимают особое место в вопросах, связанных с молодежью и модой. Традиция этих исследований восходит к британской школе Cultural Studies (Hall S., Jefferson T., Hebdidge D., McRobbie A., Pilkington H. и другие). В качестве одной из наиболее влиятельных можно отметить работу С. Холла и Т. Джефферсона [Hall, Jefferson, 1977], в которой анализируются особенности первых послевоенных субкультур, возникавших преимущественно внутри «родительской культуры» британского рабочего класса. Огромное значение для этих групп имела «инаковость» в одежде, благодаря которой они в первую очередь могли быть идентифицированы. Наиболее полно тема субкультурных стилей и моды раскрывается в монографии Д. Хебдиджа «Subcultures: The meaning of style» [Hebdidge, 1979]. Как отмечает Д. Хебдидж, субкультуры зачастую негативно освещаются в прессе, их возникновение сопровождаются своего рода «моральными паниками»: субкультурной молодежи приписывают агрессивное поведение, склонность к насилию и первертной сексуальности, употребление наркотиков. Заметим, что подобные выводы делаются в первую очередь исходя из их стиля одежды. Согласно Д. Хебдиджу, причина подобных конфликтов – текстуальная. «Субкультуры представляют собой шум, в противоположность звуку: помехи в упорядоченной системе связей между реальными событиями и явлениями и их репрезентацией в средствах массовой информации. Именно поэтому показная субкультура значима не только как метафора анархии, бушующей «где-то там», но и как действенный механизм семантического беспорядка – своего рода временного затора в системе репрезентации». И далее: «Всякое прерывание, урезание или амальгмирование господствующих языковых и идеологических категорий порождает растерянность и смятение, поскольку перед нами вдруг на мгновение приоткрывается произвольность кодов, лежащих в основании традиционных форм дискурса» [Хебдидж, 2009: 131]. Рассмотрим подход Д. Хебдиджа на примере стиля панков,

которые использовали утилитарные предметы быта (такие как английские булавки) в качестве изысканных украшений, возносили вульгарные и дешевые материалы (такие как поддельный леопард или латекс) на вершины вкуса. Однако поломка кодов доминантной культуры не является окончательной, как замечает Д. Хеббидж, возникающие антистили быстро инкорпорируются в мейнстрим: происходит коммерциализация, популяризация и постепенно особые коды субкультуры становятся достоянием большинства. В частности, инновации панков очень быстро были эксплуатированы ключевыми дизайнерами в разработке своих коллекций.

Более позднее развитие теории субкультур, в частности постсубкультурные исследования и их центральные концепты («сцены», «постсубкультуры», «неоплемена», «жизненные стили»), проблематизировали эти вопросы, значительно расширив и дополнив субкультурный подход. Как замечает, Д. Маггелтон [Muggleton, Weinzierl, 2004] постсубкультурная теория, пришедшая на смену теории субкультур, стала ответом на вызовы изменившегося постиндустриального общества. В качестве основных тезисов парадигмы постсубкультурных исследований могут быть выделены следующие утверждения: молодежная культура не может рассматриваться как ритуал сопротивления по отношению к господствующей классовой культуре, границы классов размыты, сложно выделить единую господствующую культуру. Границы молодежной культуры так же проницаемы; молодежные культуры не являются изолированными друг от друга, более верно стало говорить о фрагментированных стилях; молодежные культуры совмещают локальный и глобальный (транснациональный) уровни; потребление в молодежных культурах является креативным процессом.

Следующие этапы развития исследований сделали картину субкультурных стилей более дробной и сложной благодаря введению дополнительных измерений: национального, классового, гендерного, этнического. Также произошло расширение методологического аппарата: от семантического анализа культурных артефактов к этнографическому включению, изучению субкультурной повседневности. При этом субкультурные и постсубкультурные исследования продолжают фокусироваться вокруг отдельных молодежных групп, так или иначе разделяющих особую культуру, в то время как изучение особенностей культурного потребления молодежного мейнстрима, не включенного в субкультурные практики, остается менее приоритетной задачей.

(Пост-)субкультурный подход хоть и претендует сегодня на доминирование в молодежных исследованиях в рамках западной академической традиции, не исчерпывает всего поля исследований роли одежды и моды в жизни молодых людей. Еще раз уточним, что вопрос о тождественности аудитории «молодежных стилей» и молодежи (здесь – людей определенной возрастной категории) остается открытым [см. подробнее Кулева, 2012].

В качестве особой группы можно выделить немногочисленные исследования моды и возраста, фокусом которых в отношении потребления одежды в большей степени являются изменения стилевых репертуаров при переходе в новую возрастную страту. В частности, к важным для этой статьи эмпирическим выводам пришли норвежские социологи И. Клепп и А. Сторм-Матисен «Мода сквозь призму возраста. Взгляд девочек-подростков и взрослых женщин на то, как одежда отражает их статус» [Клепп, Сторм-Матисен, 2011]. В рамках этого исследования скандинавские ученые проводили глубинные интервью с девочками-подростками и женщинами среднего возраста. Как показали результаты, для младших девочек-подростков, которые переходят в молодежное состояние из детского, молодежная мода, прежде всего, связана с гендерными проявлениями: она противостоит, с одной стороны, миловидным и сентиментальным детским вещам, с другой стороны – не должна быть мешковатой, «напоминающей одежду парня». Идеал модной молодежной одежды для девушек – «вещи в обтяжку»: «Обтягивающая одежда кажется им привлекательной именно потому, что она акцентирует взгляд на манящих прелестях женского тела. Грудь, талию, бедра просто необходимо подчеркнуть... *«Я не могла бы надеть такие брюки, которые не облегают, такие... ну, в общем, брюки, которые будут слишком свободными, большими и расклешенными, ну, в общем, вы поняли, – такие брюки, в которых я не буду выглядеть красивой»* [Клепп, Сторм-Матисен, 2011: 38]. Авторы статьи, таким образом, высоко оценивают значение одежды, «подчеркивающей формы» в процессе перехода от ребенка к девушке, как процесса познания своего нового тела.

Исследования, посвященные классовому аспекту потребления одежды и моды, пользуются гораздо большей популярностью, чем исследования, связанные с возрастом. Возможно, преобладание этой исследовательской траектории обусловлено традицией fashion studies, включающей классические работы Т. Веблена [Veblen,

1899] и Г. Зиммеля [Simmel, 1905]. Наиболее популярной для современных исследований моды как классового явления остается парадигма П. Бурдьё [Bourdieu, 2010], определяющая класс через различия в потреблении, сохраняющим устойчивость благодаря габитусу, суммирующему культурный и экономический капитал. Это справедливо не только по отношению к производству, но и к потреблению. В частности, применение этого тезиса к потреблению одежды можно проиллюстрировать следующим образом: важно не только иметь финансовую возможность приобрести дорогой предмет одежды, но и обладать знаниями и компетенциями - иметь представление о типах дресс-кода, брендах, сочетаемости вещей, обладать достаточным вокабуляром.

Однако, как показывают исследования последних десятилетий, несомненно подкреплённая эмпирически теория П. Бурдьё нуждается в значительных коррективах. Например, по результатам международного проекта 2002 года [Katz-Gerro, 2004], принадлежность к классу и тип культурного потребления не находятся в прямой зависимости, они опосредованы национальными и локальными особенностями, возрастными, гендерными и этническими характеристиками.

Изучение потребления одежды в классовом контексте пока не получило широкого распространения в России. Как показало одно из недавних исследований молодых людей среднего класса [Gurova, 2012], потребление одежды тесно связано с производством идентичности, является высокорелефлексивным процессом, сопряженным с наличием эксклюзивных компетенций. Потребление одежды также дает возможность провести символическую границу между более успешным средним классом и «массами» или «беднотой» [Gurova, 2012: 17].

Приведенные выше подходы в большой степени формируют теоретическую матрицу, релевантную данному исследованию. Однако ни один из них нельзя назвать претендующим на полноту объяснительной модели. В частности, субкультурный/ постсубкультурный подход, как уже отмечалось, в большей степени концентрируется на отдельных группах молодых людей, идентифицируемых/идентифицирующих себя с определенным жизненным стилем (частью которого является и стиль одежды). Молодежь, не выказывающая предрасположенности к некоему стилю (однако, возможно, использующая элементы или одного

или нескольких стилей), таким образом, гораздо реже становится объектом исследований. Тем не менее, для данной работы многие центральные тезисы этого подхода являются значимыми и обладающими эвристичностью: в частности, субкультурность как диалог с «родительской» культурой, конструирование идентичности через потребление как креативный процесс, субкультурный стиль как нарушение дисциплинарного режима.

Подходы, которые можно обозначить как «возрастной и классовый», тоже являются значимыми для теоретической рамки этой работы и так же нуждаются в дополнении. Так, возрастной подход не может пониматься как универсальный: важными также являются культурные особенности, класс, гендер, исторический период [см. подробнее Кулева, 2012]. Классовому подходу, особенно в российских исследованиях (где, например, средний класс является политизированным понятием [Gurova, 2012]), также требуется уточнение и эмпирическое обоснование. В большой степени, это касается «рабочего» класса и его особенностей потребления и конструирования идентичности. Данная статья представляет собой попытку хотя бы частичного заполнения обозначенных здесь лакун.

Конструируя норму: мода, стилевые особенности и дисциплинарные барьеры молодежного мейнстрима

Молодые юноши и девушки в современной культуре по-разному осваивают и используют одежду: для одних это пространство эксперимента, для других – поддержание собственного статуса. Кто-то хочет выглядеть старше, а кто-то использует образы мультяшных и сказочных героев. Для кого-то покупка одежды – удовольствие и отдых, для кого-то проблема, а кому-то гардероб составляют родители. Разные молодежные среды будут демонстрировать не только различные стилевые предпочтения, но и разнообразные понимания одежды, практики обращения с ней, способы ношения и т.д.

Анализ интервью с молодежью, учащейся в средних специальных образовательных учреждениях, позволил выделить специфику данной группы по трем направлениям: во-первых, это особенности потребления одежды и понимания «модного»; во-

вторых, это стилиевой континуум, допускаемый данной молодежью; и, в-третьих, дисциплинарные границы использования и ношения одежды.

Особенности потребления одежды. «Модное» и его границы

Как показало проведенное нами исследование, частью которого стал анализ модных компетенций и предпочтений в изучаемой молодежной среде, большое влияние на понимание моды и стилей оказывает наличие или отсутствие субкультурного опыта у информантов. В частности, этот фактор сказывается на языке говорения об одежде: информанты, имеющие отношение к одной из субкультур (готика, панк, хип-хоп), обладают более насыщенным словарем, характеризуют одежду с точки зрения принадлежности к стилю. Поскольку значение моды и стиля для субкультурной молодежи представляет собой хорошо изученный и богато представленный в литературе феномен, большее внимание в статье будет уделено молодежному мейнстриму, тем смыслам, которые юноши и девушки вкладывают в потребление одежды, и тому, как они интерпретируют модное. Анализ интервью показал, что практики покупки одежды совпадают у большинства информантов. В частности, особенно распространена культура шоппинга в торговых центрах, занимающая достаточно много времени и часто включающая в себя другие типы досуга (посещение фудкорта, поход в кино). Интересно, что лишь несколько участников отметили, что покупают одежду вместе с родителями; большинство указало, что берет с собой друзей или свою пару. Участие других агентов имеет не только символическую важность: большинство информантов получают и дают советы, имеют право «одобрить» или, наоборот, отклонить рассматриваемую вещь. Один из участников исследования рассказал о том, какие дополнительные смыслы имеют практики потребления одежды в молле:

«Мы с друзьями любим там походить по... на самом деле, поржать что ли... Ну просто, ну там по... не знаю, одеваешься там как-нибудь нелепо – тебя фоткают, а потом выкладываешь, не знаю, куда-нибудь типа ВКонтакте. Ну, а потом, уже когда смех прошел, пошел уже выбрал нормальную, ну, серьезную вещь и все. И пошел отдыхать» (муж., 15 лет, инт. № 20).

Приведенная цитата хорошо демонстрирует, что шопинг с друзьями также имеет особую перформативную или экспериментальную функцию: потребляя одежду таким образом, информант имеет возможность «безопасного» эксперимента, исследования других типов одежды, изначально позиционируемого как комический опыт.

Понятие «модная одежда» интерпретировалось информантами в нескольких контекстах: через особенности потребления – как одежда, соответствующая современности, и как способ унификации.

Можно предположить, что практики потребления, покупка одежды в торговых центрах (или «фирменных магазинах») оказываются значимыми для большинства информантов: это дает им возможность причислить покупку к разряду «модной», в отличие от приобретенной на рынке или в секонд-хенде. Молл или торговый центр определяется молодыми людьми как объект городской среды, вне зависимости от его наполнения:

«Ну, я как бы покупаю одежду в тех магазинах, которые сейчас популярны, вот в таких зданиях, как Капитолий... вот эти все... Меркурий, Мега, во всех популярных» (жен., 18 лет, инт. № 12).

По мнению другого информанта, молл как легитимное пространство для покупки одежды гарантирует, что приобретенное там будет соответствовать моде, поэтому выбор покупателя в торговом центре уже не имеет такого значения:

«Интервьюер: А следишь за модой как?»

Респондент: Да, в общем, никак. Прихожу в магазин, обычно там все привозится по моде, в общем, не приходится ничего вот выбирать. Что понравилось, то и покупаю» (муж., 16 лет, инт. № 59).

Выбор одежды в первую очередь зависит от того, что они могут приобрести в моллах, даже если это не соотносится с их желаниями:

«Интервьюер: А какие вот фасоны нравятся?»

Респондент: Не знаю. Вот каждый раз, когда захожу в магазин, что-то... нету определенного представления. Иногда проскакивает что-то, но всё равно, как правило, покупаю что-то другое...» (муж., 18 лет, инт. № 24).

В нарративах встречались и другие возможные типы потребления: секонд-хенд; одежда, найденная дома («одежда из маминого шкафа»),

«одежда из бабушкиного сундука»); одежда «с рынка» (несколько информантов охарактеризовали ее негативно, как заведомо некачественную). Такая одежда, однако, не интерпретировалась как «модная», хотя ее могли называть «красивой», «яркой», «интересной».

Понимание модного потребления некоторыми информантами сводилось к перечислению брендов, но покупка вещи определенного бренда не обязательно оценивалась как средство поднятия или поддержания социального статуса (как это происходит у молодых людей среднего класса [Gurova, 2012]). Как показывает исследование, сам факт покупки одежды в торговых центрах является достаточно престижным (в отличие от одежды «с рынка»), поэтому бренд имеет второстепенное значение.

Мода как средство унификации имеет и негативные, и позитивные коннотации. Так, информантка, которая предпочитает покупать одежду в секонд-хендах, считает моду определенным ограничением:

«Обычно это что-то такое, что-то не вписывающееся в рамки, там, такое что-то вообще не в рамках моды. Ну и мне кажется, что со стороны, как мне говорят, что я одеваюсь интересно» (жен., 19 лет, инт. № 53).

Другой информант противопоставил моду своим вкусам:

«Нет, в принципе, не считаю, я как-то не гонюсь за модой, как говорится, одеваюсь так, как мне нравится» (муж., 19 лет, инт. № 17).

С другой стороны, модная одежда означает возможность соответствовать социальным нормам – «быть как все». Один из информантов назвал модной ту одежду, которая *«как бы в потоке идет»* (муж., 18 лет, инт. № 24). Мода воспринимается как соответствующее тому, во что одеты все:

«Модную, там... джинсы, классические джинсы, не знаю, ветровка там, кофта там» (муж., 18 лет, инт. № 37).

Еще один контекст связан с пониманием модной одежды как современной. Современность может пониматься довольно абстрактно – в противопоставление времени, когда была произведена, например, одежда из секонд-хенда, или же более конкретно:

«В основном, все одеваются молодежно и современно. Вот. Я не видел такого, чтобы как-нибудь по старинке одевались - какие-

нибудь... в стиле 80-ых, 90-ых гг. Что-нибудь типа того. Именно нашего времени (смеется)» (муж., 18 лет, инт. № 61).

Таким образом, можно выделить несколько нарративных практик конструирования моды и модного. В большей степени «модность» определяется информантами в опоре на практики потребления одежды в торговом центре или молле. Интересно, что бренд в данном случае не имеет первостепенного значения, в отличие от модели потребления молодежи среднего класса. Проинтерпретировать это различие можно следующим образом: для изучаемой группы значимым является сам факт преодоления символической границы торгового центра как территории престижного потребления [см. Желнина, 2011], противопоставляемой рынку (непрестижное потребление) или секонд-хенду (в этом случае интерпретировать статус сложно). Второй важной тенденцией, которую необходимо отметить, является позиционирование себя молодыми людьми в качестве самостоятельных субъектов потребления, несмотря на то, что многие из участников исследования финансово зависимы от родителей или/и живут вместе с ними. При этом ни в одном интервью потребление не позиционировалось как протестное, только в нескольких случаях в отношении к магазинам, стилю или моде применялось определение их как «молодежное». Можно сделать вывод, что через практики потребления молодые люди конституируют себя как взрослых агентов, принадлежащих к среднему классу.

Стилевой континуум: «удобный»/ «свободный» и карнавализация женственности

Как уже указывалось выше, большинство участников исследования обладали не очень богатым словарем относительно одежды и моды. В частности, это касалось названий предметов одежды (так, например, для обозначения любого верха информанты чаще всего использовали обобщенное понятие «кофта», подразумевая под ним разные предметы одежды – от майки или блузки до кардигана или пуловера), а также стилей и стилиевых границ. Поэтому имеет смысл говорить скорее о стилевом континууме, выделяя в нем направления или «стилевые репертуары».

К первому направлению можно отнести одежду, которую информанты маркировали как «свободную»/ «удобную»/

«классическую»/ «casual»/ «спортивную». Особенностью этого стиливого пространства можно назвать отсутствие гендерной составляющей: и для мужчин, и для женщин назывались одни и те же качества и предметы одежды. Среди последних чаще всего упоминались: кофта, футболка, джинсы, толстовка, куртка. Попытаемся проанализировать это направление на основе нескольких цитат:

(1) *«У нас есть девочка Настя, и она, ну как бы, там, ну, она учится со мной на курсе, она одевается, ну как... так спокойно. Ну, у неё черные брюки, черные блузки там, все такое, ну вот что-то в этом роде такое. Она непринужденно одевается, свободно»* (жен., 19 лет, инт. № 53).

(2) *«Ну, вот толстовка, не знаю, футболки. Свободная одежда то есть, в которой было бы комфортно»* (муж., 16 лет, инт. № 30).

(3) *«Ааа... Наверное, для каждого случая, пожалуй, своя одежда, но если говорить о предпочтениях, то, даже не знаю, люблю свободный стиль более. Спортивный стиль»* (муж., 16 лет, инт. № 30).

(4) *«Ну, цвет... Ну он, да, в том и фишка ее. (Смеются) Простая и удобная, и смотрится, как бы, легко как-то: нет такой официальности никакой, направленности, просто повседневная. Я свою одежду считаю удобной... стиль классический»* (муж., 18 лет, инт. № 24).

(5) *«Кофты неярких цветов, джинсы классические», «а более ближе к классике – джинсы и кофта»* (жен., 15 лет, инт. № 1).

(6) *«Немножко спортивный, немножко классический»* (жен., 16 лет, инт. № 2).

(7) *«Спортивно-повседневный, чтоб без заморочек, оделся и пошел»* (муж., 18 лет, инт. № 39).

С опорой на приведенные высказывания можно говорить о нескольких чертах, характерных для этого стиливого пространства: фиксация утилитарных функций одежды (2,7); нивелирование гендерных или классовых характеристик: обозначается только предмет одежды и степень дозированности цвета («черные брюки», «черные блузы»(1), «кофты неярких цветов» (5)), отсутствие

возрастных характеристик (в частности, «молодежности»); классичность (4,5,6), которую в данном случае можно трактовать как стремление к конформности. Суммируя, отметим, что описываемый тип одежды представляет своего рода «плащ-невидимку», обладатель или обладательница которого легко скрывает социальные и физические характеристики своего тела. В данном контексте понятие «свобода», часто упоминаемое информантами в связи с этой стилевой категорией, может быть интерпретировано как, с одной стороны, отказ быть подверженным социальной интерпретации через телесность, с другой – как отказ от презентации своего тела, связанной с определенными ожиданиями, в частности, соответствие корпоративному стилю («официальность»), современности (стремление к «классике», отторжение модного как быстро меняющегося). Представленный стилевой континуум, несмотря на характеристики, базирующиеся на описании «свободы» или «комфорта», формирует довольно жесткое дисциплинарное пространство, в которое с трудом вписывается coming out любого типа: субкультурный, политический, этнический и так далее.

Следующий «стилевой репертуар» может быть реконструирован через понятие «карнавализированной женственности». В противоположность предыдущему типу, здесь можно говорить о ярко выраженном гендерном, а именно фемининном, акценте. Вторая особенность этого стилового пространства – перформативность, этот стиль нельзя назвать привязанным к повседневности, в некоторых случаях он может фигурировать как разовый перформанс: *«Подружка есть – в джинсы вляпится и пойдет, а в другой раз придет такая дама вся, и глаз не оторвать»* (жен., 19 лет, инт. № 53). Основная черта этого стиля – подчеркнутая женственность, достигаемая с помощью использования предметов одежды, предназначенных для женщин (в рамках мейнстримного представления не подходящих мужчинам): платья, юбки, туфли и сапоги с высоким каблуком, макияж, «прическа». Второй важный элемент – нарядность – выраженная перформативность, этот стиль связан с демонстрацией и рассчитан на зрителя:

«У меня друзья одеваются по-разному, в джинсы в основном... Есть одна подруга, которая одевает юбки, ну, в общем, модница» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«Изящно так и торжественно... с декольте» (жен., 17 лет, инт. № 26).

Женственный стиль составляет своего рода оппозицию «свободному» стилю, провозглашающему отказ от многих социальных, в том числе гендерных, идентификаций. Женственная одежда – претензия на то, чтобы стать видимой и выключиться из режима «нормальности»:

«Хотя вот бывает: как одену юбку короткую, на каблучках приду... Мне не разрешают, так как у нас мальчики есть, и когда мы дежури́м, я в юбке, то они все роняют на пол» (жен., 19 лет, инт. № 10).

Интересно, что мужского аналога женственного перформативного стиля выявлено не было. Гипотетически предполагалось, что возможно им могло бы стать мужское стилевое пространство, связанное с костюмом. Наличие костюма, как особой категории одежды, отметили многие информанты, тем не менее ситуация потребления такого типа одежды была полностью лишена фетишизации и не связывалась со строительством мужественности. Костюм мыслился информантами как своего рода «униформа» для праздников и торжественных случаев.

Выделенные стилевые континуумы представляют два варианта формирования нормативного пространства. «Удобный/свободный» стилевой репертуар предполагает универсальность и, соответственно, нивелирование любых различий. Силевое пространство «карнавализированной женственности», играющее представлениями о доминирующей фемининности, тем не менее, представляется более рискованным вариантом, граничащим с «вульгарностью» – нарушением дисциплинарного порядка.

Дисциплинарные границы пространства одежды

Наряду со стилями, которые информанты выделяли в качестве релевантных себе, существовали стилевые группы, которые позиционировались как «чужие», нарушающие порядок, понимаемые как опасные [Hebdidge, 1979]. В качестве одной из таких групп в большинстве интервью выделялись типы одежды, соотносимые с субкультурной принадлежностью. Интересно, что основная критика оказалась сопряжена с отступлениями от доминирующего гендерного режима и адресовалась в большей степени юношам, чем девушкам:

«Парни, которые одеваются в узкие обтягивающие джинсы, обтягивающие футболки, и длинную челку носят. Они меня бесят.

Я не знаю, они похожи на каких-то, даже не знаю, ну, на женщин похожи».

Или:

«Интервьюер: Ну, так смотришь на человека, думаешь: «Во что ты одет?!».

Респондент: Ну, допустим... Длинная прическа и плюс какой-нибудь шарф у парней.

Интервьюер: А что за шарф?

Респондент: Ну, просто вокруг шеи какой-нибудь тонкий шарф закручен.

Интервьюер: А длинные волосы, ты имеешь в виду, что челка вот так (показывает) как бы висит.

Респондент: Да, висит.

Интервьюер: А! Типа эмо?

Респондент: Типа педик» (муж., 18 лет, инт. № 31).

В приведенных цитатах негативно оценивается образ молодого человека в облегающей одежде, который воспринимается как нечто женоподобное или гомосексуальное. В следующей цитате еще более ярко видно отрицание альтернативных типов маскулинности, придерживающиеся субкультурных стилей «не выглядят как мужчины»:

«Респондент: Люди тонкого телосложения надевают зауженные штаны. Это очень противно.

Интервьюер: А какие молодые люди тебе нравятся?

Респондент: Которые выглядят как мужчины, без спущенных штанов там, без ирокезов и пирсинга» (муж., 19 лет, инт. № 17).

В качестве наиболее неприемлемых субкультурных стилей указывались эмо, готы, агрессивные стили (скины, те, кто носят «гады»). В качестве источника неприязни называлась реальная (как в случае с теми, кто носит «гады») или символическая угроза – в частности, угроза доминирующему гендерному порядку.

Наиболее распространенная критика, обращенная в адрес девушек, – гиперболизированная демонстрация фемининности; обвинения в «вульгарности», которая была интерпретирована молодыми людьми как чрезмерно сексуально-ориентированный стиль. Чаще всего критикуется длина юбки («Мини-мини-мини-

юбка» (жен., 17 лет, инт. № 18)) и открытость зоны декольте. Интересно, что граница между социально приемлемым «изящным» женственным и «вульгарным» стилями кажется довольно иллюзорной, и даже в тех случаях, когда о женственном стиле и вульгарности говорит один и тот же информант, сложно определить критерий.

Если к критикуемым мужским стилям относятся субкультурные, в случае женской одежды это не так. В одном из интервью объектом неприятия стала чрезмерно откровенная школьная форма, вызывающая, по мнению информантки, сексуальные ассоциации:

«У меня, например, это вызвало просто шок, когда я увидела их форму. Это были такие черные короткие-короткие юбки и белые кофточки с вырезом просто вот до пупа. И когда они наклонялись там, или когда они поднимались, у них там все было видно. Ну, лично у меня это, например, вот... так в школе нельзя ходить, мне кажется. А вполне, почему они думают, что как бы, думают, что как бы в школе нас вот эти вот джинсы и кеды могут отвлекать как-то, а мне кажется, что большинство парней отвлекаются именно вот на этих вот - нечто с буферами» (жен., 19 лет, инт. № 53).

В данной цитате можно увидеть, как вступают в оппозицию более социально приемлемые предметы, которые относятся к субкультурному стилю (джинсы и кеды), и предметы одежды, которые должны в большей степени олицетворять доминирующую культуру (школьная форма).

Интересно, что критике относительно недопустимой оголенности подвергаются не только девушки, но и молодые люди: *«Бывает, стянет штаны вниз, труселя торчат. Что это такое говорю?!»* (жен., 19 лет, инт. № 10).

Таким образом, в качестве недопустимых нарушений дисциплинарного режима в интервью назывались в первую очередь альтернативные гендерные стратегии, а именно включение в субкультурные стили и так называемая «вульгарная женственность», интерпретируемая через сексуально-агрессивное поведение. Исключения составляют особые социальные территории, где уровень терпимости к перечисляемым различиям выше: рок-концерты, праздники или ночные клубы. Неприятию подвергалась одежда, каким-либо образом чрезмерно (по мнению молодых людей)

открывающая или обтягивающая тело (в том числе и в случае с субкультурным и «вульгарным» стилевыми репертуарами), в противоположность «свободной»/«удобной» одежде, которая описывалась как необлегающая. Выделение стилей-нарушителей еще раз показывает, насколько небольшим является легитимное модное пространство, характерное для изучаемой группы.

Заключение

Основной задачей данной статьи было исследование роли моды и потребления одежды в повседневной жизни мейнстримной молодежи российского «рабочего класса». По результатам исследования, мода чаще всего не является предметом специальной рефлексии данной молодежной группы, как это, в частности, приписывается молодежи среднего класса, для которой, по мнению исследователей этого поля, важную роль играет не только финансовая возможность обладания брендовым товаром, но и наличие культурного капитала – знаний о моде и модных трендах.

Тем не менее, имплицитно одежда выполняет важные функции в жизни молодых людей изучаемой группы: возможность престижного потребления в моллах символически приобщает их к среднему классу, позволяет строить свою классовую идентичность самостоятельно, совершив разрыв с культурой родителей, помогает выстраивать собственную гендерную идентичность, проводить различие «своих» и «чужих».

Принадлежность к возрасту для изучаемой категории молодых людей определяется скорее негативно: разговор о возрасте становится актуальным тогда, когда речь идет о переходе из одной возрастной группы к другой, что пока не касалось большинства участников исследования.

Проведенный анализ позволил маркировать стилевое пространство изучаемой молодежи, выявив несколько групп, позиционируемых информантами как конформные или нарушающие дисциплинарное пространство. Как показало исследование, наиболее важным вопросом в этом отношении стали гендерные особенности стилей, которые, как выяснилось, предполагают очень небольшую вариативность. В качестве допустимой фигурирует только возможность демонстрации гендерной идентичности для девушек (также в очень узком формате, граничащем с вульгарностью),

легкая субкультурализация стиля (например, кеды, элементы хип-хоп стиля). Другие идентичности понимаются как опасные или заслуживающие социального исключения.

Литература:

1. Вайнштейн О. «Полные смотрят вниз»: Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 49–53.
2. В тени тела / Под ред. Е. Омельченко, Н. Нартовой. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2008.
3. Гофман А.Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. – М., Изд-во КДУ, 2010.
4. Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как публичное пространство // Laboratorium. 2011. № 2. С. 48–69.
5. Клепш И., Сторм-Матисен А. Мода сквозь призму возраста. Взгляд девочек-подростков и взрослых женщин на то, как одежда отражает их статус // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2011. № 20. С. 31–61.
6. Кон И.С. Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология // Человек. 2001. № 5.
7. Кулева М. Молодежная мода: причем тут возраст? // Право.Че. 2012. URL: <http://pravo-che.ru/blogs/youth/item/99-molodezhnaya-moda> (13.12.2012).
8. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.
9. Омельченко Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля молодежный // Отечественные записки. 2006. № 3.
10. Твигг Дж. Журнал Vogue о возрасте женщины: мода, тело и немолодые женщины // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2011. № 20. С. 64–87.
11. Терни Дж. Взгляд сквозь камеру слежения: антисоциальный типаж и «эти жуткие типы в капюшонах» // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. № 10.
12. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность / Пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, Е. Ляминой. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.
13. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 2010.
14. Thompson C., Hirschman E. Understanding the Socialized Body. A Poststructuralist Analysis of Consumers' Self-Conceptions, Body Images, and Self-Care Practices // Journal of Consumer Research. 1995. Vol. 32. № 2. pp. 139–153.

15. Entwistle J. *The Fashioned Body: Fashion, Dress, and Modern Social Theory*. Cambridge, MA, 2000.
16. Evans C., Thornton M. Fashion, Representation, Femininity // *Feminist Review*. 1991. № 38. pp. 48-66.
17. Hall S., Jefferson T. *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-war Britain*. London: Routledge, 1977.
18. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. London: Routledge, 1979.
19. Griffin C. Troubled Teens: Managing Disorders of Transition and Consumption // *Feminist Review*. 1997. № 55. pp. 4-21.
20. Gurova O. «We Are Not Rich Enough to Buy Cheap Things»: Clothing consumption of the St. Petersburg Middle Class. *The Social Class in Russia*. Ed. By S. Salmenniemi. London: Ashgate, 2012. pp. 149-166.
21. Katz-Gerro K. Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United. Tally // *Social Forces*. 2002. Vol. 81. No. 1. pp. 207-229.
22. Kawamura Y. *Fashion-ology: An Introduction to Fashion Studies (Dress, Body, Culture)*. NY. Berg Publishers. 2005.
23. Klingseis K. The Power of Dress in Contemporary Russian Society: On Glamour Discourse and the Use of Clothes in Russian Cities // *Laboratorium*. 2011. Vol. 3. № 1. pp. 84-115.
24. Miller J.I. Fashion and Democratic Relationships // *Polity*. 2005. Vol. 37. № 1. pp. 3-23.
25. Muggleton D., Weinzierl R. *The Post-Subcultures Reader*. Oxford, 2003.
26. Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. Toronto: Penguin Books, 1991.
27. Twigg J. Clothing, Age and the Body: a Critical Review // *Ageing & Society*. 2007. № 27(2). pp. 285-305.

Алексей Зиновьев

Не/свободный выбор:
горизонты и ограничения
спортивных практик молодежи

Спорт для всех: агенты популяризации и спортивное неравенство

Современное общество все более «спортизируется»: в той или иной степени все включены в поле спорта. Безусловно, доля тех, кто непосредственно занимается спортом остается небольшой, но остальные могут довольствоваться потреблением «спорта, возведенного в n-ную степень» [Эко, 2009: 101]. Можно ли говорить о том, что группировки Ультрас, выступающие против коммерциализации футбола, не являются активными потребителями спорта [Пильц, 2009]? Или геймер, ожидающий выхода нового спортивного симулятора, посвященного баскетболу (например, серия NBA) или скейтбордингу (например, серия «Tony Hawk»)? Или любитель спортивного стиля, внимательно изучающий каталог одежды от Nike, Reebok или Adidas? Скорее всего, мы вынуждены признать, что все они являются потребителями спорта, включаясь в эту сферу разными путями: от непосредственного занятия спортивными практиками или наблюдения за ними до покупки спортивных товаров и посещения спортивных мероприятий в качестве зрителя.

Причины столь активного спроса на спорт в современном обществе можно объяснить популярностью образа «спортивного тела», транслируемого через СМИ и эксплуатируемого торговыми корпорациями. «Спортивное тело» не демонстрируется само по себе в вакууме спортивного зала, но становится синонимом «сексуального тела», облаченного в откровенную одежду; синонимом «успешного тела», помещенного в пространство роскошного кабинета; и синонимом «модного тела», демонстрирующего одежду из последней коллекции популярного бренда. Отдельно следует отметить, что образ «спортивного тела» в СМИ также конструируется как образ «молодого тела». В ходе этой трансляции образ «спортивного тела» наделяется дополнительными смыслами, становясь привлекательным для различных социальных групп.

Тело индивида в современном обществе все больше становится отражением его личности, его «визитной карточкой». «Выставленный на показ, этот образ демонстрирует свою форму и говорит про образ жизни личности, включая диету, здоровый дух, самодисциплину и волю к действию» [Алкемайер, 2006: 141]. Наличие «слабого тела» говорит о «несостоятельности личности», о его несоответствии требованиям современного общества. Занятия различными спортивными практиками в данном случае могут рассматриваться как способ достижения этих идеалов «спортивного тела», наряду с диетами и пластической хирургией. Следовательно, чем более популярным в обществе становится образ «спортивного тела», тем более распространенными будут и различные спортивные практики, направленные на его достижение. Об этом, в частности, говорит растущая популярность фитнеса, ориентированного на конструирование тела [Абрамов, 2009: 85].

Некоторые исследователи спорта также утверждают, что в современном обществе власть над телом постепенно переходит от государства к рынку, что ведет к переосмыслению значения спорта. Рынок предлагает широкий ассортимент телесных образов, включающих в себя, помимо спортивной практики и определенного образа тела, различные атрибуты: одежду, подчеркивающую тело; различные спортивные гаджеты (например, шагомеры, пульсометры, видеокамеры для любителей экстремальных видов спорта); татуировки и пирсинг, украшающие тренированное тело и т.д. Индивид теперь должен заниматься тем, что Т. Алкемайер назвал «телесным менеджментом» [Алкемайер, 2009: 210], который можно описать как конструирование своей уникальной личности через спортивные практики. Такая возможность, появившаяся благодаря возросшему вниманию к спорту со стороны рынка, также может объяснять рост его популярности среди молодежи.

Наряду с медиа и рынком, государство активно участвует в популяризации спорта. Спорт конституируется как часть биополитики, направленной на контроль тела индивида и, более глобально, – «здоровья нации». Личное здоровье человека (а спорт и физическая культура традиционно рассматриваются как одна из составляющих здорового образа жизни – health lifestyle), здесь определяет эффективность страны в целом, ее успех на мировой арене. «Занятия граждан спортом уже сейчас, когда лишь 20% россиян регулярно занимаются спортом, экономят стране более 50 млрд. рублей ежегодно на оплате

больничных листов... К 2020 году мы должны долю спортсменов среди граждан России удвоить – экономические последствия этого роста очевидны» [Известия, 2012]. Инвестиции в спорт, с точки зрения государства, рассматриваются как инвестиции в будущее страны.

Эта ориентация на будущее делает очевидным то, что основным объектом государственных программ по популяризации спорта становится молодежь. Через занятия спортом государство стремится осуществлять контроль над физическим развитием молодежи в соответствии с государственным дискурсом «правильного физического развития». Ярким примером, описывающим российский контекст, может выступать государственная программа «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2020 года», разработанная согласно поручению Президента и утвержденная Правительством в 2009 году. Данная программа актуализирует четыре основных проблемы, ключевая роль в решении которых отводится развитию спорта и физической культуры в России.

Первая – это ухудшение физического здоровья, физического развития и физической подготовки населения. Актуальность данной проблемы определяется через несоответствие молодых людей требованиям, предъявляемым им армейской службой. Об этом свидетельствуют данные Министерства здравоохранения и социального развития России, когда свыше 40% юношей призывного возраста не соответствуют требованиям, необходимым для выполнения даже минимальных физических нормативов. «Неправильное физическое развитие», где акцент делается на молодых юношах, рассматривается здесь как угроза национальной безопасности, а популяризация спорта видится как решение данной проблемы.

Посредством спорта государство стремится контролировать поведение молодежи. П. Бурдьё указывал, что само распространение спортивных практик в общественных школах связано с попыткой контролировать учеников из семей рабочего класса: когда учащиеся находились на спортивной площадке, они были вовлечены в «здоровую активность», выпускали свою агрессию во время игры, а не уничтожали постройки и не нападали на учителей [Bourdieu, 1978: 831]. Занятия спортом в официальном дискурсе часто выступают альтернативой (иногда единственной) делинквентному поведению.

«Обучение одного ребенка в спортшколе обходится бюджету почти в 18 тыс. рублей в год. А сколько стоит годовое содержание малолетнего преступника в колонии? Мы провели исследования в Нижегородской области, Мордовии, Чувашии, где активно вводились в строй спортивные объекты, и выяснили, что у них с началом работы этих объектов количество правонарушений упало на 40%» [Известия, 2012]. Спорт, благодаря своей специфике (контроль со стороны взрослого (тренера), помещение молодежи в контролируемое, видимое пространство (залы, спортивные площадки), трансляция «правильных» ценностей и моделей поведения и т.д.), становится очень привлекательным для государства способом воспитания молодежи.

Помимо использования спорта для контроля над физическим развитием и социальным поведением, государство заинтересовано в нем как в эффективном средстве для конкурирования на международной арене. Показательно, что в тексте «Стратегии развития физической культуры и спорта» три из четырех проблем связаны именно со спортом высших достижений, в занятия которым всегда вовлечено наименьшее число граждан. Как указано в программе: «Высокие спортивные результаты - это отражение социально-экономического развития страны, а спортивные победы способствуют созданию положительного имиджа страны на международной арене». Слияние современного спорта со СМИ, что привело к возникновению такого феномена, как «телевизионный спорт» [Зверева, 2006: 63], сделало победу одного спортсмена, представляющего страну, достижением миллионов граждан. Эти победы, которые уже ассоциируются не только с одним спортсменом или командой, но с целой страной, привели к тому, что спорт стал «катализатором патриотизма» [Борусяк, 2008: 51]. Данный интерес государства реализуется в продвижении спорта высших достижений, строительстве крупных спортивных объектов. Однако следует понимать, что здесь спорт приобретает совершенно иной смысл, нежели как способ контроля над физическим развитием и социальным поведением.

Таким образом, благодаря активным действиям СМИ, рынка и государства, спорт все шире проникает в различные сферы общества, влияя на стили жизни. Однако, как показывают социологи, занимающиеся изучением спорта, его распространение крайне неравномерно. Изучение этого неравенства остается одной из

наиболее популярных исследовательских тем, что отчасти связано с интересом тех же агентов популяризации спорта (в основном государства), выступающих в роли заказчиков этих исследований. Однако, несмотря на постоянные научные изыскания в этом направлении, вопрос о причинах данной дифференциации остается открытым.

Наиболее очевидной и неоднократно фиксируемой как в качественных, так и в количественных исследованиях является классовая дифференциация в занятиях спортом (наблюдается эта дифференциация и в потреблении спорта – например, в просмотре спортивных событий). Многие исследования свидетельствуют, что более высокий социально-экономический статус приводит к большей вовлеченности в занятия спортом и физической культурой. В то же время сведение этой дифференциации лишь к разнице социально-экономических параметров было бы в значительной степени упрощением социальной реальности. Подобное упрощение привело бы к классовому детерминизму, когда представители низших классов «по умолчанию» исключаются из занятий спортом и физической культурой. Несмотря на высокую значимость социально-экономического статуса, исследователи обращаются к влиянию и других социальных характеристик (гендер, раса, возраст, религия), а также «спортивных предикторов» (например, идеология, условия жизни, социальное окружение и т.д.). Кроме того, обращение исключительно к классовым основаниям спортивного неравенства делает невидимыми различные «тактики сопротивления», альтернативные способы включения в поле физической культуры, которые могут развиваться в особых условиях среды, характеризующейся социальными, территориальными или культурными ограничениями.

Данная статья – своего рода вклад в дискуссию о причинах дифференциации в занятиях спортом, эмпирической базой которой будет исследование учащихся средних специальных учреждений, которых можно рассматривать как представителей молодежи рабочего класса.

К особенностям данного исследования можно отнести следующие: во-первых, в выборку не попали профессиональные спортсмены, то есть учащиеся специализированных спортивных образовательных учреждений. Во-вторых, в исследовании использовалось максимально широкое понятие спортивных практик, чтобы описать весь

возможный спектр видов деятельности, связанных с определенными физическими нагрузками. Однако исключались те виды физической деятельности, которые были связаны с работой (например, несмотря на то, что работа грузчиком предполагает физические нагрузки, ее нельзя сравнивать со спортивными практиками – смысл работы не в развитии тела, а в его использовании для выполнения конкретных задач). Спортивные практики в статье будут рассматриваться как физическая деятельность, либо непосредственно направленная на развитие/конструирование тела (например, фитнес, тренажерный зал), либо предполагающая это развитие в ходе определенной игровой деятельности (например, футбол, бокс, гребля).

В фокусе данной статьи – жизненные спортивные выборы молодежи¹, находящейся в относительно гомогенных структурных условиях. С одной стороны, мы имеем трех агентов, способствующих популяризации спорта в обществе (СМИ, рынок и государство), с другой стороны, видим, что распространение спорта крайне неравномерно. Является ли социально-экономический статус и наличествующие структурные ограничения барьером для вовлечения в занятия спортом? Может ли этот барьер быть преодолен? Другими словами, существует ли возможность включиться в занятия спортом и физической культурой тем, кто сталкивается с ограничениями? Как и почему молодежь выбирает те или иные спортивные практики или отказывается от спорта вообще?

Жизненные шансы, жизненные выборы и спортивный габитус

У. Кокерхам говорит о здоровом образе жизни как личных повседневных действиях, которые определяются совокупностью представлений о нем специфической группы или класса. В здоровый образ жизни исследователь включает диеты, врачебные проверки, ограничения на алкоголь и курение, а также занятия спортом². У. Кокерхам попытался создать единую концепцию здорового образа жизни, которая бы решила проблему взаимосвязи между индивидуальным выбором и влиянием социальной структуры,

¹ Эмпирическую базу исследования составили интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений г. Санкт-Петербурга (61 интервью, исследование было проведено в 2011 г.). Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

² Хотя стоит отметить, что говорить об однозначно положительном влиянии спорта на формирование здорового образа жизни нельзя [см.: Шукис, Кардалис, Янкаускене, 2005: 93].

ограничивающей данный выбор [Cockerham, 2005]. Специфика данного подхода состоит в диалектических отношениях между жизненными шансами (life chance) и жизненными выборами (life choice): индивиды не абсолютно подчинены структуре, но в то же время не являются абсолютно свободными в своем выборе.

Структурные ограничения образуют то, что называется жизненные шансы, являющиеся, применительно к занятиям спортом, теми барьерами, которые и создают неравенство в распределении спорта в обществе. У. Кокерхам в качестве их рассматривает: класс, возраст, гендер, расу/этничность, коллектив (общину) и условия жизни.

Бесспорно, что классовое происхождение оказывает наиболее сильное влияние на занятия спортом. Во-первых, в целом на вовлеченность индивидов в занятия спортом: индивиды, принадлежащие к более высокому классу, больше вовлечены в занятия спортом [Kahma, 2012; Stempel, 2005]. Во-вторых, это сказывается и на выборе той или иной спортивной практики. «В многообразии спортивной жизни проявляются социально различные вкусы, ценности, образы мышления и представления о самих себе мужчин и женщин из разных социальных слоев» [Алексамайер, 2006: 142]. С точки зрения П. Бурдьё, работа социолога, занимающегося исследованием спорта, «заключается в том, чтобы выявить социально существенные свойства для установления родства между отдельным спортом и интересами, вкусами, предпочтениями определенной социальной категории» [Бурдьё, 1994: 287].

П. Бурдьё в своей работе «Спорт и социальный класс» приводил примеры того, что представители привилегированных классов предпочитали особые индивидуальные виды спорта: гольф, конный спорт, лыжный спорт, теннис, гимнастику и скалолазание. Представители среднего класса выбирали более рациональные и аскетичные виды спорта, направленные на здоровый образ жизни (например, спортивная ходьба, пробежки). Также они участвовали в командных видах спорта: баскетбол, гандбол, футбол. Представители рабочего класса ориентировались на образы «сильного тела», предпочитая индивидуальные виды спорта, такие как бодибилдинг, паурлифтинг, а также контактные виды спорта, такие как бокс или борьба [Bourdieu, 1978]. Это, в частности, было подтверждено в исследовании Л. Вакана, который показывал наличие связи между выбором бокса и специфической культурой афроамериканцев

из «черного гетто» в Чикаго, основанной на «мужской крутизне, физической удали и владении телом» [Вакан, 2006: 122].

Занятия спортом можно рассматривать как культурное потребление, которое требует определенных предпочтений и вкуса, а также навыков и знаний. При этом большая часть спортивных практик скорее соответствует вкусу и предпочтениям высших классов, потому что они поддерживают дороговизну, статус. Подобно искусству, музыке, свободному образованию они существуют сами по себе и не могут использоваться для инструментальных целей. Для представителей более низких классов, ограниченных в своих возможностях, остаются те виды спорта, навыки и практики, ценность которых девальвирована в среде высших классов. Такие виды спорта, называемые «пролетарскими» («prole sport»), могут включать в себя физический контакт, жестокость, аскетизм и тяжелый труд. Эти различия, связанные со вкусами, предпочтениями и возможностями, объясняют влияние классовых характеристик на занятия спортом.

Если говорить о влиянии возраста на занятия спортивными практиками, то исследователи отмечают снижение физической активности с возрастом. В качестве примера можно рассмотреть совместное исследование «Центра молодежных исследований» по внешкольному образованию³, которое показало, что подростки, вовлеченные в различные спортивные практики в детстве, готовясь к сдаче ЕГЭ и поступлению в учебные заведения, переструктурировали свое свободное время, снижая интенсивность занятия спортом. Большую роль в этом играли родители, которые ориентировали детей на выбор в пользу образования, не видя возможности совмещать обучение и занятия спортом.

Стоит обратиться к работам, в которых анализируется влияние социально-экономического статуса в разном возрасте. Выводом одного из таких исследований стало то, что статус семьи оказывает влияние на занятия спортом в младшей возрастной группе (6-9 лет), но в старшей возрастной группе (10-15 лет) его влияние было незначимым [White, McTeer, 2012]. Авторы объясняют это тем, что попадание в систему школьного образования позволяет на время обучения ликвидировать неравенство, связанное с различиями

³ Исследование «Изучение и оценка потенциала учреждений дополнительного и неформального образования в решении задач социализации детей» в рамках научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Исследование образовательных и трудовых траекторий выпускников школ».

в возможностях семей из разных социальных слоев. Однако во взрослом возрасте это неравенство снова восстанавливается.

Исследователи также отмечают влияние гендера как в целом на здоровый образ жизни, так и на вовлеченность в занятия спортом в частности. Здоровый образ жизни чаще ассоциируется с женщиной, принадлежащей к высшему классу, в то время как «нездоровый» – с мужчиной из низшего класса. Однако, как показывают исследования, в поле спорта мужчины более активны, чем женщины [Wilson, 2002]. Частично это связано с тем, что большинство видов спорта ассоциируются с мужской практикой.

У. Кокерхам также отмечает влияние коллектива (общности), определяя его как объединение акторов вместе посредством специфических социальных отношений, таких как родство, работа, религия и политика. Говоря о спорте, здесь следует упомянуть влияние семьи на вовлеченность в занятия спортом. Результаты одного из исследований показывают, что семья функционирует в качестве «педагогического» поля («pedagogical field»), где личные семейные истории и сложившиеся социальные обстоятельства оказывают сильное влияние на вовлеченность детей в спорт и физическую культуру [Dagkas, Quarmby, 2012]. Анализируя педагогические практики в сфере физической культуры семей рабочего класса, авторы приходят к выводу, что даже в аналогичных социальных группах механизм передачи культурного капитала и внимание к физической культуре будут отличаться. Восприятие семей рабочего класса как однородной группы не позволяет понять проблему неравенства в отношении вовлеченности в занятия спортом. Для этого необходимо рассматривать социальный класс в сочетании с другими социальными характеристиками: структура семьи, этничность, гендер, условия жизни и т.д.

Все эти перечисленные выше структурные ограничения создают контекст для формирования габитуса, определяемого П. Бурдьё как «система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непременное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [Бурдьё, 1998: 40–41]. Понятие габитуса позволяет интерпретировать классовые различия

в индивидуальном поведении: общие структурные ограничения и возможности в рамках одного класса формируют однородные габитусы.

Структурные ограничения и сформированный в их условиях габитус ложатся в основание жизненных выборов (life choices). Индивиды соотносят собственные цели, потребности и желания с наличествующими возможностями и делают соответствующий выбор. Наиболее распространенными жизненными выборами будут те, которые не встретят сопротивления со стороны структуры. В то же время нельзя исключать возможность выборов вопреки ограничениям структуры.

У. Кокерхам указывает на то, что способом преодоления детерминизма структуры в концепции габитуса П. Бурдье может являться рассмотрение в рамках исследования самих процессов получения опыта. Большинство индивидов не сталкиваются с событиями, которые давали бы им опыт, противоречащий их габитусу. Однако если индивид будет получать подобный опыт, то он может модифицировать габитус, следовательно, и стиль жизни.

Следует уделить внимание именно специфике опыта занятий различными спортивными практиками. Т. Алкемайер считал спортивные практики «показательным примером социокультурных форм формирования личности». «В этих практиках участники разрабатывают определенные, различные - в зависимости от среды или пола - иногда совершенно новые отношения к самим себе. Они могут преодолевать себя, достигать уверенности в том, кто и, соответственно, как они есть, наконец, могут сознать собственный эксперимент над собой» [Алкемайер, 2006: 146]. Эти изменения, происходящие вследствие занятий определенными спортивными практиками, являются тем «влиянием спорта», которое интересует исследователей. Если анализировать спортивные практики с точки зрения концепции У. Кокерхама, то они представляют собой один из примеров получения нового опыта, который может изменить габитус.

Л. Вакан, используя теорию П. Бурдье для анализа специфики занятий боксом, продемонстрировал то, как происходит данное изменение габитуса. «Подготовка боксера - это постоянная и суровая дисциплина, направленная на передачу - в практическом ключе посредством прямого воплощения - практического владения телесными, визуальными и ментальными схемами бокса» [Вакан, 2006: 123]. Для того, чтобы проанализировать это изменение габитуса,

ему потребовалось применять метод включенного (участвующего) наблюдения, так как эти изменения тесно связаны с изменениями, происходящими с телом индивида, и не всегда поддаются рефлексии. Другие исследования, выполненные с использованием включенного наблюдения, также подчеркивали важную роль спортивных практик как в изменении самого тела, так и в его восприятии индивидом [Spencer, 2009].

Изменения в восприятии тела можно рассматривать как необходимость конструирования идеального, подходящего для определенной спортивной практики тела. «Чтобы достичь оптимального веса, ему [боксеру – прим. авт.] необходимо соблюдать строгую диету (избегать сладкого и жареного, питаться белым мясом и приготовленными на пару овощами, пить чай или воду). Необходимо соблюдать режим и рано ложиться спать, чтобы восстановить силы» [Вакан, 2006: 123]. Более высокая вовлеченность в спорт, выражаемая, например, переходом с уровня любителя на уровень профессионала, предъявляет более жесткие требования к телу спортсмена. Д. Спенсер, изучая бойцов смешанных единоборств (ММА), анализировал то, как через специфические тренировки конструируется тело бойца, «способное принимать и приносить боль», и специфическая идентичность бойца [Spencer, 2009]. Их повседневная жизнь подчинена необходимости постоянной тренировки тела, развития новых телесных навыков, которые должны обеспечить им победу на ринге.

Помимо самих тренировок и непосредственных изменений тела, следует отметить коммуникацию, которая происходит во время этих тренировок между спортсменом и тренером, между самими спортсменами. В процессе этой коммуникации транслируются определенные ценности и нормы, свойственные данной группе. Значимость этой коммуникации нельзя недооценивать, так как она также дает опыт, влияющий на формирование определенного габитуса.

Резюмируя, рассмотрим модель У. Кокерхама применительно к анализу неравенства и неравномерности вовлеченности в занятия спортом. Структурные ограничения: класс, возраст, гендер, раса/этничность, коллектив и условия жизни, формируют определенные возможности для реализации того или иного образа жизни – жизненные шансы, например, это занятий спортом или выбор той или иной спортивной практики. При этом структурные ограничения

создают контекст для социализации и получения опыта, которые можно представить как жизненные выборы. На данном уровне может произойти вовлечение индивида в занятия спортом. К примеру, во время первичной социализации (семья) или вторичной социализации (школьная секция) у индивида может появиться опыт занятий спортом. Этот опыт может привести к модификации габитуса и изменению стиля жизни – занятия спортом и физической культурой станут частью повседневности. В дальнейшем индивид сможет действовать, преодолевая структурные ограничения. Определенным подтверждением этого являются исследования, демонстрирующие связь между занятиями спортом в раннем детстве и продолжением занятий уже в старшем возрасте.

Данный подход позволяет рассматривать различия в вовлеченности в спорт среди относительно гомогенной группы молодежи, находящейся в целом в одинаковых структурных условиях. Основной фокус в анализе будет сделан именно на специфике этих практик сопротивления – включения в занятия спортом и физической культурой через преодоление структурных ограничений.

От отказа до профессиональных занятий:

типология вовлеченности в занятия спортом

Исследуемая нами группа, а именно учащиеся средних специальных образовательных учреждений, находятся в отношении спорта, можно сказать, в «промежуточном состоянии»: занятия спортом при поддержке государства еще возможны (например, в форме бесплатных спортивных секций для тех, кому нет восемнадцати лет, или занятий физкультурой в образовательном учреждении), но постепенно происходит переход к коммерческим формам занятий спортом (например, платным спортивным секциям или фитнес-центрам).

Анализ эмпирических данных показал, что степень вовлеченности в занятия спортом в исследуемой группе различна. Так, среди участвовавших в исследовании юношей и девушек 21 человек не занимаются никакими спортивными практиками (12 девушек и 9 юношей); семеро нерегулярно занимаются самостоятельно (4 девушки и 3 юноши); 12 человек регулярно занимаются самостоятельно (5 девушек и 7 юношей); девять информантов практикуют альтернативные виды спорта (1 девушка и 8 юношей);

11 человек занимаются спортом профессионально (7 девушек и 4 юноши). Каждый тип «вовлеченности» формирует определенную структуру опыта, определяя те или иные спортивные выборы. Рассмотрим каждый тип последовательно.

Отказ от занятий спортом

Отказ от занятий спортом можно рассматривать как жизненный выбор, который сталкивается с наименьшим сопротивлением со стороны структур. Информантов, не занимающихся в настоящий момент спортивными практиками, можно разделить на две группы. В первую группу вошли те, кто не имел спортивного опыта на момент проведения исследования, который мог бы повлиять на модификацию их габитуса. Безусловно, можно предположить, что опыт занятий физкультурой в школе имеется практически у каждого, но в ответе на вопрос о занятиях спортом в прошлом информанты этой группы не упоминали физкультуру. Это достаточно интересный результат, который показывает, что физкультура не воспринимается как спортивная практика, что, в свою очередь, может говорить о том, что подобный предписанный всем опыт не приводит к модификации габитуса.

Стоит отметить, что среди тех, у кого отсутствовал спортивный опыт, был всего один юноша. Причиной этого может быть то, что отсутствие спортивных навыков у девушек не проблематизируется так, как это происходит у юношей. Как уже было сказано ранее, большинство видов спорта ассоциируются с мужской практикой. Более того, можно сказать, что существует определенное представление о внешкольной деятельности для мальчиков, куда входят активные, спортивные занятия, и для девочек – ориентированной больше на развитие творческих навыков.

Свой отказ от занятий спортом девушки мотивировали отсутствием интереса к спорту:

«Ну, я не особо такой спортивный человек с детства» (жен., 17 лет, инт. № 4).

Или ориентацией на другие увлечения:

«Так у меня все время времени не хватает, потому что я все время куда-то хожу, на какие-то кружки... ну, куда-то. Ну, на какие-то творческие занятия, вот... и я постоянно прихожу уставшая, и ничего не могу уже больше сделать. Потому что мне

далеко все время ездить куда-то надо. Вот. А так физические нагрузки - мне сумки хватает» (жен., 16 лет, инт. № 8).

А также отсутствием времени:

«Нет, я бы хотела заняться спортом, но у меня времени действительно не хватает» (жен., 16 лет, инт. № 8).

«Все собираемся, собираемся с этой «курицей», но все никак не можем. Хочу. Надо как-то обязательно покататься» (жен., 19 лет, инт. № 27).

Подобные интерпретации «невключенности» в спорт можно трактовать как следствие отсутствия опыта занятий спортом. Это отсутствие привело к тому, что не сформировался габитус, в рамках которого занятия спортом воспринимались бы как неотъемлемая часть повседневной жизни. Поэтому данные занятия, с одной стороны, могут быть замещены «альтернативными» практиками, с другой стороны, полностью исключены из повседневности.

Во вторую группу вошли те, кто имел опыт занятий спортом в прошлом. Для девушек это, как правило, были занятия танцами (современные танцы, хип-хоп, хореография). Для юношей это боевые искусства, футбол, плавание, тренажерный зал. Однако наличие некоторого опыта занятий физической культурой в детстве не привело к вовлеченности в спортивные практики в настоящей момент. Этот феномен показывает, что наличие спортивного прошлого не всегда приводит к модификации габитуса.

Одной из причин отказа от занятий спортом для информантов является получение травмы или болезнь, препятствующая физическим нагрузкам:

«Лет в одиннадцать-двенадцать пошел на легкую атлетику, сам захотел, пошел... год назад я закончил, потому что у меня сломался палец на ноге» (муж., 15 лет, инт. № 56);

«У меня болезнь, по-моему, была какая-то, меня на операцию потом положили, а потом запретили мне заниматься, и вот, короче, я потом не занимался» (муж., 19 лет, инт. № 32).

При этом важно отметить, что «мораторий» на занятия спортом накладывает не только и не столько сама травма, сколько дерутинизация спортивных практик:

«Потом мне стало лень, вот и все, я нашел другие занятия всякие, ну, там общаться со всеми, и все, и забил. И сейчас трудно

мне перестать, короче, такой образ жизни вести» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Другая называемая причина отказа от занятий спортом – это нехватка времени, о которой также говорили информанты, которые не имели спортивного опыта:

«Перестала? Ну, времени стало не хватать. Ну, как бы больше времени на уроки, на другие дела. Ну, как бы ушли, ну и как-то так...» (жен., 16 лет, инт. № 2);

«Ну, что в город каждый день ездить нужно на учебу, пятидневка, но выходные стараюсь отдохнуть или работать, по возможности. Уже на бассейн... Отучусь, потом буду плавать» (жен., 18 лет, инт. № 33).

Мы можем предположить, что учеба действительно отнимает время, однако те же информанты, описывая свой прошлый опыт, говорили:

«В принципе... ну как бы я немножко... после школы, допустим, не задерживалась, там, допустим, не гуляла – а сразу домой, делала уроки и сразу на танцы» (жен., 16 лет, инт. № 2).

Другими словами, занятия спортом всегда проходят в условиях ограничения во времени. Можно говорить не об отсутствии свободного времени, но о его перераспределении в пользу «других дел».

Еще одной причиной невозможности включиться в те или иные спортивные виды деятельности информанты видят в ограничении финансовых ресурсов:

«Желание есть, но время в основном. Да и на самом деле это удовольствие не из дешевых» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Пропал интерес. Мне не нравилась обстановка. (Инт.: А возобновить занятия не хотела бы?) Хотела бы, но нет возможности. Ну, так как в наше время танцы стоят недешево, то это и мешает» (жен., 16 лет, инт. № 6).

Подводя итог, можно сказать, что отсутствие опыта или «нарушенный» спортивный опыт не приводят к формированию «вкуса к спорту» и потребности в нем, инкорпорированной в повседневную жизнь. Занятия физической культурой конституируются как незначимые по сравнению с другими жизненными выборами. А структурные ограничения, такие как нехватка временных или экономических ресурсов, видятся как непреодолимые. Это говорит

о том, что наличия только спортивного опыта недостаточно – необходимо именно формирование спортивного габитуса, который, как показывают эмпирические данные, не конструируется «сам по себе». Это определенная «работа над собой», которая требует усилий как со стороны индивида, так и «институтов спортивной социализации» (например, секций, кружков, спортивных школ и т.д.).

Нерегулярные самостоятельные занятия

Нерегулярные самостоятельные занятия в какой-то степени можно рассматривать как попытку занятий спортом в условиях структурных ограничений. При таком рассмотрении они могут выступать неким «промежуточным звеном» между отказом от занятий и регулярными самостоятельными занятиями, когда на них выделяется определенное время, и они включаются в «график жизни».

Юноши и девушки, время от времени занимающиеся спортом, и в прошлом имели такой же опыт несистематического посещения различных спортивных секций:

«А так в детстве я чем только не занималась. Ну, я занималась чем: бассейн с детства остался, каратэ занималась в 4-ом классе, потом лыжами после 5-го класса. Ну, к 9-му классу почти все забросила. Танцами где-то полгода прозанималась - просто движениями - и все. Потом, как поступила в Петровский колледж, стало не до этого: лень и времени нет...» (жен., 19 лет, инт. № 16);

«О да! В бассейн ходила, в походы ходила. Ну, очень любила бегать просто, вне зависимости от спорта, просто так вот, любимое дело. И все» (жен., 22 года, инт. № 43).

Либо они имели спортивный опыт, полученный вне формальных спортивных структур. Такие занятия в социологии спорта называются неорганизованными. К ним можно отнести те практики, которые в российском контексте принято называть «дворовым спортом»:

«Вот, допустим, в футбол я регулярно играл на протяжении каждого лета... (Пауза) и собственно говоря, все детство, наверное, прошло такое, все теплое время за футболом больше проводил» (муж., 18 лет, инт. № 24).

Неорганизованные и нерегулярные занятия спортом рассматриваются как часть досуга. В определенном смысле для

этих занятий нет необходимости отводить специальное время, они сами возникают в свободное время, заполняя его:

«Занятия спортом, они как раз и занимают вот эти пустоты в распорядке дня. Они как бы... когда совпадает желание и наличие большого количества свободного времени, тогда и происходят» (муж., 18 лет, инт. № 24).

Статус подобных занятий переопределяется, они мыслятся не как нагрузки или работа, а как отдых:

«Ну, спортом я скорее занимаюсь в таком виде - на велосипеде катаюсь. Вот беру велик и катаюсь на велосипеде. Но вот эти несколько дней я просто приходила и лежала и грелась на солнышке. Такой своеобразный, конечно, спорт, но это скорее отдых» (жен., 22 года, инт. № 43).

Подобные спортивные практики приносят удовольствие. Это своеобразный спортивный гедонизм:

«Удовольствие. Самое главное, чтобы процесс не надоедал, и разнообразие какое-то» (муж., 18 лет, инт. № 24).

Подводя итог, можно сказать, что нерегулярные занятия спортом в настоящий момент – это результат наличия специфического спортивного прошлого. Данный спортивный опыт, полученный вследствие либо несистематических занятий спортом в детстве, либо занятий вне формальных структур, создает особый спортивный габитус. В его рамках происходит переопределение значения спорта: от нагрузки и работы к получению удовольствия. Спортивные практики становятся способом проведения досуга, что приводит к переосмыслению проблемы нехватки времени и структурных ограничений в целом.

Самостоятельные регулярные занятия

Самостоятельные регулярные занятия в большей степени можно охарактеризовать как методическую самостоятельную работу по конструированию желаемого телесного идеала. Именно поэтому здесь преобладают практики, которые прямо ориентированы на конструирование тела, в них отсутствует игровой момент: зарядка (различные «домашние упражнения», включающие работу с гантелями), бег/ходьба, плавание, фитнес/тренажерный зал.

Желаемое тело, на достижение которого направлены регулярные занятия, связывается с представлениями о правильной/необходимой мужской и женской телесности:

«(Инт.: А почему решил, кстати, начать заниматься?) Отец заставил. Ну, не как бы... Сказал, вот, кто к тебе ползет, будешь в лицо бить сразу» (муж., 18 лет, инт. № 31);

«...и еще говорят... ну, конечно, мне еще рано рожать, но говорят, что вот лучше... роды лучше проходят у женщин, у которых пресс накачен. Ну, мышцы там как-то...» (жен., 19 лет, инт. № 10).

Включая соответствие нормативным концепциям «красивого тела»:

«Чтобы животик хорошо выглядел» (жен., 19 лет, инт. № 10);

«(Инт.: Что для тебя значит быть в хорошей физической форме?) Чтобы пузо не висело. Это и значит» (муж., 18 лет, инт. № 31).

Стоит отметить, что в восприятии информантов происходит специфическая «фрагментация тела», когда трансформации в соответствии с концепцией «красивого тела» (или «подготовленного тела») подлежат не все тело, но конкретные его части, на которые и направлена эта «работа над собой»:

«Ну, в тренажерном зале нет, а дома гантели есть. Я массажист, мне для этого нужно, чтобы руки были накачены» (муж., 22 года, инт. № 36);

«Потому что, в принципе, знаю, что нужно подправить в фигуре... и чем для этого надо заняться. У меня есть друзья, ну, которые... закончили «Лесгафта» [Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта – прим. автора], и они могут что-то посоветовать, что делать, чтобы вот что-то изменить в фигуре» (жен., 18 лет, инт. № 47).

Спортивные практики являются инвестицией в тело, его желаемый образ и навыки. Бег, качание пресса или регулярное посещение тренажерного зала становятся частью телесного проекта индивида, и шире – частью конституирования идентичности.

При этом самоорганизация и самодисциплина, необходимые для подобных тренировок, зачастую связаны с наличествующим длительным опытом спортивных занятий:

«Начал я качаться где-то лет... Ааа... С восьми, десяти» (муж., 18 лет, инт. № 31).

В рамках такого опыта сформировалось представление о необходимости физических нагрузок, приводящих либо к рутинизации практик, либо к их возобновлению после «вынужденного» перерыва:

«(Инт.: А почему ты решила ходить на фитнес?) Ну, потому что я уже долго ничем не занималась, то есть я как бы занималась 6 лет танцами, потом занималась 4 года большим теннисом, потом из-за учебы все бросила» (жен, 18 лет, инт. № 44).

В рамках рассматриваемого спортивного опыта мотив удовольствия почти не встречается. Это рутинные практики, направленные на достижение и поддержание «формы».

Подводя итог, можно сказать, что самостоятельные регулярные занятия – это, с одной стороны, результат получения более длительного спортивного опыта. Именно этот опыт, формирующий представление «необходимости спорта», позволяет сделать эти практики регулярными, вписать их в повседневность. С другой стороны, это стремление к достижению идеалов тела, где сами спортивные практики становятся чисто инструментальными, может полностью исключать принцип получения удовольствия. Удовольствием становится приближение к «идеальному телу».

Занятия альтернативными видами спорта

Альтернативные виды спорта (в академической среде также используются термины: «новые», «экстремальные», «постиндустриальные», «постмодернистские», «спорт стиля жизни» («lifestyle sport»)) представляют собой спектр различных спортивных практик, появившихся за последние несколько десятилетий, которые невозможно включить в рамки традиционных видов спорта. Привлекающие своей яркостью, позволяющие через занятия ими подчеркнуть свою уникальность, образы которых распространяются посредством СМИ и Интернета, эти спортивные направления стали особенно популярны среди молодежи. В данном исследовании они представлены паркур⁴, Ghetto Workout⁵, скейтбордингом, сноубордингом, роллер-спортом, автмотоспортом, велоспортом.

⁴ Паркур – это специфическая физическая активность, предполагающая перемещение в городском пространстве с использованием в качестве препятствий элементов городской архитектуры. Появился в 1990-е гг. во Франции.

⁵ Ghetto Workout – это специфический способ тренировок, включающий в себя выполнения сложных, нетрадиционных физических упражнений с использованием различных турников, брусьев, «шведских стенов и прочих «спортивных тренажеров», которые могут быть на городских спортивных площадках. Появился в 1990-е гг. в США. В России также называется «турникменство».

Отличительной чертой данных занятий является то, что они, как правило, не встроены в институциональную спортивную структуру. В самой идеологии таких видов спорта содержится идея сопротивления институционализации, коммерциализации и регулированию. Они позиционируются как альтернатива существующему «спортивному мейнстриму». Стоит отметить, что в ходе своего развития данные направления могут изменяться под воздействием процессов спортизации и коммерциализации: в них могут появляться черты, свойственные больше институционализированным видам спорта [Зиновьев, 2011].

Многие из этих видов спорта не требуют дорогого спортивного инвентаря. Ярким примером этого являются практики паркура и Ghetto Workout. Однако, некоторые занятия, предполагающие использование специфического инвентаря (например, сноубордов, BMX), требуют также и значительных финансовых ресурсов.

Занятиям альтернативными видами спорта может предшествовать опыт занятий «традиционными» видами спорта в формальных структурах. Особенностью получения спортивного опыта здесь является множественность спортивных дисциплин с краткосрочной вовлеченностью в них:

«Занимался много всякими секциями. Множеством секций, точнее. Бокс, борьба, карате, дзюдо, бассейн, теннис (и маленький, и большой).... Волейбол, футбол» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Само начало занятий альтернативными видами спорта связано с критическим переосмыслением опыта, получаемого в рамках формальных секций:

«Вот, а долго... так как футбол как бы я не очень люблю, я просто, скажем так, занимался, ну как, посмотреть что ли, что это такое. Ну, как там тренировки проходят и так далее. Вот. Ну, в общем-то, я там долго не задержался. Бассейном занимался из-за проблем со спиной, ммм... дальше, ну в боксе был довольно долго, пока... т.к. секция была бесплатно...» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Другой вариант – это получение спортивного опыта именно в ходе занятий альтернативными видами спорта. Здесь можно говорить о специфической «альтернативной спортивной карьере»:

«До этого «велик» был, я лет в 5, наверное, кататься начал, может раньше. Ну, «велик», потом роликами занимался – прыгал

на роликах, потом... вот роликами занимался лет до десяти, узнал паркур как бы, всё, ролики отошли, и пошел паркур. А потому уже... что там потом... «велик», то есть спортивный, ну, там, с гор спускается он вот. Потом страйкбол. Там еще турники, акробатика, были примерно вместе с паркуром, потом мотоспортом - последнее» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Как и в случае с нерегулярными самостоятельными занятиями, у молодежи, вовлеченной в альтернативные виды спорта, происходит переоценка свободного времени. Однако, если в случае с нерегулярными занятиями речь велась о спорте, как об одном из возможных вариантов проведения досуга, то здесь можно говорить, что свободное время – это и есть занятие данными спортивными практиками:

«Ну, мы не чисто конкретно каждый день занимаемся. Мы занимаемся, когда, например, на выходных, когда есть время, когда вот, например, там пар мало. Вот. Например, дома, когда приезжаем, сразу же пошли заниматься. Позанимались часок-два, часок-два и по домам. Потом, может, еще выйдем. А нормально.... Да, просто это у друга ночевали, делать нечего, спать не хотелось: «Пойдем, потренируемся». Вот. И так это уже вошло в привычку» (муж., 17 лет, инт. № 21).

Б. Уитон использовала для описания таких спортивных практик понятие «спорт стиля жизни» [Wheaton, 2004]: индивиды, практикующие его, следуют определенному образу жизни, посвящая спортивным практикам все свое свободное время. Занятия этими видами спорта отличаются от самостоятельных регулярных занятий, рассмотренных ранее, тем, что в описании причин информанты больше акцентируют внимание на получении удовольствия, а свою вовлеченность в эти практики могут описывать как «образ жизни», «стиль жизни», принадлежность к субкультуре:

«И спорт, и транспорт, потому что... велосипед – это не только средство передвижения, это вообще субкультура целая, если разобраться-то. (Инт.: А ты как, себя относишь к этой субкультуре?) Да, отношу, потому что мне это интересно, и стараюсь как-то следить за этим, как за модой!» (муж., 19 лет, инт. № 45);

«Ну, паркур, да, - только как бы не спорт по идее, больше философия, наверное, даже... Ну, паркур для каждого свой на самом

деле: кому-то философия, у кого-то это спорт, у кого-то смысл жизни, стиль жизни, по-разному... Ну, для меня это, наверное, уже образ жизни, ну, больше - стиль жизни» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Переопределяя образ жизни, данные спортивные практики конституируются и как способствующие индивидуальному становлению, формированию «личности»:

«Ну, как бы совершенствоваться с каждым разом, с каждой тренировкой, это скорее более что-то духовное. Там моментами как бы занимаешься не своим телом, а над расширением кругозора» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Подводя итог этой части анализа, можно сказать, что занятия альтернативными видами спорта – это «спортивный выбор», который можно рассматривать как достаточно эффективный способ сопротивления структурным ограничениям. Это сопротивление происходит не через занятия спортом вопреки ограничениям, но через создание альтернативной спортивной культуры, находящейся вне описанных ранее ограничений (например, нехватка времени, финансовых ресурсов). Получаемый опыт не только переопределяет габитус, но и меняет стиль жизни, который конструируется вокруг этих спортивных практик. Через эти спортивные практики индивид конструирует себя как уникальную личность. Вопросы, связанные со структурными ограничениями, в данном случае теряют свою актуальность.

Профессиональные занятия спортом

Традиционно к профессиональным спортсменам относят индивидов, для которых спорт является основной деятельностью и ключевым источником доходов. Подобных информантов в нашем исследовании не было. Однако были те, кто регулярно и длительно занимается в секциях под руководством тренеров/инструкторов для достижения спортивных результатов или для получения определенной квалификации, позволяющей в будущем зарабатывать этим деньги (например, обучение на фитнес-инструктора). Именно такая профессиональная «ориентация» позволяет номинировать подобные спортивные выборы как профессиональные занятия спортом.

Все эти юноши и девушки, многие из которых имеют спортивные разряды и опыт участия в соревнованиях, были вовлечены в спортивные секции еще в детстве под «неусыпным» контролем родителей:

«Я долгое время занималась танцами, спортивными которыми танцами. Растяжки, нагрузки... все это. Ходила в спортзал. Был момент, когда я ходила на тейквондо. Да, такое было. У меня просто... я как бы живу с мамой и отчимом. Отчим у меня мастер спорта по тяжелой атлетике, вот. Еще плюс он занимался боксом, у него там кубков и наград... поэтому он к спорту относится очень так серьезно и всю семью к этому подтягивает и меня в том числе» (жен., 17 лет, инт. № 40);

«И меня отдали в спортивную школу СДЮШОР, где я выбирала либо плавание, либо гандбол, либо волейбол. Гандбол мне не понравился просто по названию, а плавание я не хотела. Хлорки много, и опять же плечи у пловцов очень большие. Я выбрала волейбол» (жен., 17 лет, инт. № 18).

Эти занятия требуют подчинения повседневной жизни графику спортивных тренировок. Конечно, в данном исследовании в выборку не попали профессиональные спортсмены, но даже при такой степени вовлеченности в занятия спортом можно отметить эти ограничения:

«(Инт.: А как поменялась твоя жизнь с тех пор, как ты начала заниматься?) Ну, наверное, опять же я стала более дисциплинированной, то бишь это какой-то распорядок дня появился. Утром – учеба, быстренько поел, потом на тренировку и спать лечь... (Инт.: А приходилось ли тебе ограничивать себя в чем-то в связи со спортом?) Я думаю, да, потому что очень часто... был такой переходной возраст – 13-14 лет: гулять куда-то собирались, то я приходила на тренировки. Я, в принципе, об этом не жалела, потому что я действительно жила волейболом, и он мне помогал даже в стрессовых ситуациях» (жен., 17 лет, инт. № 18).

Специфика подобной вовлеченности в спорт состоит в том, что помимо жесткого графика занятий, предполагающих обязательное посещение, наличествует ориентация на достижение определенного статуса (например, кандидат в мастера спорта, победа на первенстве России, переход на профессиональный уровень, начало тренерской карьеры):

«Сборная России, рассматриваю вариант такой как бы: сначала продвижение в клубе, потом чемпионат России, потом сборная России как бы» (жен., 18 лет, инт. № 41);

«В волейболе я и моя команда... мы стремимся к первому месту по России, потому что третье в настоящий момент занимаем» (муж., 16 лет, инт. № 15);

«С детства я бегом много занималась, спортом. И поэтому, вот почему, наверное, я стала заниматься фитнесом. Ну, я поняла, что если моя жизнь изменится, мне нужно будет чем-то заниматься, даже если иностранные языки мне не пригодятся, или я перееду в другую страну, я думала о том, как там можно устроиться, то есть я понимала, что зона услуг, таких как массаж и фитнес, они всегда свободны. Это возможность, если что-то случится в моей жизни, то можно будет устроиться. Вот почему я стала заниматься фитнесом» (жен., 18 лет, инт. № 41).

Дисциплина, усваиваемая через регулярные занятия с четкими целями, ведет к формированию спортивного габитуса, где занятия спортом оказываются вписанными в повседневность. То есть, здесь можно увидеть то, что фиксировал в своем исследовании Л. Вакан, когда спортсмен и в повседневной жизни должен демонстрировать свою преданность спорту [Вакан, 2006]. Отличие заключается в том, что мы здесь не говорим о профессиональных спортсменах.

Возникает такой вопрос: если это не является основной сферой деятельности, то возможно ли будет поддерживать этот образ жизни? Другими словами, структурные ограничения, о которых говорили все, кто отказался от занятий спортом, – время и экономические ресурсы – не станут ли они барьерами для продолжения занятий спортом этих юношей и девушек? Достаточно ли будет сформированного таким образом спортивного габитуса для сопротивления этим ограничениям? Интересно, что некоторые из тех, кто занимались профессионально спортом, говорили в ходе интервью о снижении своих нагрузок, связывая это с необходимостью учебы и работы. Определенным выходом становился переход на уровень любителей, отказ от стремления к более высокому спортивному статусу:

«Нет, я к этому не стремлюсь. У меня желание дойти до второго взрослого разряда и на этом остановиться, но и не бросать. Заниматься, продолжать чисто держать форму. Я считаю, что если посвящать этому жизнь, то явно не этому, не спорту, потому что все эти потом под старость, как у всех спортсменов, заболевания и всё прочее» (муж., 18 лет, инт. № 19).

Сформированный спортивный габитус позволяет преодолеть некоторые структурные ограничения за счет переопределения целей занятий, «снижения планки»:

«Сейчас я год как не занимаюсь в спортивной школе, но занимаюсь с любителями. Сейчас меня пригласили в одну команду, в городскую «солянку», можно назвать. Вот там и буду заниматься» (жен., 17 лет, инт. № 18).

Подводя итог, можно сказать, что в данном случае мы можем говорить о формировании специфического «габитуса спортсмена». Складывание данного габитуса – это длительный процесс получения спортивного опыта в формальных структурах, как правило, либо полностью иницируемый родителями, либо при их активной поддержке. Вместе с получением спортивных навыков происходит усвоение дисциплины, предписывающей обязательные занятия спортом. Можно сказать, что этот «внешний» режим, выраженный в виде графика тренировок в секции, становится «внутренним», когда занятия спортом вписываются в повседневность, возникает внутренняя потребность в них, формируется личная ответственность. Этот спортивный габитус позволяет сопротивляться давлению со стороны структуры и заниматься спортом уже вопреки ей. В данном случае может происходить переопределение целей занятий, но не самой необходимости этих занятий, ставших неотъемлемой частью повседневности, и шире – идентичности индивида.

Заключение: структурные ограничения и спортивный жизненный выбор

Проблема неравенства в спорте, как и любая проблема неравенства, является сложной и многогранной. Несмотря на популяризацию спорта со стороны государства, СМИ и рынка, мы обнаруживаем неравномерность вовлеченности в занятия спортом. Наиболее распространенным является объяснение данного феномена через классовое неравенство и изначальную разницу в структурных условиях. Однако даже в рамках одной социальной группы можно наблюдать различную степень вовлеченности, что приводит к необходимости включения в анализ других социальных характеристик и пересмотра значимости структурных ограничений как барьеров для занятий спортом.

В данной статье анализировались жизненные спортивные выборы молодежи, находящейся в относительно гомогенных структурных условиях. По результатам исследования степень вовлеченности в занятия спортом в данной группе молодежи различна. Каждый тип «вовлеченности» формируется и формирует определенную структуру опыта, влияя на те или иные спортивные выборы. В исследовании были выделены следующие типы вовлеченности: отказ от занятий спортом, нерегулярные самостоятельные занятия, регулярные самостоятельные занятия, занятия альтернативными видами спорта и профессиональные занятия спортом.

В случае отказа от занятий спортом можно говорить о несформированном «вкусе к спорту», что является результатом либо отсутствия опыта занятий спортом в целом, либо «нарушенным», прерванным опытом занятий. В данном случае повседневная потребность в спорте и физической культуре отсутствует. Структурные ограничения, связанные с нехваткой временных и экономических ресурсов, рассматриваются как непреодолимые.

Нерегулярным самостоятельным занятиям предшествует опыт, полученный либо в ходе кратковременных занятий в рамках формальных спортивных структур, либо вне них. Полученный таким образом опыт приводит к рассмотрению спорта как части досуга, способа получения удовольствия. Значимость структурных ограничений в данном случае снижается.

Для самостоятельных регулярных занятий характерен длительный опыт вовлечения в спорт. Именно наличие этого опыта позволяет сделать эти занятия регулярными, вписав их в повседневный график. Сами же эти практики можно представить как методическую работу, направленную на конструирование тела в соответствии с представлениями о правильной/необходимой мужской и женской телесности. Занятия данными спортивными практиками предполагают определенное сопротивление структурным ограничениям, которое достигается за счет формирования самодисциплины и самоорганизации.

Занятиям альтернативными видами спорта может предшествовать опыт занятий различными спортивными дисциплинами в формальных спортивных структурах и последующий отказ от них, связанный с несоответствием личных представлений о «правильных» тренировках. Другим вариантом может быть последовательное получение опыта в ходе занятий различными альтернативными

видами спорта, когда можно говорить об «альтернативной спортивной карьере». Результатом занятий этими видами спорта становится не просто формирование специфического габитуса, но изменение всего стиля жизни, который конструируется через (и вокруг) спортивной практики. Вопрос, связанный со структурными ограничениями, решается за счет создания альтернативной спортивной культуры, выходящей за их рамки.

В случае профессиональных занятий спортом можно говорить о длительном опыте занятий, который был получен еще в детстве при активном участии родителей. Накопление данного опыта проходило в формальных спортивных структурах и характеризовалось жесткой дисциплиной, ориентацией на достижение определенного статуса. В результате вместе с получением спортивных навыков происходит усвоение этой дисциплины и формирование «габитуса спортсмена» - внутренней потребности в занятиях спортом. Это позволяет в дальнейшем преодолевать структурные ограничения, вписывая занятия спортом в повседневность.

Наличаствующие структурные ограничения не являются абсолютными детерминантами вовлеченности в спортивные практики. Важно отметить, что в данном случае имеются в виду не конкретные виды спорта, но занятия физической культурой в целом. Безусловно, определенные виды спорта, связанные с необходимостью значительных финансовых инвестиций, будут недоступны для представителей более низких классов. Однако исследование показало, что между отказом от спорта и профессиональным спортом существуют различные варианты вовлечения в спортивную деятельность. Другими словами, объективные барьеры для минимальной степени вовлечения в занятия спортом фактически отсутствуют. Сами структурные ограничения могут оказаться в какой-то степени результатами конструирования самого субъекта. В частности, наиболее распространенное ограничение - нехватка временных ресурсов - является следствием жизненного выбора в пользу других видов деятельности. Полученные результаты говорят о важности пересмотра мест и роли структурных ограничений в целом, что поможет прояснить природу других оснований для формирования различных тактик сопротивления.

Степень вовлеченности в спортивные практики определяется в большей мере полученным спортивным опытом. Этот опыт

формирует специфический габитус, в рамках которого занятия спортом становятся важной частью повседневности. Габитус может отличаться в зависимости от получаемого опыта, а сами занятия спортивными практиками могут иметь различный смысл и преследовать разные цели. Общим является то, что, благодаря наличию этого опыта и формированию габитуса, возникает «вкус к спорту», а также потребность во включении этих занятий в повседневность и, следовательно, сама необходимость сопротивления структурным ограничениям. Если структурные ограничения в большей степени субъективны, то их переоценка, снижение их значимости приводит к возможности сопротивления. На практике это выражается в своего рода жизненном выборе, включающем занятия определенными спортивными практиками.

Таким образом, при рассмотрении неравенства и неравномерности вовлеченности в занятия спортом необходим перенос акцента со структурных ограничений на специфику получения спортивного опыта. Как показали результаты исследования, важную роль в приобщении к спорту играет семья, которая на начальном этапе отвечает за это. Те информанты, которые имели длительный спортивный опыт, в интервью указывали на роль семьи: от «прививания любви к спорту» через личный пример до поступления по инициативе родителей в спортивные секции, школы.

И здесь важно отметить, что недостаточно получения любого спортивного опыта для формирования соответствующего габитуса, который в дальнейшем обеспечит спортивный жизненный выбор, необходима длительная работа как со стороны самого индивида, так и со стороны агентов спортивной социализации. К сожалению, эмпирические данные этого исследования не позволяют выявить всю специфику процесса получения опыта, кроме вывода о том, что процесс приобщения к спорту должен быть длительным по времени и непрерывным.

При этом вовлеченность во внеформальные спортивные структуры также способствует спортивному жизненному выбору в дальнейшем. Например, опыт занятий альтернативными видами спорта формирует специфический стиль жизни, который в целом конструируется вокруг спортивных практик. Спортивному жизненному выбору способствует также и длительный опыт самостоятельных занятий, развивающий самодисциплину и позволяющий также преодолевать структурные ограничения, снижая их значимость.

Дальнейшие исследования, посвященные анализу вовлеченности в занятия спортом, должны быть сфокусированы в большей степени на специфике получения спортивного опыта, нежели на анализе структурных ограничений, препятствующих занятиям спортом. И здесь следует уделить внимание, с одной стороны, анализу неравенства и влиянию отдельных его характеристик (классовое происхождение, гендер, этничность, религиозность, особенности локальной культуры, а также роль физических ограничений) на доступность и возможности получения различного спортивного опыта, который не обязательно связан с социально-экономическим статусом семьи. С другой стороны, фокусом анализа может стать и собственно специфика получаемого спортивного опыта и ее роль в спортивном жизненном выборе. Результаты этих исследований могут в дальнейшем использоваться для разработки социальных программ, направленных на популяризацию спорта.

Литература:

1. Абрамов Р.Н. Фитнес-культура как инновационная социальная практика современной российской молодежи // Молодежные субкультуры Москвы. - М: ИЭА РАН, 2009.
2. Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3. С. 141-146.
3. Алкемайер Т. Стройные и упругие: политическая история физической культуры // Логос. 2009. № 6. С. 194-213.
4. Борусяк Л.Ф. Футбол как катализатор патриотизма // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 95. 2008. № 3. С. 51-61.
5. Бурдые П. Программа для социологии спорта // Начала. - М: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994.
6. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. 1998. № 2. С. 40-58.
7. Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3. С. 104-140.
8. Зверева В.В. Телевизионный спорт // Логос. 2006. № 3. С. 63-75.
9. Мутко В. Министр спорта — о смене приоритетов в спортивной политике в послеолимпийский сезон // Известия. 25 сентября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/536091> (дата проверки: 10.12.2012).
10. Пильц Г. Футбол - это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. 2009. № 6. С. 114-133.
11. Шукис С., Кардялис К., Янкаускене Р. Юношеский спорт – фактор социализации // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 87-96.
12. Эко У. Болтовня о спорте // Логос. 2009. № 6. С. 188-193.
13. Bourdieu P. Sport and Social Class // Social Science Information. 1978. № 17. P. 819-840.
14. Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. № 46:51. P. 51-67.
15. Crosley N. In the Gym: Motives, Meaning and Moral Careers // Body Society. vol.12. 2006. №3. P.23-50

16. Dagkas S., Quarmby T. Young People's Embodiment of Physical Activity: The Role of the «Pedagogized» Family // *Sociology of Sport Journal*. 2012. № 29. P. 210-226.
17. Kahma N. Sport and social class: The case of Finland // *International Review for the Sociology of sport*. 2010. № 47. P. 113-130.
18. Spencer D.C. Habit(us), Body Techniques and Body Callusing: An Ethnography of Mixed Martial Arts // *Body Society*. Vol.15. 2009. №4. P.119-143.
19. Stempel C. Participation Sports as Cultural Capital: A Test of Bourdieu's Theory of the Field of Sports // *International Review for the Sociology of Sport*. 2005. № 40. P. 411-432.
20. White P., McTeer W. Socioeconomic Status and Sport Participation at Different Developmental Stages during Childhood and Youth: Multivariate Analyses Using Canadian National Survey Data // *Sociology of Sport Journal*. 2012. № 29. P. 186-209.
21. Wilson C.T. The Paradox of Social Class and Sports Involvement: The Roles of Cultural and Economic Capital // *International Review for the Sociology of Sport*. 2002. № 37. P. 5-16.

Елена Омельченко

**Молодежное тело в сексуально-
гендерном измерении:
зоны молчания vs откровения**

Тело – это объект и мишень власти. Будучи растиражирована, эта мысль воспринимается как очевидная. Однако то, что может считаться базовым знанием в западной академической традиции, вовсе не выглядит не требующим доказательства или разъяснений в рамках отечественных исследований и дискуссий. Насколько сильны сегодняшние тиски власти в отношении телесных дисциплин, какова степень принуждения к гигиене и уходу за собой, кто именно тот самый коллективный и индивидуальный субъект, который имеет право на последнее слово в отношении нормы современного тела, его проявлений и отпавлений? Кем сегодня формируется свод основных запретов и обязательств в отношении прав индивида на свое тело?

Эти вопросы остаются предельно актуальными сегодня. Если говорить о доминирующем дискурсе, формирующем актуальную повестку дня телесной и биополитики российского государства, то налицо тенденции к усилению социального консерватизма и клерикализации культурно-просветительских парадигм образования и воспитания, когда подавление тела, в первую очередь молодого сексуализированного, становится одной из самых значимых задач. И если западные ученые пишут и говорят об очевидной либерализации сексуальности и ослаблении контроля над частной жизнью индивида [Allen, 2003; Irwin, 2005], то в современной России, несмотря на критику со стороны части академического сообщества [Кон, 2008, 2009; Омельченко, 2005] и гражданского сектора, дискурсивные практики прямого контроля подростковой и молодежной сексуальности, напрямую связанные и ограниченные исключительно репродукцией и репродуктивным здоровьем, становятся чуть ли не основной задачей и способом сохранения национальной безопасности государства, его настоящего и будущего.

Сошлюсь для иллюстрации на пособие, размещенное на сайте «Ваш психолог»¹. Текст начинается с вопроса: «В чем причины ранней

¹ Сайт обращен как к подросткам-школьникам, так и педагогам, психологам, родителям. URL: <http://vashpsixolog.ru/educating-students/935-kak-otlozhit-seksualnye-otnosheniya-praktikum-7-11-klass>. На сайте представлены рекомендации для бесед с подростками, взятые из пособия «Безопасное и ответственное поведение» / Под общей редакцией доцента А.Н. Сизанова [Безопасное..., 1998].

сексуальности молодых?». Авторы пишут, что основные *причины* – неполный состав семьи, неблагополучные взаимоотношения в семье, разводы, алкоголизм, неразумное, бездуховное проведение свободного времени. Приведу в качестве примера отрывок текста пособия, по которому видна не только проблематизация, но и очевидная стигматизация сексуального поведения этой группы. Сразу отмечу, в нашем исследовании подобные представления не подтвердились. «В последние годы внимание исследователей привлечено к особенностям сексуального поведения учащихся школ и профессионально-технических училищ. Так, психолог В.М. Вызова изучала влияние особенностей личности учащихся ПТУ на их половые взаимоотношения. Острота проблемы половых взаимоотношений учащихся ПТУ обусловлена их ускоренным вхождением во взрослую жизнь в период подготовки к профессиональной деятельности... В большинстве случаев в ранние половые контакты вступают учащиеся неполноценных в социально-педагогическом отношении семей, которые оказывали отрицательное влияние на несовершеннолетних. У учащихся с сексуальным опытом обнаружен низкий уровень информированности в вопросах пола, обусловленный недостатками в половом воспитании (основными источниками информации по вопросам пола были друзья-ровесники и старшие друзья). Эти учащиеся обнаружили примитивность духовных интересов, в основном предпочитали занятия, не требующие интеллектуальных усилий. Наиболее характерные виды досуговой деятельности – дискотеки и вечеринки. Учащиеся с сексуальным опытом в основном имели антисоциальный круг друзей. Развитие повышенного интереса к интимной стороне взаимоотношений провоцировали разговоры с друзьями на сексуальные темы, рассматривание непристойных изображений, просмотр порнографических видеофильмов. ...вступление в первый половой контакт показало, что юноши решились на него главным образом под влиянием половой потребности и любопытства, девушки чаще всего уступали домогательствам партнеров» [Безопасное..., 1998].

В фокусе нашего исследовательского внимания были юноши и девушки, получающие на момент проведения интервью среднее профессиональное образование в профессиональных училищах, техникумах и лицеях². Выборка учреждений осуществлялась с учетом

² Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

направления обучения. Были получены достаточно разнообразные данные об интерпретации и конструировании своего и нормативного (правильного) тела, системе представлений о сексуальности (как нормы), оценке своего тела молодежью, получающей разные профессиональные компетенции. Эту группу можно отнести к молодежи, ориентированной на получение рабочих профессий или профессий в сфере обслуживания средней квалификации. Полученные результаты позволяют рассмотреть эту уникальную и все еще закрытую жизненную и образовательную среду, к которой можно применить блестящую метафору П. Уиллиса: «Как дети из рабочего класса получают работу рабочего класса» [Willis, 1977].

И если, например, особенности выбора жизненных траекторий, связанных с профориентацией, отношением к труду, в целом социальной позицией этой молодежи, попадают, хоть и нечасто, в сферу внимания российских социальных ученых, то вопросы формирования телесной и тем более гендерной и сексуальной идентичности остаются в зоне невидимости и неактуальности³. Тема телесности молодого «рабочего класса» напрямую связана с социальными процессами воспроизводства не только в смысле репродуктивного потенциала этой группы. Это, по большому счету, разговор о возможностях общества и государства к адекватному принятию и пониманию этой молодежи, о преодолении существующих стереотипов и предубеждений. В конце концов, это вопрос о пробуждении реального, а не только инструментального, интереса к новому социальному качеству растущего «рабочего», на которого/-ую государство возлагает такие большие обязанности и долженствования и при этом продолжает мыслить и контролировать его взросление по старым нормам и образцам.

В статье рассматривается целый ряд взаимосвязанных, но достаточно сложных самих по себе вопросов. С одной стороны, в центре внимания оказываются особенности восприятия юношами и девушками своего (а также коллективного – нормативного, идеального, средового) тела сквозь призму гендера и сексуальности. С другой стороны, эта тема остается предметом активного

³ Один из немногих российских ученых, постоянно работающий над исследованием и анализом подростковой и молодежной сексуальности, – выдающийся отечественный социолог и философ Игорь Семенович Кон. Его труды были доступны для открытого чтения – Персональный сайт И.С. Кона <http://sexology.narod.ru/book.html>. Он с огромным вниманием и чуткостью относился к переписке с подростками, не жалея времени и сил на разъяснение столь сложных вопросов, как сексуальность, желание, телесные характеристики. Его работы, прежде всего «Подростковая сексуальность на пороге XXI века» и «Мальчик – отец мужчины», были для меня основными ориентирами в написании этой статьи.

конструирования в популярной и академической, в том числе педагогической и просветительской, литературе. Вместе с тем, она оказывается сегодня в эпицентре политических дискуссий, будучи предметом острых споров, полемик и конфликтов. Молодежный гендер и сексуальность позиционируются как предмет особого контроля, заботы и регламента со стороны государства и его ключевых институциональных агентов в вопросах репродукции и здоровья нации. И, наконец, особую остроту такого рода дискуссия приобрела в последнее время вместе с актуализацией темы (точнее – целого спектра тем) в сегодняшней России. Среди них: допустимые презентации сексуальной идентичности, легитимация нормы и отклонений в этом пространстве, публичные проявления сексуально-гендерной инаковости, права на номинирование и бытование сексуальности в рамках личного, приватного пространства вне обязательной связи с сексом, репродукцией и девиациями. Вряд ли возможно рассмотреть все эти вопросы в рамках одной статьи, однако там, где это значимо для пояснения авторской позиции, я буду затрагивать отдельные их аспекты.

В теоретической части будет предложено краткое изложение контуров академической дискуссии по вопросам молодежной/подростковой сексуальности, ключевых подходов, определяющих современную повестку дня в западной академической литературе с акцентом на особенность их применения к российскому контексту. Затем рассмотрим определение доминирующих координат в теоретизировании и эмпирическом описании особенностей сексуального поведения и практик молодежной группы, обозначенной нами как молодежь, обучающаяся работе. И, наконец, будет представлен анализ эмпирического материала и резюмирующие размышления о возможностях его вклада в развитие существующих подходов.

Кому принадлежит тело подростка?

Телесное «Я» – один из важнейших компонентов самосознания подростков и молодежи. Индивидуальное Я-тело зависит от коллективного тела сверстников, от гендерно-телесных стереотипов, циркулирующих в дискурсах СМИ. Внешние образы интериоризируются, проходя через фильтры принятых «своими» образцов *правильного* и *настоящего* мужского и женского,

соединяясь с индивидуальными версиями, выработанными под воздействием семейного и школьного воспитания, самообразования и индивидуального жизненного опыта. Процесс этот не автоматический, в большинстве случаев, как об этом пишут исследователи, он сопровождается сложными разговорами с собой, которые могут быть достаточно травматичны. Признание своего тела как данности, приобретенной в наследство от родителей вместе с привитыми привычками (гигиена, питание, потребление, хороший вкус, подходящая одежда и пр.), далеко не всеми подростками воспринимается как очевидная ценность. Процесс взросления и телесного оформления может сопровождаться разочарованием, обидами, конфликтами. Маскулинность, как и фемининность проявляются и символизируются телесно (размеры тела, сила, выносливость, гибкость, обучаемость).

Выбранный в нашем исследовании фокус на изучение особенностей формирования телесной идентичности у молодежи, получающей рабочие или сервисные профессии (low class youth) – сюжет, редко попадающий в сферу внимания современных ученых, чему есть ряд объяснений. Социология тела в российской социальной науке только начинает оформляться в качестве отдельной дисциплины, с трудом выходя из маргинального статуса. Тело, и молодежное тело в первую очередь, продолжает дискурсивно производиться в рамках потенциальной опасности, немотивированной агрессии, сексуальной распушенности, подростковой беременности и моральной незрелости. Вариативность гендерного дисплея и различия гендерных режимов молодежных культур и субкультур продолжают вызывать моральные паники своим отличием от «традиционных» образцов патриархатной маскулинности и фемининности. Налицо усиление гомофобных и клерикальных тенденций в публичной политической риторике, которые транслируются и могут восприниматься в качестве руководства к действию при разработке образовательных и просветительских стратегий. Это не может не влиять на академическую среду и отношение к этой теме.

Категория *рабочей молодежи* (молодежи, обучающейся работе), молодежи из не среднего и не высшего класса – и теоретически, и эмпирически выглядит достаточно сомнительной, поэтому и выбор ее в качестве исследовательского объекта затруднен. Тем не менее, исследование телесности этой молодежной группы может эмпирически дополнить и теоретически развить понимание

сексуальной идентификации молодежи, преодолеть академический центризм белого / среднего (высшего) класса / мужского тела.

Анализируя полученный материал, я столкнулась с определенным дефицитом теоретической проработки такого подхода не только в отечественной (что объяснимо), но и в западной академической литературе. Работы отечественных ученых либо узко специализированы (медицина, демография, психология, психопатология, криминология), либо конъюнктурно политизированы, что, в первую очередь, относится к сексуальному просвещению.

Остановлюсь на кратком экскурсе исследований западных авторов, в которых, пусть и не напрямую, затрагивается тема молодежной телесности и сексуальности в соотнесении с социальным классом, подростковостью/ молодостью, гендерной социализацией и сексуальным воспитанием.

Класс/происхождение/гендер

Немецкие ученые из Института изучения молодежи (German Youth Institute (DJI)⁴ обратили внимание на связь классового происхождения с восприятием гендерной сегрегации в группах сверстников, в когортах ранней подростковости [Pfaff, 2010]. Анализ показал, что по сравнению со школьниками, родители которых принадлежат к высшему социальному классу, школьники из семей с низким статусом раньше усваивают систему различий между полами. Появление пары оценивается ими как репутационное преимущество среди одноклассников, тогда как девочки-подростки из высшего класса рассматривают первые отношения с мальчиками как доказательство своего умственного и физического развития и знак личной продвинутости. В зависимости от контекста родительской культуры (классового капитала) гендерные роли могут интерпретироваться по-разному. Сходные темы рассматриваются в связи с влиянием медиа образцов на школьную повседневность [Durham, 1999; Maccoby, 1998; Thorne, Luria, 1986].

Телесность и демонстрации маскулинности рабочей молодежи могут исследоваться в фокусе девальвации традиций индустриальной работы в ситуации сужения рынка труда и поиска молодыми рабочими новых способов выражения настоящей мужскости. А. Нойак, автор

⁴ Лонгитюдное исследование школьников проходило в три волны (2002, 2004 и 2005 гг.), целью исследования было проверить условия и факторы, влияющие на компетенции школьников. Было опрошено 2200 школьников двух возрастных когорт, а также взяты интервью у их родителей. Во второй волне около 2000 школьников снова участвовали в опросе, и в третьей волне – около 1200.

работ по современным молодежным культурам и субкультурам и роли классового опыта (семейного происхождения, личного статуса юноши или девушки) в формировании идентичностей в контексте жизни индустриальных городов, исследует вопрос, что значит быть мужчиной в ситуации распада ценностей индустриального труда и потенциальной безработицы [Nayak, 2006]. Автор пишет, что транзигция молодых мужчин рабочего класса в постиндустриальном обществе отличается крайней незащищенностью, что требует переосмысления того, что значит быть мужчиной за рамками индустриальной занятости и достойной зарплаты. Эрозия традиционных стилей жизни, включающих работу и досуг, ведет к переопределению образа жизни и смысла труда. В опоре на этнографическое исследование ученый показал различия между культурными привычками молодых мужчин, имеющих традиционный рабочий опыт, и молодыми мужчинами из семей с историей межпоколенческой безработицы. Опыт выхода в люди, ценности, модели и практики этих групп имели различную текстуру. «Респектабельный» рабочий класс, по мнению А. Нойака, значительно отличается от маргинального, однако особенности проживания разных типов «привычных» социальных классов остаются невидимыми и непроговариваемыми в исследованиях молодежной культуры. Автор приходит к выводу, что в ответ на «красочные, театрализованные маскулинности», с избытком демонстрируемые белыми мужчинами среднего и высшего класса, молодые мужчины рабочего класса увеличивают телесный капитал путем накачивания и тренировки своего тела, что становится валютой и имеет и обменную ценность внутри локальных сетей их существования.

К маргинализации рабочей (постиндустриальной) маскулинности обращается Р. Конелл в работе «Живи быстро и умри молодым: конструирование маскулинности молодежью рабочего класса в маргинальном секторе рынка труда» [Connell, 1991]. Ученый использует метод истории жизни для тестирования изменений конструкторов маскулинности в современных обществах. Рынок и процесс труда вместе с государством играют ведущую роль во фреймировании и развитии «протестной» маскулинности, стрессовой версии гегемонной маскулинности, утверждающейся в качестве коллективно разделяемой практики в своем миле, в частности в группе байкеров. Драматическое отвержение маскулинности, также как и «сложные» маскулинности, вырастают, по его мнению, из

социального контекста различных классовых/гендерных практик [См. Coffield, Borrill, Marshall, 1986; MacDonald, Shildrick, Webster, Simpson, 2005; McDowell, 2000, 2001; Willis, 1977].

Влияние классового происхождения на интенсивность этнических, расовых предубеждений молодых мужчин и место культурного капитала семьи исследовали ученые из Норвежского центра исследования молодежи [Pedersen, 1996]. Эмпирическая база исследования – 465 юношей в возрасте 20 лет. Интересно, что различий в уровне этнических предрассудков у молодых людей из рабочего класса и высшего класса не было обнаружено. Большее значение имеет семейный опыт и культурный капитал семьи, а именно – социально-экономическое положение отца и уровень образования матери.

Исследуя особенности влияния группы сверстников и классового происхождения на восприятие медийных стандартов фемининности и маскулинности, ряд ученых указывают, что именно реер-группа является решающим фактором в чувствительности к стереотипам, опосредованным классовым опытом [Durham, 1999].

Современные исследования молодежи, обучающейся «труду» (получающей рабочие или сервисные профессии), в рамках западной академической традиции преимущественно обращены к молодым мужчинам. Тогда как особенности конструирования телесности и сексуальности молодыми женщинами рассматриваются в связи с особенностями семейного и школьного воспитания, а также с новыми формами сопротивления гендерным стереотипам.

Сексуальное образование и просвещение: говорят девочки

Разговор о сексуальном образовании в современной российской школе оказывается за рамками либеральных традиций. Он сводится либо к задачам репродуктивного здоровья, либо к морализаторству и упрощенным методическим рекомендациям, направленным на контроль подростковой сексуальности и заботу о нравственности и лояльности подрастающего поколения. Молодежь в рамках педагогических парадигм объективируется и практически лишена голоса и субъектности. И.С. Кон отдал много сил развитию этой темы, обращая внимание на важность открытых разговоров с подростками, писало о необходимости преодоления дидактических и неэффективных практик запрета и умолчания [Кон 2001, 2005, 2008, 2009]. Сегодня можно говорить о времени господства медикализированных и криминализированных дискурсов в исследовании подростковой

сексуальности, другие подходы в этом направлении встречаются с массой дискурсивных барьеров: сексуальность в школе становится закрытой темой, исследования сводятся к сексуальному поведению в фокусе репродуктивного здоровья и предотвращения ЗППП.

В контраст к этому подходы к сексуальному образованию и просвещению подростков оцениваются западными учеными преимущественно в критическом ключе. Так, К. Ашкрафт пишет о значительном расхождении педагогических парадигм и того, что ждут школьники от сексуального просвещения [Ashcraft, 2008]. Хотя сексуальность насыщает и пронизывает жизнь подростков, несмотря на очевидную важность и рост социальных требований к этой стороне жизни, школы делают крайне мало в отношении подростковой сексуальности. Помимо общественного здоровья и благополучия, сексуальное просвещение может помочь академическим успехам и развитию демократии, сексуальность может быть потенциально значимым ресурсом для роста образовательных достижений и гражданского участия школьников.

Ряд западных ученых обращаются к нерелевантности сексуальной информации и сексуального просвещения потребностям подростков, когда в тени оказываются сложные темы, такие как гомосексуальность. Подобные вопросы редко обсуждаются в семье, среди друзей и в школе, что сказывается на незащищенности и одиночестве тех детей, для которых важно понять, как относиться и оценивать свои нетипичные желания [Kubicek, Beyer, Weiss, Iverson, Kipke, 2010; Connell, 1996; Epstein, Johnson, 1998; Francis, 2000].

Л. Аллен пишет о том, что стремление сексуального образования соответствовать потребностям молодежи чаще всего лишь манифестируется, преподносится в ультимативной форме, приписывая систему желаний, мало соответствующее реальным нуждам [Aggleton, Campbell, 2000]. Участники фокус-групп, пишет исследовательница, критически оценивали текущее сексуальное образование, акцентированное на вопросах клиники, отличающееся деэротизацией и дидактикой. Реальные же потребности связаны с эмоциями и возможностью позитива и удовольствия. Студенты говорили о праве на собственные решения о сексуальной активности, хотели иметь открытый доступ к знанию, чтобы сексуальность приносила удовольствие. Сексуальное образование должно стать позитивным, а не запрещающим, помогать принимать позитивные сексуальные решения [Allen, 2004, 2005, 2008].

Статья следующих авторов обращена к особым девичьим практикам сексуальной инициативы в контексте сексуальных отношений молодых людей в опоре на нарративы 54 молодых женщин 16-18 лет в английской старшей школе [Maxwell, Aggleton, 2003]. Ученые исследуют физические и вербальные практики инициативы и власти. Молодые женщины, дискурсивно определяющие себя в качестве «стильных и властных», интегрируют свои тела в контекст такого понимания. Автор выводит четыре стратегии, которые не вписываются в привычный контекст приспособления или сопротивления гендерным нормам и неравенству и более адекватны современному пониманию женской сексуальной инициативы, которая может быть напористой, отказывающей, вопросительной и опережающей.

Ряд ученых обращается к анализу роли родительства и соседства в сексуальном воспитании подростков и их влияния на сексуальный дебют [Browning, Leventhal, Brooks-Gunn, 2005; Irvine, 2004]. Авторы на основе многоуровневого и лонгитюдного исследования в Чикаго пишут о том, что соседский контроль может сдерживать сексуальные инициации подростков только в случае ослабления родительского контроля. При этом родительский контроль большее влияние имеет на девочек-подростков.

Это, конечно, неполное описание возможных сюжетов, которые рассматриваются исследователями в отношении телесности и сексуальности молодежи. Очевидно, что для нашего проекта этот экскурс интересен скорее интонацией и принципиальным поворотом к тестированию подростковой и молодежной сексуальности вне панических дискурсов, а также принципиальным доказательством этой сферы жизни молодежи в качестве отдельной, вполне легитимной части оформления личного, самодостаточного пространства взросления, в контексте которого молодежью решаются сложнейшие вопросы, связанные с идентичностью. При этом классовое происхождение не является неким диагнозом, молодежь ищет и находит разнообразные пути сопротивления для выстраивания собственных стратегий, которые, хотя и остаются зависимыми от принятого наследства, однако имеют потенциал вариантов использования наличной ситуации и, пусть и символического, преодоления предписанной классом судьбы⁵.

⁵ Оговорюсь, что в исследовании не рассматривались случаи, связанные с вынужденной депривацией молодежи, описанные, в частности, Т. Шилдрик как «молодежь трижды НЕ»: не работающая, не обучающаяся, не получающая социальной поддержки. Наши информанты - это учащиеся и студенты, их будущее не предопределено, и их нынешнее обучение труду не является «окончательным» диагнозом.

Говорить о сексуальности: молодежные контексты

В этой части статьи будут проанализированы основные сюжеты, относящиеся к выбранному фокусу. Я постараюсь проследить, как девушки и юноши, участвовавшие в исследовании, говорили о сексуальности и сексе. Акцент будет сделан как на объяснениях, которые обсуждаются в рамках теоретических подходов, так и других темах, предложенных информантами. Полевая часть проводилась, в основном, молодыми исследователями, что позволило, кроме исследовательских, решать и профессиональные задачи, направленные на получение важных методологических компетенций и развитие навыков исследовательской коммуникации.

Кто кого изучает?

Ошибки и смех в исследовательской коммуникации

Сексуальность, как значимая характеристика процессов самоидентификации, сопровождающих взросление, и сексуальные практики/секс/интимная близость не были основными исследовательскими вопросами проекта. И все же были получены разнообразные интерпретации, часть из которых может обогатить понимание этой сферы жизни подростков и молодежи, а также помочь критически переосмыслить привычные способы конструирования этой темы.

Вопросы, связанные с сексуальностью молодежи, несмотря на их массивную эксплуатацию популярной культурой, использование ее имиджей и символов в рекламе, медиапроектах и, конечно, циркуляции в социальных сетях фото-, видеосамо/презентаций и образов, остается по-прежнему сложнопроговариваемой темой. Повседневный язык сексуальности противоречив и запутан, бытовой словарь сексуальности, используемый молодежью, беден и либо стыдливо прячется в намеки, предлоги и частицы, встречные вопросы, либо цинично натурализуется на грани приличного. Это относится и к языку молодежи нашей группы информантов. Большинство из них (однако, не все), по крайней мере в начале перехода к этой теме, испытывали явные затруднения и неловкость. То, что именно начинающие исследователи проводили интервью имело как свои плюсы, так и минусы. И интервьюеры, и информанты находились в общем пространстве сложнообозначаемого предмета разговора,

который все время ускользал, общение подчас сводилось к намекам в надежде на контекстуальное понимание. Если интервьюерам удавалось преодолеть первые сложности, вызвать доверие и продемонстрировать интерес и готовность обсудить разные версии сюжета, разговор становился содержательнее и открытее.

Анализ ошибок в коммуникации может стать отдельной темой, поскольку позволяет обсудить вопросы равенства (гомогенности) в исследовательской коммуникации, а также обозначить вопросы, на которых можно тестировать фобии, неловкости и смущения:

«Интервьюер: Угу. А есть ли у тебя сексуальный опыт?»

Респондент: Смотря, в каком смысле понимать сексуальный опыт? Нет, ну как бы, если иметь в виду, там, девственница ли я или не девственница, то я девственница...» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«Интервьюер: У тебя был сексуальный опыт, есть? Можешь рассказать, когда это было, какие-нибудь обстоятельства, при каких обстоятельствах?»

Респондент: Я считаю, что у меня регулярный (смеется). Секс регулярный. Ой, первый раз? В тринадцать лет...» (муж., 18 лет, инт. № 48).

Вопросы о наличии сексуального опыта не просто вызывали затруднения, но, очевидно, имели для юношей и девушек разные смыслы, и сами интервьюеры не всегда готовы были задерживаться в языковой неоднозначности, опережая информантов не всегда уместными подсказками. Смех помогал преодолеть ситуации неловкости и многозначности, открывая общий, разделяемый собеседниками канал коммуникации. Но, с другой стороны, это может перевести исследование в несерьезное русло, сократить пространство говорения информанта, и мы получаем больше информации о самом интервьюере, что само по себе интересно, но мало помогает пониманию того, что хотели (и могли) сказать нам:

«Интервьюер: А вообще, каким вот, на твой взгляд, должно быть тело девушки, чтобы она тебе показалась сексуально привлекательной? Какие вот у тебя, так сказать, критерии?»

Респондент: (долгая пауза) Ааа... Ростом, конечно, так, не очень низкая.

Интервьюер: Приблизительно это сколько (смеется), не очень низкая?

Респондент: Может, с меня ростом (смеется).

Интервьюер: А!

Респондент: Да.

Интервьюер: Угу.

Респондент: Может, чуть меньше.

Интервьюер: Хорошо. Рост вычислили. Дальше (смеется).

Респондент: Размер груди где-нибудь второй-третий. Скорее всего, третий (смеется).

Интервьюер: Третий... Ага.

Респондент: А лицо чтобы обычное было.

Интервьюер: Как... Обычное? Это как (иронизирует)?

Респондент: (смеется) Блин. (Долгая пауза), (смеется). Ладно, я затрудняюсь ответить.

Интервьюер: Затрудняюсь ответить (смеется)» (муж., 17 лет, инт. № 55).

Сексуальный дебют или «в первый раз»

И.С. Кон в книге «Подростковая сексуальность на пороге XXI века» отдельную главу посвящает анализу особенностей и смыслов сексуального дебюта [Кон, 2001]. Так, анализируя актуальные исследования, он пишет, что самая общая тенденция сексуальной жизни второй половины XX в. - снижение возраста сексуального дебюта и уменьшение разницы в этом отношении между мужчинами и женщинами [Bozon, Kontula, 1998]. Особенно велики сдвиги у женщин. Повсеместное снижение возраста сексуального дебюта происходит на фоне параллельного повышения возраста брачности: современные женщины позже выходят замуж, их браки часто откладываются до завершения образования, а общий коэффициент брачности снижается. Сексуальный дебют все чаще происходит до и вне брака, что, в свою очередь, свидетельствует о либерализации сексуальной морали⁶. Фундаментальный сдвиг в трансформации возраста сексуального дебюта является показателем изменения так называемого двойного стандарта: разных норм сексуального поведения для мужчин и женщин. Хотя, согласно исследованиям, половое созревание девочек завершается раньше, принято было считать, что мальчики начинают половую жизнь раньше, их сексуальные практики в

⁶ Персональный сайт И.С. Кона - http://sexology.narod.ru/book10_22.html.

меньшей степени зависимы от моральных запретов и нормативных стереотипов. В нашем исследовании, кроме ранее описанных паттернов, обнаружился ряд интересных нюансов. Так, если преимущественно инструментальное объяснение «первого раза» юношами, и более пространное и сопряженное с чувственно-моральными интерпретациями у девушек подтвердили существующие стереотипы, то представления о женском дебюте как ответе (вынужденном, случайном) на мужскую инициативу срабатывали не всегда. У информантов, имеющих сексуальный опыт (больше половины опрошенных, в равных долях юноши и девушки), средний возраст сексуального дебюта составил от 13 до 16 лет. Причем практически вне зависимости от пола отношение к первому опыту варьировалось от смущенно циничного до практического и рационального:

«Ну, это уже разные, там... такие, на один день. Ну, тоже все как бы знакомые люди... ну, не на один день. Это были непостоянные партнеры. Вот. Ну, естественно, я их тоже знала... недолгое время, но нормально так... Ну как, с одним... просто тоже его в гости звали, а еще с одним... это было в лагере, когда мы работали там... Да. Предохранялась со всеми... Ну, раньше я думала, что это только с близким, только после свадьбы. Но раз так не получилось... иногда все-таки чувства берут верх, ну и получается на один раз поразвлекаться...» (жен., 18 лет, инт. № 47).

«У нас были с ним отношения долгие. Естественно, что секс был с ним. Ну и потом ещё было пара партнеров. Один партнер был до этих отношений, один во время (смеется), честно говорю. Это случайно, на эмоциях. Один был уже после» (жен., 16 лет, инт. № 2).

«Официально встречался я, с которыми спал,... шесть девушек. Первый раз - в девятом классе. По пьяни. На дачу тогда уехали» (муж., 19 лет, инт. № 49).

Девственницы и девственники: дар или помеха?

Рамку частной жизни в опоре на предписания и запреты задавали в прошлом религиозные институты и его светские атрибуты – брак. Сегодня любовная и сексуальная инициация все чаще осуществляются в ситуациях ослабления или критического отношения к существовавшим ориентирам, что говорит об

ослаблении институциональной основы частной жизни. Гендерная и сексуальная социализация все больше становится частным опытом, несмотря на возрастающее давление доминирующих в российском обществе доктрин прямой заботы и регулирования молодежной репродукции. Как в этом контексте происходит переход к генитальной сексуальности? Как молодежь, очень рано становящаяся автономной, но вовсе не независимой проживает свой «первый раз»?

По меткому замечанию И.С. Кона, несмотря на то, что согласно данным сексуальная инициация у мужчин происходит раньше, чем у девушек, однако и доля «ретардантов», вступающих в сексуальные отношения сравнительно поздно (старше 19 лет), среди мужчин также больше; в Бельгии, Германии, Нидерландах, Норвегии и Швейцарии такие мужчины составляют 25%. Когда юноши и молодые мужчины хвастаются своей сексуальной «продвинутостью», многие из них попросту врут, стесняясь своей девственности. Это объясняется не столько соционормативными представлениями, вроде того, что стыдно быть «невинным», сколько индивидуальными особенностями мужских сексуальных сценариев. [Кон, 2009]. В одном американском исследовании (было опрошено 52 тыс. человек) молодые мужчины предположили, что девственников среди них только 1%, а фактически таковых оказалось 22%. По данным российского опроса (1995 г.) 22% 19 летних юношей и 31% девушек еще не имели сексуального опыта [Денисенко, Далла Зуанна, 2001].

Нормативные представления о девственности меняются. Принято считать, что для женщин ее сохранение значительно важнее, чем для мужчин, однако смысл этой бережливости сегодня другой. Это может интерпретироваться как подарок возлюбленному и партнеру, но может, также как и для большинства юношей, выглядеть знаком неопытности и стигмы, от которой следует быстрее избавиться. Мысль, что друзья одобрили бы сохранение юношей девственности до брака, поддержали лишь 9,5% опрошенных российских студентов (юношей), доля девушек, согласных с этим мнением, еще ниже – 5,4% [Тихомиров, 2010].

Следующая цитата оставляет открытым вопрос о наличии сексуального опыта у молодого человека, что вполне характерно для нашего исследования. Что стоит за этим «нет» – нежелание говорить на эту тему, стеснение за свою девственность, которая

может расцениваться как неполноценность и неопытность, сказать сложно. Очевидно одно – вопрос провоцирует закрытость:

«Интервьюер: Вот. У тебя есть сексуальный опыт?»

Респондент: Нет.

Интервьюер: Нет. А есть сейчас с кем-нибудь отношения?

Респондент: Конкретно сейчас нет. Были года два назад.

Интервьюер: Года два назад. Амм... Почему они, как бы, прекратились?

Респондент: Потому, что я уехал в другой город. А здесь их нет» (муж., 17 лет, инт. № 52).

Явное смущение вопрос вызывает и у следующего информанта, который считает, что его «нет» может повлечь разочарование собеседника, и дальше говорить с ним будет не о чем:

«Интервьюер: Скажи, пожалуйста, у тебя есть какой-то сексуальный опыт?»

Респондент: Ммм...

Интервьюер: Ну, в плане... Было, нет (нервный смех)?

Респондент: (пауза) Ну, тут либо да, либо нет (смеется).

Интервьюер: Ну, да. Логично, да. Ну, да, вот был у тебя сексуальный опыт?

Респондент: Ну, нет.

Интервьюер: Нет, да? Угу. Ммм.. Почему, как бы, ну, в смысле, не нашел девушку какую-то...

Респондент: Не знаю. Не доводилось. Не знаю.

Интервьюер: Понятненько. Угу. Так.

Респондент: Минус одна тема (смеется)?» (муж., 19 лет, инт. № 28).

Одна из самых ярких черт подростковой сексуальности, описанной еще Фрейдом, – это противоречие между чувственным (телесным) и нежным (духовным) влечениями, «дуализм любви и секса» [Кон, 2001]. Эротические фантазии и сильная ориентация на сексуальный объект относятся далеко не только к взрослению юношей-подростков. Исследования девичества [см. Борисова, 1989, 1992] говорят, что это общая тенденция, просто для девочек и девушек она более табуирована. Цинизм в разговоре о сексе, что встретилось и в нашем исследовании, не обязательно отражает недостаток чувствительности, это может быть полезным лекарством снижения накала волнения и застенчивости, и демонстрацией среди

сверстников своей крутости. Мнение среды даже в большей степени, чем образы СМИ сказываются на формировании сексуального «Я» молодежи. Самым важным могут стать не реальные переживания, а их соответствие гендерным стереотипам, циркулирующим в окружении. Отсюда – постоянная оглядка на мнение сверстников собственного пола, подражательность, хвастовство действительными, а чаще мнимыми «победами». Жажда любви может сочетаться со страхом «потерять себя», «подчиниться». Женские версии девственности в нашем исследовании были не менее разнообразными, чем юношеские. В следующей цитате можно найти отголоски вполне традиционного взгляда на девственность, как дара особого рода, который может быть отдан только в преддверии и после официального брака. При этом очевиден определенный страх раскрытия, когда, по мнению информантки, потеря девственности может стать частью слухов и повлечь потерю имиджа в глазах окружающих, а мужчина получит власть над ней и ее телом:

Интервьюер: ...ты сказала, что у тебя есть молодой человек, а у вас там, ну, есть, не знаю, сексуальные отношения с ним? А до этого был какой-то сексуальный опыт?

Респондент: Нет и сейчас нет, и не было. То есть, ... ну не знаю... не знаю, как бы большинство пар, ну, кто лишился там с кем девственности, они расстаются... Я не готова ... ну, доверять свое тело человеку, которому я, в принципе, не доверяю... Я вообще никому не доверяю... «Информация – это власть»... когда есть про меня какая-то информация. Даже совместные воспоминания – это же все равно какая-то власть надо мной... я не хочу, чтобы, например, это потом, не знаю, к примеру, разошлось там по моим знакомым и всем остальным, вообще. Да с каким-нибудь приукрасом еще...

Интервьюер: А, ну, там твой парень, например, не настаивает на этом сейчас?

Респондент: М-м, нет. Ну, если бы он настаивал, он бы не был моим парнем» (жен., 15 лет, инт. № 1).

В следующем отрывке интервью видно, что девушка просто не хочет обсуждать эту тему, интервьюер пропускает первое «нет» и настаивает на раскрытии. Важно тут, что сексуализация девушек в этой среде, на которую часто ссылаются педагоги, бьющие тревогу от растущей распушенности, явно преувеличены:

Респондент: У меня нет сейчас ни с кем отношений. Ну, потому, что мне не хочется с кем попало, и вот только есть человек один на выборе, и все.

Интервьюер: У тебя есть сексуальный опыт?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Скажи, пожалуйста, у тебя есть какие-то ограничения в сексе, что-то, что ты никогда не будешь делать, на что никогда не согласишься?

Респондент: Думаю, да.

Интервьюер: Если да, то что и почему?

Респондент: Можно, я не буду отвечать?

Интервьюер: Конечно. Расскажи, пожалуйста, о своем первом сексуальном опыте.

Респондент: У меня его не было» (жен., 16 лет, инт. № 6).

«Интервьюер: У тебя сейчас есть с кем-нибудь отношения?

Респондент: Нет.

Интервьюер: А сексуальный опыт у тебя есть?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Ну, а вообще, ты считаешь, или для тебя есть какие-нибудь, хотя бы абстрактно, ограничения в сексе, что-то, что ты никогда не будешь делать? Это называется табу.

Респондент: (долгая пауза) Я не знаю. (долгая пауза) Я не знаю.

Интервьюер: Угу... Так, вопрос о первом сексуальном опыте мы отмечаем, да?» (жен., 16 лет, инт. № 3).

Следующий отрывок интересен тем, что перекликается с исследованием женской инициативы, к которому я обращалась в теоретической части. Девушка считает, что переросла своего партнера, и сама расстается с ним. Также подтверждается мысль, развитая И.С. Коном, что с партнером «первого раза» отношения, как правило, продолжаются недолго и заканчиваются расставанием, что не исключает влюбленности:

«Респондент: ...мальчик – 17 лет. Через месяц будет 18. Я, конечно, без ложной скромности, я считаю, что я его переросла. Я себя чувствую старше его. Это, конечно, не помогает отношениям. Это тяжело, конечно. Ему хочется с друзьями пиво попить, а мне хочется что-нибудь такого... кинотеатр, ну и поговорить есть всегда о чем общем. Да, моя инициатива. Я уже устала от этого,

и чувства поугасли.

Интервьюер: Хорошо. У тебя есть сексуальный опыт?

Респондент: Да. У нас были с ним отношения долгие. Естественно, что секс был с ним. Ну и потом ещё было пара партнеров. Один партнер был до этих отношений, один во время (смеется), честно говоря. Это случайно, на эмоциях. Один был уже после» (жен., 17 лет, инт. № 26).

В следующем отрывке тоже похожая интерпретация, и хотя у девушки нет опыта, для нее важно утвердить свое право на инициативу. Как сказала другая информантка: «Я, конечно, тоже это представляю, и я думаю, если как бы со мной тоже это произойдет... я не растеряюсь».

«У меня нет именно какой-то позиции: считаю, что если человек занимается там, да, в 14 лет, то он какой-то плохой, или если сделал это в 20. Мне просто кажется, что каждый человек в определенный момент решит для себя, что сейчас, да... Не было какого-то подходящего момента, там еще какие-то факторы, которые там, да, не позволяли - какое-то здоровье или еще что-то... Не потому, что я там бегала и говорила: «Нет, нет, нет, не подходи ко мне!», - или еще что-то. Нет. Просто так все сложилось. Ну, друзья смеются... ну, не то, что смеются надо мной, просто бывает... говорят, что конец света... (смеется)... что вот умрешь, иди быстрее там, а то умрешь и так и не познаешь. Такие, да, приколы. Слава Богу, у них нету такого, что фу, что за позор... Я считаю, что личная жизнь – это личная жизнь. Необязательно распространяться...» (жен., 18 лет, инт. № 44).

Вопросы о «первом разе» могли вызывать и негативную реакцию, можно предположить, что в этих случаях воспоминания были болезненными, и, судя по следующей цитате, расставание с партнером было нелегким:

Интервьюер: Есть ли у тебя сексуальный опыт?

Респондент: Конечно, есть. Мне не 5 лет, чтобы это самое...

Интервьюер: Угу. Хорошо. А у тебя сейчас есть с кем-нибудь отношения?

Респондент: Нет.

Интервьюер: (пауза) А расскажи о тех, которые были.

Респондент: Ну, я не хочу об этом рассказывать. Ну, это сугубо личное. Следующий вопрос» (жен., 19 лет, инт. № 16).

Первый сексуальный опыт может оцениваться юношами достаточно травматично, если это, например, связано не с их, а с внешней инициативой и сопряжено с неприятными воспоминаниями:

«Это вообще было в 14 лет с подружкой моей сестры, это было ужасно! Потому что она меня напоила! Тогда ей было 20» (муж., 18 лет, инт. № 39).

Или, например, собственная девственность может восприниматься юношей совершенно спокойно, он может рассчитывать на помощь опытной партнерши:

«... ну, не знаю, обстановка домашняя, ну, я не знаю, как-нибудь разберусь по ходу там. Ну, если девушка будет уже не девственницей, не знаю, там, может быть что-нибудь там расскажет, покажет, как правильнее. А так я вообще просто не парюсь. Разберусь» (муж., 15 лет, инт. № 56).

Среди историй наших информантов о первом сексуальном опыте встретился один, по-моему, весьма экзотический вариант. Девушка принципиально называла себя девственницей и при этом, судя по нарративу, имела продолжительные и вполне сексуальные отношения, что можно расценивать как специфический ответ на принудительную стереотипизацию (семья, школа) смысла и значимости женской «чистоты», а также использование стратегий нормализации сексуальных практик, которые помещаются за рамки генитальной сексуальности:

«Респондент: Ну, я считаю, что оральный секс – это не... он не относится к глубокому сексу. Поэтому в своих отношениях я допускаю только оральный секс. Все остальное я не считаю, потому что для меня это свято, я еще хочу выйти замуж.»

Интервьюер: Для тебя все-таки важно сохранение девственности? До свадьбы?

Респондент: Да. Поэтому я считаю, что глубокий секс – это что-то такое, что действительно надо делать вместе... И почему мы тоже начали встречаться с Джеймсом, потому что у него было примерно такое же отношение. Он был христианином, он... у него были, конечно, раньше сексуальные отношения, но он был готов, он уважал меня, ему, наоборот, это нравилось... Я ищу духовного партнера, чтобы мне было с ним комфортно. Чтобы

это был человек глубокий. Чтобы он любил себя, тоже уважал себя. Ну, конечно, он должен быть темненьким, высоким (смеется), ну и все, наверное. И в Америке тоже не считается как бы оральный секс вообще сексом. Даже не называется так. Поэтому, наверное, все произошло именно в тот момент, когда мы оба были готовы. И он меня ждал, у него был подарок поэтому (смеется)» (жен., 18 лет, инт. № 34).

Мы видим, что важнее не сама девственность – сохраняется она или уже «пройденный этап», а личный контекст переживаний, смыслы, которыми наделяют девушки и юноши дебют в соотношении с принятыми нормативами в группе сверстников. Встретилось только несколько случаев, когда девушки говорили о важности сохранения девственности до брака со ссылкой на семейное воспитание, тогда как о влиянии образовательной среды, педагогов, психологов или медиков не вспоминалось вовсе.

Влюбленность, флирт, прелюдия ... и впечатления от первого раза.

Анализ личных историй о сексуальном опыте, несмотря на частую немногословность и скрытность, помогают увидеть вариативность ситуаций и объяснений близости, причем мы ни разу не столкнулись с описанием агрессии, насилия или жестокости, исключением были отчасти циничные высказывания, которые можно отнести к смущению и неловкости в отношении обсуждения темы с незнакомыми людьми:

«Интервьюер: Расскажи, пожалуйста, о своем первом сексуальном опыте.

Респондент: (пауза). (смешки). Это было у меня дома зимой, когда родителей дома не было. (долгая пауза)... Не знаю, как это объяснить, как рассказать об этом.

Интервьюер: Сколько тебе было лет?

Респондент: Как сейчас, 16.

Интервьюер: В каких обстоятельствах, с кем это было?

Респондент: С девушкой. Пришли домой. Про обстоятельства - просто пригласил ее.

Интервьюер: Какие ощущения у тебя это вызывало?

Респондент: Приятные. Хотелось и все.

Интервьюер: Вы предохранялись?

Респондент: Конечно!» (муж., 16 лет, инт. № 15).

История «первого раза» может раствориться во множестве (реальных или выдуманных) сексуальных опытов, особенно когда они были непродолжительными и, может быть, травматичными:

«Интервьюер: Расскажите о первом сексуальном опыте, когда это было и сколько Вам лет было. А как всё случилось?»

Респондент: Да, 13 или 14 лет, наверное. А не знаю, как-то всё само собой.

Интервьюер: А сколько у Вас девушек всего было?

Респондент: Не знаю. Много.

Интервьюер: Какие самые долгие отношения были?

Респондент: Долгих не бывает» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Множество сексуальных опытов и партнерш/партнеров может быть связано с употреблением алкоголя:

«Интервьюер: У тебя много было партнерш, партнеров?

Респондент: Партнерш! Партнеров не было. Официально встречался я, с которыми спал, шесть девушек.

Интервьюер: А с теми, с которыми неофициально?

Респондент: Ну, с которыми спал, ну, там, получалось в том плане, ну, понятно, бывает. Разовые такие встречи... Ну, я, честно скажу, не знаю, ну, в районе десяти где-то.

Интервьюер: Это вечеринки и попойки?

Респондент: Ну, да, только вот такие» (муж., 19 лет, инт. № 49).

Следующая цитата из интервью с девушкой показывает, что описания первого опыта, ситуации и ощущений мало отличаются от юношеских историй:

«Интервьюер: А вообще в каких обстоятельствах произошел Ваш первый раз?

Респондент: Ну, это было ночью у подружки... просто сидели... как бы две парочки, вчетвером сидели, общались. Ну, такой романтический вечер, наверное, был... А ощущения... ничего особенного... такого. Волнение, ну, несильное, конечно,... но было.

Интервьюер: Ты доверяла этому человеку?

Респондент: Конечно, если бы не доверяла, не стала бы (смеется).

Интервьюер: Ясно. А вы предохранялись?

Респондент: Да... Ну, потом с ним еще повстречались там

сколько-то времени... потом расстались... Это зависело от того, что вроде как нам было скучно вместе, вроде невесело... непонятно было» (жен., 18 лет, инт. № 34).

Вследующем отрывке девушка достаточно подробно рассказывает об ощущениях от первого сексуального опыта и о том, как она справлялась с болезненными моментами:

«Интервьюер: Сколько тебе было лет, когда у тебя случилось это в первый раз?»

Респондент: 16 лет мне было... В принципе, мы к этому периодически шли, пошагово... Сложилось, что родителей не было дома, ну и... Молодые, захотелось. Что естественно, то не безобразно (смеется)... в первый раз это, естественно, не то, что потом уже... это с опытом приходит. Наслаждения больше и все такое... в первый раз это было так, не очень. Потом уже с каждым разом было лучше, друг друга стали понимать. Так уже все, в общем, сложилось... Который последний, был намного лучше, потому что он более опытный... я тоже первая была, а у этого мальчика уже опыт. С ним было, естественно, лучше, потому что он уже знает, как лучше» (жен., 17 лет, инт. № 26).

Обычными местами сексуальных инициаций, на которые указывали девушки и юноши, были квартиры свои или партнеров (в отсутствии родителей), дачи, летние лагеря. Знакомство и выбор чаще всего проходили в клубе, кафе или на вечеринке. Иногда это походит на игру или соперничество:

«Интервьюер: А как Вы решаете в клубе, например, если вам всем одна девушка понравилась?»

Респондент: Кто быстрее – тот и скачет.

Интервьюер: То есть бывало такое, что вы оказывались конкуренты друг другу?»

Респондент: Ну, само собой. Такое каждый день бывает. Но обычно девушка там с подругами ж ведь» (муж., 18 л. инт. № 36).

Связано с влюбленностью, в которой юноши признаются неохотно:

«Интервьюер: А у Вас сексуальный опыт есть?»

Респондент: Ну, смотря какой (смеются).

Интервьюер: Какой-нибудь? (смеются).

Респондент: Ну, как бы, есть тогда, получается. Ну, как, не знаю, секс, что ли (смеются). Какой? Я не знаю просто, какой... как...

просто секс (смеются). Ну, не помню, недавно... как недавно, пару лет, то есть не раньше 14 точно, постарше, наверно, лет в 15-16.

Интервьюер: А это как-то спонтанно случилось или у Вас были отношения?

Респондент: Вот это я не помню (смеются). Ну, может из-за влюбленности тоже или, там, у девушки была квартира свободная – делать нечего было, может, так было, я не помню, честно говоря (смеются). Около того, наверно. Наверно, ближе к этому, что квартира была свободная (смеются).

Интервьюер: Ок. А какие это ощущения вызвало? Были какие-то воспоминания? (смеясь).

Респондент: Ну, так не помню, но хорошо было (смеются).

Интервьюер: Отлично. А Вы предохранялись?

Респондент: Ну, да, конечно» (муж., 17 лет, инт. № 21).

В ответ на женскую инициативу:

«Ну, было ближе к 17 годам, где-то декабрь месяц, как раз в январе мне было 17, встречался с девушкой полгода, как раз у обоих в первый раз, так и произошло. В принципе, ничего нового не было. Ну, да, секс, понятно, в первый раз, всё-таки такое событие, немножко мы переживали оба, но потом произошло и спокойно начали к этому относиться... к тому и шло, по сути дела, тем более, если девушка проявляет инициативу, то не надо отпугивать. Наоборот, я считаю, что если с её стороны в этом плане идёт инициатива, то надо, наоборот, поддерживать, а не говорить: «Извини-ка, давай-ка потом». Не то, чтобы там башню отшибало, что была эйфория и прочее, но ощущения были приятными, так вот скажу. Оба не разочаровались в этом. Предохранялись? Ну, ясен пень. Куда сейчас без этого» (муж., 18 лет, инт. № 19).

Контрацептивы: резинку одел – и в бой!!!

Практически все юноши и девушки, принявшие участие в нашем исследовании, продемонстрировали понимание важности использования контрацептивов, причем страх нежелательной беременности далеко не всегда был определяющим, не в меньшей степени нам говорили и об опасности заражения. Ответственность за безопасность секса брали на себя как юноши, так и девушки. Однако встретилось и несколько историй болезни и лечения

(причем неоднократного) и, например, переноса ответственности за предохранение исключительно на девушку:

«Предохранялись? Ну, ясен пень. Куда сейчас без этого. Как все люди, я думаю. Ну есть же разные средства. Аптека, пожалуйста, презервативы одел и всё. Без всяких этих якобы противозачаточных таблеточек и прочее. Как выражаются: «Резинку одел - и в бой»!!!» (муж., 18 лет, инт. № 19).

«Ну, да, я лечилась по венерологии. Хламидии, уреаплазма, стандартный набор, как правило. Уже не знаю, где и от кого, но просто как-то они обнаружились. Кандидоз, который, оказывается, у мальчиков тоже бывает. И мне мальчик об этом и сообщил... Это все лечится быстро и легко. Да, я лечилась пару раз» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«Я с этим очень строго (смеется)... Ну, потому что, во-первых, та была незнакомая девушка, я был как бы не уверен, болеет она или не болеет. Вот. Не проверял (смеется)... Своей девушке-то доверяю... Предохраняюсь, но я все равно доверяю (смеется)» (муж., 18 лет, инт. № 19).

«Да, предохранялись, у нас с этим строго (смеется). Он даже сам к этому подошел. Скорее, предохраняться надо от болезней, чем от беременности. Ну, беременность тоже в 17 лет как-то... так что и тот, и другой фактор. Ну, чтобы болезней не было, я считаю. Я знала, что оба - здоровые совершенно ребята» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Я думаю, чтобы не забеременеть, надо просто вовремя вытащить или вообще... И не в пьяном виде заниматься сексом. Все остальное нормально. Всего можно избежать» (жен., 19 лет, инт. № 27).

«Мне всегда сестра говорила... где и с кем - не важно, главное, чтобы предохранялась вот обязательно!... по телевизору вечно орут там: «Беременность ранняя», - там, все вот это. И в свое время насмотрелась и в школе девочек, которые в одиннадцатом классе ходят с огромным животом... ну, как-то не хочется сразу вот так и... неизвестно, как парень себя поведет в этой ситуации. Известно много случаев, когда девушка забеременела и парень ее бросил там, и делай, что хочешь, живи, как хочешь» (жен., 18 лет, инт. № 12).

Отмечу, что вместе с умеренной просвещенностью в вопросах безопасного секса, можно зафиксировать сохраняющийся страх перед врачебным вмешательством в интимную сферу (физическое тело). Так, не только девушки, но и юноши неохотно отвечали на вопросы особых осмотров и говорили, что смогли бы решиться на них исключительно по необходимости (обязательные врачебные осмотры гинекологов, урологов, проктологов) или в случае очевидной болезни:

«Ну, вот у гинеколога как бы все-таки нет. К гинекологу на стул я бы не легла. Это небезопасно. Это очень ужасно. Как бы мне это, в принципе, не надо» (жен., 17 лет, инт. № 40).

Достаточно сложно было понять, насколько в формировании собственных версий сексуальности участвуют медийные образы и знаменитые фигуры - селебрити. Как сказала одна девушка: *«Просто так – как бы особо никакого нет, с кого могла бы так пример брать»*. Вероятно, в этом проявилась определенная специфика группы, связанная с условиями семейного воспитания и окружением в стенах училищ и колледжей. Среди героев преобладали известные актеры популярных и массовых голливудских фильмов, а также ведущие поп-программ российского ТВ:

«Интервьюер: Кто нравится?»

Респондент: Анфиса Чехова, наверно. Мне нравится ее грудь и все как бы (смеется). Женское должно быть - четко выделенная талия, красивая грудь и красивая попа. Я не знаю даже. Просто форма груди красивая, форма попы красивая должна быть. Не знаю, почему нравится. Сиськи у нее классные (смеется)!» (муж., 18 лет, инт. № 24).

Одним из показателей сформированного сексуального и гендерного «Я» является признание своего тела, идентификация со своим телом. Понятно, что этот процесс не заканчивается с наступлением взрослости, однако основные конфликтные этапы и кризисные моменты разговора с телом связаны именно с подростковостью и ранней молодостью:

«Если некоторые части тела мне нравятся свои, ну... время от времени меня это раздражает. Например, мне не нравится большая грудь. Честно» (жен., 16 лет, инт. № 6).

Ключевыми маркерами оценки правильного/хорошего, красивого тела остаются привычные параметры. Для юноши значимыми,

прежде всего, являются рост, вес - отсутствие телесной мягкости (жир, пухлость), хорошая мускулатура (но не перекаченный), физическая сила и демонстрируемая гетеросексуальная активность. Для девушки – это тоже рост (уже не так важно традиционное соответствие с ростом партнера), вес - полнота, по мнению многих информантов, это признак неухоженности, а также грудь и попа. Причем, как подтверждают многочисленные исследования, мнения о том, что самое важное для юношей в девушках и для девушек в юношах в восприятии друг друга, как правило, расходятся:

«Я думаю, мужское должно быть в форме, подкачанное. И мужчина не должен быть слишком худым и слишком толстым. Так же женщина – женщина не должна быть подкачанной. Ну, фигуристой чтобы была» (жен., 16 лет, инт. № 6).

«Мужское - это, ну, естественно, как бы должно быть накачанное, да, там... то есть поддерживающееся, ну, вообще, в таком хорошем виде. То есть нет лишних складок, то есть там... Вот. А женское, ну, тоже как бы оно должно, это, в тонусе держать, но тоже как бы не накачивать до такой степени, чтобы там прям кубики были, либо еще что-то, просто держать себя в тонусе» (жен., 17 лет, инт. № 7).

«Сексуальное тело должно быть, ну, подтянутое как бы без излишних, там, не знаю, то есть... без лишних татуировок. То есть, ну, может одна-две татуировки на теле быть, но не так, чтобы все тело прям было покрыто узорами, как под хохлому то есть...» (жен., 20 лет, инт. № 9).

Выводы

Сложно рассматривать полученные данные в качестве полноценных жизненных историй, особенно в отношении темы сексуальности и сексуального опыта юношей и девушек. Отчасти это связано с особенностями исследовательского инструмента (блок был вписан в более широкий набор тем, затрагивающих вопросы телесности в широком диапазоне). Сказалось и то, что интервью проводились молодыми исследователями, для которых эта тема могла оставаться пространством самоопределения; вопросы, задаваемые информантам о сексуальной стороне их жизни, зеркально воспроизводились в очевидной неуверенности интервьюеров, и в

желании быстрее «закрыть тему», что сказывалось на характере разговора.

Тем не менее, был получен богатый материал для размышлений об основных тенденциях в изменении позиций юношей и девушек в отношении этой стороны жизни, их сексуальных практиках и интерпретациях существующих и будущих стратегий.

Анализ текстов интервью показал, что сексуальным опытом обладает большинство юношей и девушек, участвовавших в исследовании, причем гендерных различий здесь не обнаружено. «Первый раз», сексуальный дебют, несмотря на множественные вариации контекста (что именно это значит), воспринимается, прежде всего, как важный и значимый жизненный опыт, выбор времени (возраста), места и объяснение мотивов и причин которого (в том числе и отказа/откладывания) позиционируется как личное дело, лишь в небольшой степени зависимое от давления близкой группы сверстников, и еще меньше – родителей, учителей и медиков (врачей). Влияние медиа образцов, транслируемых СМИ и рекламой, столь же незначительно, может быть, здесь не хватило более развернутых ответов. И при этом именно СМИ и Интернет остаются самым важным проводником и транслятором гендерных стереотипов, когда в качестве «нормы» красивого женского тела юноши называли большую грудь и упругую попу, а красивого (нормального) мужского – высокий рост, отсутствие жира («жирка», «пивного животика») и мускулы. Однако и здесь заметно переопределение нормативов. Так, большинство девушек настаивают на том, что перекаченное мужское тело не сексуально, а, наоборот, отталкивает и вызывает негативные ассоциации с агрессией и жестокостью. Некоторые юноши говорили о том, что самым важным в девушке является ее интеллект. И те, и другие могли объяснять расставание с сексуальными партнерами (первым или последующими) потерей интереса и недостатком культурного опыта партнеров для поддержания общения.

Изменения социального и эмоционального контекста дебюта сложно поместить в одну тенденцию. С одной стороны, часты высказывания о случайном стечении обстоятельств, о внешних факторах (дача, вечеринка, опьянение), что можно интерпретировать не только как показатель несерьезного и излишне циничного отношения к инициации (преодоление сакральности и табуированности, особенно для девушек), но и как сомнение в

важности девственности в контексте сексуальной стороны жизни подростка в целом. С другой стороны, нередко встречалось, что информанты либо вообще отказывались обсуждать эту тему, либо описывали свой опыт как глубоко эмоциональное переживание. Это говорит об изменении социального контекста сексуального дебюта. Сексуальное поведение современных юношей и девушек все меньше связано с репродуктивным поведением, сексуальность в целом и сексуальные практики, включая сексуальный дебют, становятся самодостаточным и автономным пространством личных переживаний и опытов.

«Первый раз» - это не подготовка к браку, как раньше, а скорее выполнение «нормативного обязательства», получение пропуска и возможность полноценного включения в групповые коммуникации вокруг секса (которые занимают в этом возрасте львиную долю общения). Первый партнер как у юношей, так и у девушек не обязательно случайный, хотя такое тоже возможно. Важно, что практически у всех наших информантов связь с ними прерывается и не закрепляется по разным причинам (переезд в другой город, размолвка, потеря интереса), что вовсе не значит, как об этом писал И.С. Кон, что она лишена любви или чувств.

Вопрос чувств, которые испытывали юноши и девушки, остался для нас, за редким исключением, закрытым. Влюбленность, может быть в силу особенностей исследовательского гайда, обсуждалась мало, однако исследование подтвердило выводы других ученых, что у девушек инициация чаще сочетается и ассоциируется с влюбленностью, тогда как юношеские описания отличаются инструментальностью. По мнению ряда ученых, эмоциональная окрашенность первых сексуальных контактов юношей и девушек зависит от их возраста. Чем младше юноша в момент своего сексуального дебюта, тем безлюбнее и прозаичнее это событие. По данным немецких ученых [Bardeleben et al., 1995], у большинства мальчиков и юношей моложе 17 лет первые сексуальные связи остаются краткосрочными, часто однократными, долгосрочными партнерскими отношениями они сменяются лишь к 19 годам. У девушек же уже с 14 лет преобладают более стабильные партнерские отношения. Если говорить о числе сексуальных партнеров, то здесь картина неоднозначная, в нашей выборке были юноши-девственники и девушки с достаточно большим опытом и «амурным списком». Поэтому говорить о сохранении

гендерных различий и практической поддержке стереотипов о мужском характере сексуальной инициативы и женской подчиненности можно весьма условно. Степень этого «равенства» неодинакова в разных странах, социальных средах и возрастных группах. Данные международных исследований демонстрируют различия в возрасте сексуального дебюта: наибольшее количество сексуально «продвинутых» оказалось в Болгарии (первый коитус пережили 57% опрошенных в возрасте до 16,5 лет), а наименьшее - в Хорватии (26%). Доля сексуально-искушенных школьников в этих странах выше, чем в большинстве стран Западной Европы, но ниже, чем в Англии и в Австралии. Средний возраст сексуального дебюта колеблется у юношей от 15.1 лет (Хорватия) до 15.7 лет (в Чехии и Сербии), а у девушек - от 15.5 (Польша) до 16.3 лет (Сербия). Более религиозные школьники начинают сексуальную жизнь позже других, но разница не особенно велика. При этом католическая религия сдерживает молодых людей сильнее, чем православная⁷.

Исследование показало, что ритуал потери девственности в свадебную ночь для девушек или использование помощи профессионалки для юношей ушли в прошлое. Тем не менее, практически не встретились описания перехода к взрослой сексуальности как простой формальности, «первый раз» не сводится к «первому траханию». Молодежная сексуальность становится частным делом, имеет различающийся смысл для юношей и девушек не только и не столько в связи с гендерными различиями, сколько с тем, каким эмоциональным содержанием насыщаются их практики. Трансформация отношения к девственности не сделала банальным сексуальное общение, либерализация сексуальности вовсе не обязательно ведет к распушенности и вседозволенности.

К сожалению, мне не удалось в полной мере реализовать общий замысел, поскольку на данном этапе не хватило материала для обнаружения связи телесного и сексуально-гендерного самоопределения с социальным классом. Одна из версий заключается в том, что эта сторона жизни подростков и молодежи, становясь, с одной стороны, более открытой и прозрачной, с другой - частным пространством индивидуального выбора, оказывается неким пространством свободы (в отличие, конечно, от рынка труда и

⁷ © MIGnews.com <http://www.superforum.ru/superforum/viewtopic>.

будущей рабочей карьеры), для которой классовое наследство и наличный классовый капитал оказываются не столь значимыми. Насколько эта гипотеза валидна, покажет время и продолжение исследования этой темы.

Литература:

1. Безопасное и ответственное поведение. Пособие для классных руководителей, воспитателей, психологов и социальных педагогов / Под общей ред. А.Н. Сизанова. – Минск: «ТЕСЕЙ», 1998.
2. Борисов С.Б. Эротические тексты как источник сексуального самообразования // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 81-84.
3. Борисов С.Б. Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // Школьный быт и фольклор. Часть 2. Девичья культура / Сост. А.Ф. Белоусов. – Таллин, 1992. С. 67-119
4. Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83-87.
5. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. – М.: Феникс, 2001.
6. Кон И.С. Дружба. 4-е издание, доп. – СПб.: Питер, 2005.
7. Кон И.С. 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.
8. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. – М.: Время, 2009.
9. Омельченко Е. «Жертвы» и\или «насильники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов / В сб. Другое поле. Социологические практики. – Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000.
10. Омельченко Е.Л. Молодежь. Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004а.
11. Омельченко Е. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2004б. № 2-3. С. 74-87.
12. Омельченко Е. «Подростки, юноши, молодые люди...». К вопросу о гендерной нечувствительности конструкторов молодежи. Анализ западных традиций / В сб. Глобализация и гендерные отношения. Вызовы для постсоветских стран. – Самара: Изд-во Самарский университет, 2006.

13. Сковрцова Е.С., Зубкова Н.З. Сексуальное поведение учащихся профучилищ как фактор их репродуктивного здоровья // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 142 -144.
14. Тихомиров Д.А. Добрачные сексуальные отношения российской молодежи: проблема нормы и отклонения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. 2010. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2010/abstracts/Tikhomirov_DA.pdf.
15. Юревич А.В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник Российской академии наук. 2011. Т.81. № 1. С. 3-10.
16. Allen L. Girls Want Sex, Boys Want Love: Resisting Dominant Discourses of (Hetero)Sexuality // Sexualities. 2003. 6(2). P. 215–36.
17. Allen L. “Getting Off and Going Out”: Young People’s Conceptions of (Hetero)sexual // Relationships, Culture, Health and Sexuality. 2004. 6(6). P. 463–281.
18. Allen L. Sexual Subjects: Young People, Sexuality and Education. Basingstoke: Palgrave, 2005.
19. Allen L. ‘They Think You Shouldn’t be Having Sex Anyway’: Young People’s Suggestions for Improving Sexuality Education Content // Sexualities. 2008. 11. P. 573.
20. Ashcraft C. (University of Colorado–Boulder): So Much More Than “Sex Ed”: Teen Sexuality as Vehicle for Improving Academic Success and Democratic Education for Diverse Youth // American Educational Research Journal. September 2008. Vol. 45. No. 3. P. 631–667.
21. Browning C.R., Leventhal T., Brooks-Gunn J. Sexual Initiation in Early Adolescence: The Nexus of Parental and Community Control // American Sociological Review. 2005. 70. P. 758.
22. Coffield R., Borrill C. and Marshall S. Growing Up at the Margins: Young Adults in the North East. Milton Keynes: Open University Press, 1986.
23. Connell R.W. Live Fast and Die Young: The Construction of Masculinity among Young Working-class Men on the Margin of the Labour Market // Journal of Sociology. 1991. 27. P. 141.
24. Connell R. Teaching the Boys: New Research on Masculinity, and Gender Strategies for Schools // Teachers College Record. 1996. 98. P. 206–235.

25. Durham M.G. Girls, Media, and the Negotiation of Sexuality: A Study of Race, Class, and Gender in Adolescent Peer Groups // *Journalism and Mass Communication Quarterly* 1999. 76(2). P. 193–216.
26. Epstein D., Johnson R. *Schooling Sexualities*. Philadelphia: Open University Press, 1998.
27. Francis B. *Boys, Girls, and Achievement: Addressing the Classroom Issues*. London: Routledge, 2000.
28. Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S., Thomson R. *The Male in the Head – Young People, Heterosexuality and Power*. London: Tufnell Press, 1998.
29. Irvine J.M. *Talk about Sex: The Battles over Sex Education in the United States*. Berkeley: University of California Press, 2004.
30. Irwin S. *Reshaping Social Life*. London: Routledge, 2005.
31. Kubicek K., Beyer W., Weiss G., Iverson E., Kipke M. In the Dark: Young Men's Stories of Sexual Initiation in the Absence of Relevant Sexual Health Information // *Health Educ Behav*. 2010. 37. P. 243.
32. Maccoby E.E. *The Two Sexes: Growing up Apart, Coming Together*. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1998.
33. MacDonald R., Shildrick T., Webster C., Simpson D. Growing up in Poor Neighbourhoods: The Significance of Class and Place in the Extended Transitions of "Socially Excluded" Young Adults // *Sociology*. 2005. 39(5). P. 873–91.
34. Maxwell C., Aggleton P. Bodies and Agentic Practice in Young Women's Sexual and Intimate Relationships // *Sociology*. 2003. 46(2). P. 306–321.
35. McDowell L. *Young Men Leaving School: White Working-class Masculinity*. Leicester: National Youth Agency in association with Joseph Rowntree Foundation, 2001.
36. McDowell L. Learning to Serve? Employment Aspirations and Attitudes of Young Working-Class Men in an Era of Labour Market Restructuring // *Gender, Place and Culture*. 2000. 7(4). P. 389–416.
37. Nayak A. Displaced Masculinities: Chavs, Youth and Class in the Post-industrial City // *Sociology*. 2006. 40. P. 813.
38. Pedersen W. Working-class Boys at the Margins: Ethnic Prejudice, Cultural Capital, and Gender // *Acta Sociologica*. 1996. 39. P. 257.

39. Pfaff N. Gender Segregation in Pre-Adolescent Peer Groups as a Matter of Class: Results from Two German Studies // *Childhood*. 2010. Vol. 17. issue 1. P. 43-60.
40. Shilling C. Physical Capital and Situated Action: a New Direction for Corporeal Sociology // *British Journal of Sociology of Education*. 2004. 25(4). pp. 473-87.
41. Thorne B., Luria Z. Sexuality and Gender in Children's Daily World // *Social Problems*. 1986. 33(1). P. 176-89.
42. Turner B.S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. London: Sage, 2008.
43. Willis P. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. London: Saxon House, 1977.
44. Youdell D. Sex-Gender-Sexuality: How Sex, Gender and Sexuality Constellations are Consti-tuted in Secondary Schools // *Gender and Education*. 2005. 17(3). P. 249-70.

Наталья Федорова

**«Я люблю мыться... много и часто»:
тело и гигиенические практики молодежи**

Человеческое тело – особый культурный феномен. С одной стороны, все люди обладают телами: мы все воплощены, и без тела не можем существовать. Тело включено в повседневный порядок жизни, рутинизировано, мы зачастую не задумываемся о нем до каких-то специальных моментов – боли или похода к парикмахеру. С другой стороны, тело – объект властного регулирования, государственного контроля и рыночного манипулирования.

При этом тело не едино и не универсально. Представления о теле меняются не только в зависимости от структурных изменений в различные исторические периоды и соответствующих им культурных образцов, но и в разных социальных средах в пределах одного общества. Специфичными являются и – в терминологии М. Мосса – «техники тела», которые оформляют и конституируют его [Мосс, 1996].

Одними из таких техник являются гигиенические практики. В повседневной жизни современного человека гигиена – это сфера обыденных привычных телесных манипуляций, которая формируется множеством дискурсов: медицинским, образовательным, консьюмеристским и т.д. Более того, вопросы гигиены остаются пространством особой актуализации и проблематизации. Мы постоянно сталкиваемся с символическими проявлениями идеологии гигиены: от привычных правил «Мойте руки перед едой» до навязчивой популяризации интимной гигиены. Рекламные ролики призывают нас покупать средства для дезинфекции; моющие средства обещают избавить от микробов, окружающих нас; в поликлиниках и детских учреждениях висят плакаты, регламентирующие чистоту тела и помещения. Всем известная книга К. Чуковского «Мойдодыр» учит с детства ухаживать за собой, прививая азы чистоплотности.

Гигиенические практики в современной городской культуре – повседневные манипуляции с телом, направленные на создание и поддержание его чистоты. Типы городской жилищной застройки с центральным водоснабжением, рынок гигиенических товаров и

услуг, институциональная социализация¹ – делают гигиенические техники общедоступными, обязательными, рутинизированными и интериоризированными. Именно посредством «закрепления стандартизированных операций с телом» [Гольман, 2011] телесность конституируется и формируется. Набор этих процедур и их интерпретация являются относительно рефлексивным проектом, который позволяет определять и переопределять значение и статус тела в персональной идентичности и в культуре в целом, поскольку доминирующие дискурсивные коды в отношении телесности множественны и противоречивы: это и дисциплинация тела, и телесный фетишизм, и представления о теле как проекте. Современная российская культура предоставляет всевозможностей для интерпретации и интериоризации тех или иных телесных представлений и практик. Поэтому крайне важно понимать, какие именно концепции тела и в рамках каких гигиенических практик формируются, какие из них являются доминирующими, а какие маргинальными. Это позволит в более широком контексте различать и реконструировать типы субъективностей, производимых властью.

Особый интерес представляет конституирование телесности среди молодежи, поскольку она представляет специфическую группу, про которую Е. Омельченко говорит так: «...И если для «родителей» богатый жизненный опыт был дорогим социальным капиталом, то в условиях трансформации одним из значимых ресурсов «техник выживания» становится способность и готовность к отказу или быстрому переосмыслению ценностей любой степени «вечности». Вероятно, благодаря наличию этих качеств современная молодежь легче адаптируется к постоянно меняющимся условиям жизни, быстрее осваивает рыночные практики и индивидуальные техники выживания, адекватнее реагирует на новые потребительские предложения, проще включается в информационные сети, овладевает ее технологиями...» [Омельченко, 2003: 148]. Т.е. молодежь не только подвергается манипуляциям и принуждениям в рамках социализации, но и имеет возможности для оспаривания и переопределения доминирующих дискурсов, формирования и производства нового знания и практик.

Рассматривая, какие гигиенические практики реализуются в повседневной жизни, какими значениями маркируются, мы можем

¹ Так, еще в роддоме мать получает от профессионалов инструкции и наглядные демонстрации по мытью ребенка, не говоря уже о дальнейшем коллективном «мытье рук» в детских садах и школах, даже если в семье по тем или иным причинам «чистотой» не занимаются

понять, какие представления о телесности они конституируют. Анализируя подобные практики в молодежной среде, мы можем не только выделить представления о теле, но и проследить, следуют ли они доминирующим культурным кодам, воспроизводя нормативные модели телесности, или выражают маргинальные, альтернативные, экспериментальные концепции. Фокусом данной статьи, в соответствии с этими положениями, станут представления о телесности, которые конституируются посредством гигиенических практик в молодежной среде².

В рамках статьи сначала будут рассмотрены основные подходы к концептуализации гигиенических практик, описано становление гигиенических режимов в России в XX веке. Далее, на основании эмпирического материала, будут реконструированы представления о теле, транслируемые молодежью в нарративах о повседневных гигиенических практиках.

Телесные практики, чистота и гигиена

Техники и практики тела, связанные с гигиеной, и представления о чистоте – исторически изменчивые и культурно обусловленные феномены. Исследования показывают, что изучая такие повседневные «обыденные» вещи, можно понять и символическую карту культуры, и способы субъективации, и характеристики культуры и общества в целом. Можно выделить три аналитических перспективы, концептуализирующих телесные гигиенические практики.

Первая связана с именем Мери Дуглас, которая, анализируя представления об осквернении и табу, показывает, как тело маркируется и вовлекается в структурирование мира, в котором бинарная оппозиция «чистое-грязное» взаимно определяется через оппозицию «священное-мирское». Тело становится метафорой социального порядка. «Чистота», конституируемая как символическая система, утверждается через регламентацию телесных практик, направленных на ее поддержание: «... таких правил множество. Они образуют все более и более специализированную систему, предписывая способы ритуального поведения, касающегося менструации, рождения детей и смерти. Все телесные выделения, даже кровь и гной из раны, являются

² Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

источниками нечистоты. В туалете надлежит пользоваться водой, а не бумагой, и делать это следует только левой рукой, в то время как есть можно только правой. Наступить на помет животного значит стать нечистым. Прикосновение к выделанной коже ведет к нечистоте. Если человек носит сандалии из кожи, до них не следует дотрагиваться руками, и их следует снять, и вымыть ноги перед тем, как войти в храм или в дом...» [Дуглас, 2000: 63]. Теоретическое направление, проблематизирующее и осмысляющее тело как метафору социального порядка в контексте представлений о «чистоте» и «нечистоте», остается актуальным для антропологов религии [Панченко, 2011; Коннер, 2012, Богданов, 2009]. В современном обществе, где восприятие мира через религиозные представления отчасти утратило свою силу, представления о «чистом» и «не чистом» теле становятся символическими границами, разделяющими своих и чужих, свое культурное пространство и чужое [Богданов, 2009; Бредникова, Ткач, 2008; Левинсон, 2004].

Вторая перспектива исследований гигиенических техник связана с идеей дисциплинации телесности в рамках становления нововременного социального порядка. Н. Элиас показал, что формирование «цивилизованного общества» сопровождалось изменением телесных навыков, в том числе регламентацией, воспитанием и (само)контролем за проявлением телесных аффектов и «естественных» потребностей: «...внешнее принуждение в самых различных аспектах превращалось в самопринуждение, как во все более дифференцированных формах вытеснялись за кулисы общественной жизни и соединялись с чувством стыда различные человеческие отправления, как все более всесторонним, равномерным и стабильным делалось регулирование влечений и аффектов. Все это, конечно, не выводится из какой-то рациональной идеи, которая столетия тому назад была постигнута отдельными людьми, а потом переходила из поколения в поколение как цель деятельности и устремлений, пока, наконец, полностью не осуществилась в «века прогресса». Тем не менее эта трансформация не была и бесструктурным и хаотичным изменением...» [Элиас, 2003: 4]. Привычные для современной культуры гигиенические представления складывались постепенно, через формирование общих правил «цивилизованного» поведения соответствующих новым социальным стандартам.

М. Фуко в своих работах показал, что начиная с 17 века производство легитимных субъектов осуществляется через властное переопределение и дисциплинацию тел: «...формируется политика принуждений – работы над телом, рассчитанного манипулирования его элементами, жестами, поступками. Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново...» [Фуко, 1999: 201]. М. Фуко говорит о становлении дисциплинарной власти, вышедшей за рамки закрытых институтов и ставшей основанием функционирования общества в целом.

Идеи дисциплинации тела, включая контроль над его «чистотой», подхватили феминистские авторы. Сара Ли Бартки в работе «Фуко, феминность и модернизация патриархальной власти» указывает на то, что легитимное женское тело создается посредством ряда жестких регламентирующих практик и техник, в том числе практики дисциплины телесной поверхности («skin-care discipline») – особые гигиенические, косметические, медицинские манипуляции, ориентированные на поддержание современных стандартов кожи/поверхности тела (чистая, ровная, ухоженная, без морщин и изъянов) и конституирующие ее [Bartky, 1998].

Современное общество, как показывают исследователи, через дисциплинацию тела создает необходимых субъектов. Гигиенические техники являются принудительными, обязательными и специфическими, поскольку ориентированы на поддержание статуса легитимного члена общества и на соответствие культурным стандартам.

Третья перспектива возможного изучения гигиенических телесных практик связана с анализом современно общества потребления. Ж. Бодрийяр показывает, что тело в консьюмеристской культуре становится объектом потребления, более того оно становится фетишем и целью. Требования красоты, стройности и молодости переопределяют тело в объект заботливости. Б. Тернер говорит о принудительном включении тела в «матрицу ухода за собой» [Тернер, 1994]. В связи с гигиеной, это превращается в навязчивые действия: «... гигиена во всех ее формах с ее фантазмами стерильности, асептики, профилактики или, наоборот, скученности, заражения, загрязнения направлена на то, чтобы заклясть «органическое» тело и в особенности функции секреции, она наталкивает на негативное определение тела через исключение, взятого как какой-

то гладкий объект без недостатков, асексуальный, отделенный от всякой внешней агрессии и вследствие этого защищенный от себя самого ...» [Бодриар, 2006: 269]. Эту идею подхватывают и другие исследователи [Михель, 2000; Featherstone, 1982], говоря, что современное консьюмеристское тело переопределяется согласно новым идеалам и лишается своих «естественных» характеристик, становясь телом без недостатков, практически сверхсовершенным, которое может быть открыто и без стыда продемонстрировано. Гигиенические практики в обществе потребления становятся, с одной стороны, техниками, направленными на создание «стерильных» поверхностей, с другой – переопределяются в «уход за собой», как принудительное инвестирование в тело, не лишенное чувственного удовольствия.

Таким образом, несмотря на разные фокусы этих исследовательских перспектив, они ориентированы на анализ гигиенических практик как ключевых для конституирования телесности в культуре. При этом режимы этих практик будут властно устанавливаться, и детерминироваться социальным порядком в целом. Анализируя актуальные молодежные гигиенические практики, мы можем понять, какие типы телесности присущи современной культуре.

Становление российских гигиенических режимов

Гигиенические практики, как и иные культурные феномены, невозможно исследовать без понимания их исторического генезиса. Современные техники тела не возникли случайно или спонтанно в последние десятилетия. Они представляют собой результат предшествующего становления представлений о чистоте и теле, дисциплинации тела, государственной политике, рыночных механизмах. Поэтому важно обратиться к концепциям телесности, циркулировавшим в советском обществе.

Революционные изменения, в прямом и переносном смысле, происшедшие в России после 1917 года, повлекли за собой политические и структурные изменения. Они, в свою очередь, принесли с собой разрушение «традиционных» культурных паттернов, включая гигиенические, усиливающиеся отсутствием элементарных жизненных условий, массовой миграцией сельского населения в города, бедностью и пр. Голод, болезни, неустроенность быта актуализировали вопрос «привития» населению «элементарных»

гигиенических навыков в современных условиях: «...в данном случае набор практик, соответствовавших городскому образу жизни, был тождественен способам нормализации и повседневного дисциплинирования, диктуемых как промышленной организацией труда, так и типом общественного порядка, который отличает городскую среду... Что бы дисциплинировать новое городское население, его необходимо было цивилизовать: превратить бывших крестьян в членов современного общества....» [Волков, 1996: 207]. Эта «воспитательная» политика была усилена идеями создания нового антропологического типа советского человека, который благодаря дисциплинции тела, контролю над его функционированием, чистотой и здоровьем мог бы стать эффективным и полезным членом нового советского общества.

Перед правительством СССР стояла задача трансформировать важнейшие сферы жизни человека: социальную, экономическую и политическую, навсегда стерев образ дореволюционного, буржуазного индивида. С начала 1920-х годов формируется социально-политический дискурс, ориентированный на тело человека. В целом гигиенический дискурс был официальным языком молодой советской власти, осуществляющей контроль над индивидом, его телом и дисциплинируя его бытовые практики. Прежний уклад жизни, как и облик дореволюционного человека в целом, переопределялся как нерациональный, негигиенический. Через дискурс о гигиене власть стирает границы между приватным и публичным, соединяя общественное и личное. Именно в это время складывается идеологическое представление о «правильном теле» как о «чистом»: вымытом, без болезней и трудоспособном.

В 1930-1940 гг. наблюдается поворот к «самоконтролю» над телесными практиками, при котором телесные навыки связываются с морально-этическими категориями. Как показывает С. Чуйкина, моральный облик человека определялся теми практиками, которые он соблюдает, а также теми, которые были легитимированы государством [Чуйкина, 2002]. Человек, не следующий элементарным правилам соблюдения гигиены и не практиковавший предписанные процедуры, сразу причислялся к маргинальной группе. Государство имело право на морально-административный контроль за соблюдением обязательных правил, а также за исполнением соответствующих бытовых практик, организуя практически всю повседневную жизнь населения.

К. Гусарова, наряду с В. Волковым, говорит о возникновении концепта «культурности» – совокупности не только эстетических и этических, но и гигиенических навыков [Гусарова, 2002]. В. Волков в работе «Концепция культурности, 1935-38: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени» рассматривает значение культурности в формировании советской идеологии: что значит быть культурным для советского человека. Уровень культурности определялся не столько уровнем образования и компетентности в той или иной области, а соблюдением тех или иных практик, соответствующих канонам, установленным советской властью. Политика культурности строилась на идеологическом и прагматическом уровнях: «...практика освоения навыков культурности объективно служила повседневным «мягким» инструментом дисциплинирования новых граждан, оформляя и нормализуя, согласно образцам культурности, их обыденную жизнь...» [Волков, 1996: 207]. В матрицу культурности, – пишет В. Волков, – вошла и регламентация чистоты тела, т.е. гигиенические практики переопределялись в категориях морали и соответствия символической системе.

В 1950-1980 гг. дискурс в контексте «самоконтроля» изменяется в сторону эстетизации и индивидуального вкуса: «...вкус подразумевает индивидуализацию выбора вещей, развитие рефлексии, например, по отношению к собственной внешности. Вкус формирует общее символическое поле, является механизмом конструирования группы, границы которой в данном случае расширены до границ нации, поскольку вещи должны соответствовать социалистической культуре, а одежда, внешний вид должны вписываться в представления о советском человеке, гражданине советского государства...» [Гурова, 2005: 110]. В соответствии со «вкусом» регламентируются и техники заботы о теле. Как показывает К. Гусарова, исследуя развитие косметических практик в советское время, забота теперь связана не только и не столько с прямыми гигиеническими техниками, сколько с телесной поверхностью: макияжем, волосами, прической, использованием духов и т.п. [Гусарова, 2007].

С 1970-х годов начинает формироваться советская версия «общества потребления», во многом связанная с ограниченным, но все же доступом к другим культурным пространствам (например, поездки в Чехословакию и ГДР, западные журналы мод, товары иностранного производства и т.п.). В советскую повседневность стали «проникать» «западные» каноны и образы телесности. Поэтому

категория «вкуса» стала ключевой для советского идеологического дебата, выступая ограничительной и регламентирующей по отношению к новым тенденциям. Как пишет О. Гурова в статье «Идеология потребления в советском обществе», чувство меры, целесообразность и простота – три основных постулата этого времени. Понятие вкуса включало в себя умение управлять и своим телом, и материальной средой.

Перестройка, распад СССР, становление современного российского общества привели к множеству изменений в социокультурном понимании телесности. Многие актуальные российские процессы аналогичны западным тенденциям. Исследователи в первую очередь обращают внимание на консьюмеризацию и фетишизацию телесности, в рамках которой гигиенические практики переопределяются в «уход за телом»: «Постепенно некоторые товары переходят из разряда гигиенических товаров в разряд товаров «оздоровительных» – в индустрию wellness. Подобная тенденция демонстрирует еще один сдвиг в бытовой культуре постсоветской России: гигиенические практики становятся практиками здоровья и красоты...» [Желизнык, 2007: 139]. Тело превращается в объект заботы, требующий специфических практик по уходу за собой. Сохранение молодости и красоты становится профилирующим телесным канонem в современном обществе.

Однако работ, посвященных современной российской телесности, крайне мало. Особенный дефицит исследовательского интереса наблюдается в исследовании повседневных телесных практик. Поэтому данная статья, направленная на исследование молодежных гигиенических практик, позволит еще на шаг приблизиться к пониманию конструирования тела в современной российской культуре.

Тело в гигиенических практиках молодежи: от «быть чистым» к «уходу за собой»

Процесс социализации, взросления сопряжен с осознанием своего тела (тело скорее чувственно воспринимается, а не осознается...). Это время и освоения доминирующих культурных кодов, норм и практик, и легитимных экспериментов, когда «поиски» собственного «я» во многом связаны с конституированием, означиванием, определением и переопределением собственной

телесности. «Молодость – время социального самоопределения, имеющего, в частности, телесное измерение: в этот период тело человека «проявляется» в социальном мире. До тех пор оно скрыто, «невидимо» – потому что несамостоятельно и лишено ряда основных способностей взрослого тела, прежде всего репродуктивной. Телесные функции (формирующиеся силовая, репродуктивная и пр.) блокируются социумом посредством системы табу. Молодость – время проявления тела в социальном пространстве: обретения им социальной значимости, а, следовательно, видимости и свойств, витальных функций (от силовых до репродуктивных), – которые затем предъявляются социуму...» [Щепанская, 1999: 302].

Освоение тела и его значимость можно проследить в широком спектре молодежных практик: от экспериментов с алкоголем до экстремальных видов спорта, от стилевых и субкультурных манифестаций до сексуального самоопределения и т.д. Особую роль в «телесно-социальном» формировании субъективности играют гигиенические практики. Являясь максимально воплощенными, телесными, они конституируют представления о теле, более того, будучи культурно детерминированными, – о легитимном теле. Реконструируя смыслы и интерпретации данных рутинных манипуляций, мы можем понять доминирующие представления о теле, интериоризируемые молодежью.

Проведение интервью в рамках эмпирического исследования, затруднялось тем, что, с одной стороны, гигиенические практики вписаны в повседневность и личный опыт, редко рефлексировались и сложно вербализуются, поэтому приходилось задавать дополнительные вопросы, поясняющие их смысл. С другой стороны, у молодежи существовали свои знания и навыки о том, что, зачем и почему следует делать.

Анализ интервью позволил выделить четыре основных типа категорий, посредством которых актуализируются и описываются телесные гигиенические техники: а) «свое-чужое», б) временная регламентация практик; в) запах; г) телесная поверхность. Вокруг этих категорий выстраиваются интерпретативные нарративы, позволяющие реконструировать представления о теле. Таким образом, можно обозначить четыре смысловые оси, по которым конструируется телесность в гигиенических практиках молодежи: 1. Регламентация телесных практик; 2. Индивидуализация и приватизация тела/телесных практик; 3. Ольфакторное

переопределение тела; 4. Дисциплина телесной поверхности. Далее будут последовательно рассмотрены каждая из этих тем.

Регламентация гигиенических практик

Гигиенические практики, вписанные в повседневную жизнь юношей и девушек, связаны с социальной компетентностью. Это обыденное знание заключается не только и не столько в проблематизации и классификации самой «чистоты» или ее степени, а в артикуляции и трансляции предписаний относительно тех манипуляций, которые должны быть совершены:

Интервьюер: Ок. А как думаете, что самое важное в личной гигиене?

Респондент: Не знаю. Чистить зубы, вообще тупо мыться хотя бы, хотя бы раз в 2 дня... (муж., 15 лет, инт. № 20).

Гигиенические практики презентуются как регламентированные, связанные с четким знанием того, что должно быть вымыто, когда и как часто. Более того, регламентация включает и правила пользования вещами, преимущественно бельем:

Интервьюер: Что для тебя самое важное в личной гигиене?

Респондент: Ну вот каждый день подмываться. Это у меня с самого детства. И менять нижнее белье каждый день. Вот. Чтобы хорошее, вот, было мыло... красная линия. (смех) Ну и все. Самое важное – это, конечно, каждый день и чтобы чистое белье было... (жен., 19 лет, инт. № 10).

Гигиенический опыт не только оформляется в нарративах риторикой социальной компетенции, но ее правильность «подтверждается» экспертным знанием:

«Ну, душа у меня нет, я 20 минут моюсь в бане, это более эффективно. Кстати, как говорят ученые, самые лучшие условия для микрофлоры организма и кожи – лучше всего мыться раз в неделю, то есть душ принимать три раза в неделю, и мыться раз в неделю. Так говорят ученые...» (муж., 18 лет, инт. № 51).

При этом важно подчеркнуть, что регламентирующее гигиенические практики знание не только транслируется, но и интериоризируется и хабиитуализируется. Повседневная компетентность в производстве чистоты неразрывно связана с соблюдением самих этих правил. Регулярное «мытье» становится частью эмоционального благополучия:

«Я люблю мыться... много и часто. Но не то чтобы совсем часто... часто тоже нельзя совсем. Вот, но я так люблю...» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«Интервьюер: А если вот не мыться раз в 2 дня, то что будет?»

Респондент: Да я не знаю. Ну, просто меня это напрягает...» (жен., 15 лет, инт. № 20).

Таким образом, можно сказать, что общее представление о гигиене в повседневной жизни у молодежи является частью социальной компетенции индивида. Повседневное знание о соблюдении частоты заключается в регламентирующих предписаниях о манипуляциях с телом: когда, что, сколько. Данное знание не только актуализировано, но и интериоризировано – несоблюдение правил становится причиной эмоционально-чувственного беспокойства.

Подобная четкая регламентация позволяет говорить о том, что современное молодежное тело конституируется через дисциплинацию. В рамках повседневных рутинных практик и компетенций тело связано с рефлексивным контролем: компетентностью, знанием и выполнением этих культурных предписаний.

Индивидуализация и приватизация тела/телесных практик

В своей книге «Падение публичного человека» Р. Сеннет говорит о тирании интимности, т.е. о том, что современная культура нивелировала различие публичного и приватного, сделав последнее основным пространством [Сеннет, 2002]. Все, что касается «личной» жизни человека, легитимно и принудительно выносится на всеобщее «обозрение». Исследователи говорят, что и в отношении телесности произошли схожие изменения: тело более не скрывается и не утаивается, а выставляется и обнажается. Так, исследовательница СМИ Т. Михайлова указывает на обильное присутствие женского тела в российской прессе, определяя это как «патриархатно-порнографическую парадигму» [Михайлова, 2000]. Вероятно, можно говорить о том, что не только женское тело подвергается такой открытости и «доступности», но и мужское, т.е. тело в целом.

Однако легитимное культурное «обезличивание», доступное в визуальном и нарративном полях, исключается молодежью в

пространстве практик. Гигиенические манипуляции с телом в пространстве практик определяются через интимное и приватное. Это артикулируется через нарративы о «своем» и «чужом» в правилах пользования предметами, поддерживающими чистоту.

«Ни как с одеждой, ни в личной гигиене... я очень эгоистична на самом деле. Я не люблю, когда берут мои вещи. Там... пусть даже это резинка для волос, я к этому отношусь трепетно, поэтому...» (жен., 17 лет, инт. № 40).

Интервьюер: Какие средства ты используешь для соблюдения личной гигиены?

Респондент: Мыло, гели для душа.

Интервьюер: Ты даешь в частное пользование средства гигиены?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Что ты думаешь, вот самое важное вот в личной гигиене?

Респондент: Наверно все-таки индивидуальная стихия, но ты со слов все поняла, никому раздавать не надо» (жен., 18 лет, инт. № 33).

Предметы гигиены маркируются как «личные» вещи. Они конституируют эксклюзивную материальную среду, которая должна находиться исключительно в индивидуальном пользовании:

«У меня своя личная расчёска, полотенце. Я никому никогда не даю, я считаю, что это строго должно быть у определённого человека каждое своё, а не общее какое-нибудь. Та же расчёска, к примеру. Для меня это немножко дико, когда одна расчёска на всю семью...» (муж., 18 лет, инт. № 19).

«Интервьюер: Дала бы кому-нибудь свою зубную щетку?»

Респондент: Ни за что в жизни!

Интервьюер: А сестре?

Респондент: Ну, если только, там, на Апокалипсис [смеется]. Ей еще более-менее можно, и то... все равно, ну, как-то я к вопросам своей личной гигиены очень так строго отношусь. Ну не знаю. Мне это так... даже немножко неприятно. Когда другой человек берет какие-то мои личные вещи такие...» (жен., 16 лет, инт. № 2).

Вещи, вовлеченные в гигиенические практики, соприкасаются с телом и разворачиваются как его продолжение, на котором тело

оставляет свои следы. И если средства «одноразового» использования (такие как шампуни, гели для душа) еще могут быть «поделены», то предметы, которые постоянно контактируют с телом, – нет. Предметы гигиены не должны нести физических отпечатков чужого присутствия:

«А-а. Ну я вообще свои, я вообще свои вещи никому не дам. Ну, нет, для меня вот расческа – да, я могу дать свою расческу. Ну как бы все остальное? Ну если в гости пришла, тебе там, не знаю, голову мыть надо – то, конечно, бери, ладно. Но так, в принципе, свои вещи я не даю...» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«Был я в гостях, был взъерошен, бесились там. Спрашиваю: «Расчёска есть?». – «На, возьми эту». Во-первых, на ней ещё волосы чьи-то. – «А что у вас одна? Пять человек в семье!». – «Ну, да». Нет, тогда я лучше пойду лохматый по улице. Нет уж, извините, такого мне не надо счастья...» (муж., 18 лет, инт. № 19).

«Ну как бы это неправильно, потому что, ну, это тебе подходит как бы, ты эмоционально... все равно привязан к вещам. И когда их одевает другой человек или использует, то как-то... и остается его след, и как-то... Ну, не то что неприятно, а чужое такое, и этим больше пользоваться не хочется...» (жен., 15 лет, инт. № 1).

При этом важно отметить, что привычные публичные места, где бывает множество людей, даже такие «телесные», как сауны и бассейны, преимущественно не проблематизируются в оппозиции «свое-чужое», не артикулируются в категориях грязи, нечистоты, населенности микробами. В целом публичное пространство не вызывает опасности или неудобства:

«Интервьюер: Понятно. Испытываешь ли ты какой-то дискомфорт при пользовании общественным туалетом, при касании поручней в метро, как бы?»

Респондент: Ну, наверно, нет. Поручней в метро – точно нет. Уже обыденно очень...» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Интервьюер: Эээ... а при пользовании общим душем или сауной?»

Респондент: Ну, как бы так сказать... была все-таки безглизость, но это... как бы... как бы так сказать. Не особо это сильная безглизость, вот в таких отдельных аспектах то есть, там... ну, хотя сейчас у меня и дома так же, как общественный

душ, то есть там на двоих, на две семьи, грубо говоря, даже на две, и там одна женщина живет...» (муж., 18 лет, инт. № 50).

Это позволяет говорить о том, что именно манипуляции с телом подвергаются индивидуализации и приватизации. При этом данное разграничение не связано с категориями чистоты: чужое не обязательно маркируется как грязное, равно как и наоборот. Материальная среда, направленная на поддержание чистоты, — предметы гигиены — мыслятся как вещи, несущие следы тела, поэтому должны быть индивидуальными. Организмическое, живое тело, взятое в его «физиологическом» функционировании, должно быть защищено от других и ограничено пространством личных вещей, т.е. как собственное тело не должно быть доступно другим, так и гигиенические отпечатки других тел не должны проникать.

Ольфакторное переопределение тела

«Чистое тело» в нарративах определяется через категорию запаха. В советскую эпоху, как писала К. Гусарова, «... запахи человеческого тела оценивались исключительно негативно, от них следовало избавляться, чтобы не прослыть «некультурным» человеком. Советские гигиенические преобразования стремились к следующему: отмыть тело до полного устранения его ольфакторного присутствия, которое замещалось искусственно синтезированными ароматами...» [Гусарова, 2007: 310]. В советское время запах выступал механизмом контроля и мониторинга чистого тела. Схожие тенденции можно наблюдать и среди современной молодежи. Тело не должно обладать запахами, связанными с его функционированием:

«Личная гигиена — это самый важный вопрос у любого человека. Человек должен за собой следить, не то чтобы стараться чисто ходить, такой вот чистоплюй. По минимуму, я считаю, хотя бы раз в сутки зубы надо чистить. Хотя быть причёсанным и не издавать чисто мужские ароматы. Да, конечно, там бывает: после учебы приехал — хоть топор вешай. Тут же в душ сходи и всё нормально. Порой бывает тот же день, когда физкультура... Я такого мнения придерживаюсь...» (муж., 18 лет, инт. № 19).

«Это также меняется от моего настроения. Недавно даже вот запах из подмышек: воняет и воняет. А бывает, что мелкий недостаток не нравится, и ты прямо сам идешь и салфеткой вытираешь подмышки и чистишь. Бывает также, что запах

изо рта напрягает, но это под настроение, время от времени....» (муж., 18 лет, инт. № 51).

Гигиенические практики включают в себя лишение тела присущих ему (реально или потенциально) запахов и наделение искусственными ароматами. Означивать телесное присутствие человека должны «нечеловеческие» запахи:

«Почему покупаю /средства для душа и др./? Ну, чтоб вкусно пахнуть. Ну и мне нравится...» (жен., 19 лет, инт. № 10).

При этом выбор запаха в современном пространстве выступает как одна из манипуляций с телом, позволяющая идти на эксперименты и доставляющая чувственное удовольствие:

«Ну я не люблю... не воспринимаю это. А так я люблю... я беру, если мне что-то нравится вкусненькое, что-то новенькое, я могу попробовать. А такого какого-то определенного – нет. Я все выбираю, мне главное, чтобы вкусно пахло. И обязательно, чтобы не было там корицы и кокоса... » (жен., 18 лет, инт. № 44).

«Гели для душа я абсолютно любые могу брать, по настроению, они все подходят... главное, смотреть там запах, я не знаю... что понравилось...» (жен., 18 лет, инт. № 47).

Важно отметить, что выбор и покупка ароматизированных средств гигиены, включая духи, является одним из немногих автономных пространств потребления, связанного с телесностью у молодежи. Повседневную бытовую химию и средства для мытья, в том числе зубную пасту, покупают преимущественно родители. Это зона «взрослого» контроля – ответственность за наличие базовых гигиенических средств. Молодые оставляют за собой право и возможность выбора гелей, лосьонов и т.п., которые будут связаны со спецификацией их индивидуального тела и их личным удовольствием.

Опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что современные гигиенические практики российской молодежи включают в себя ольфакторное переопределение телесности – «чистое» тело должно быть лишено собственных запахов и маркировано «искусственно синтезированными ароматами». Эта тенденция продолжает и советские дисциплинирующие практики в отношении телесности, и, вероятно, отражает доминирующие коды консьюмерного тела. Живущее, физиологическое тело должно умалчиваться,

отмываться, нивелироваться и заменяться культурно оформленным воплощением.

При этом запах, а вернее аромат, является пространством выбора, эксперимента и удовольствия и одним из немногих объектов потребления (для тела) среди исследуемой молодежи.

Дисциплина телесной поверхности

В рамках рутинных гигиенических манипуляций есть пространства особого контроля – лицо и волосы. И если волосы преимущественно связываются с категоризацией чистоты:

«Интервьюер: Угу. Хорошо. Что вообще для тебя самое важное вот в личной гигиене, то есть без чего ты не можешь обойтись?»

Респондент: Наверно, чтобы голова все время была чистая, чтобы жирные волосы не были. Которые раздражают... (муж., 18 лет, инт. № 31).

«Интервьюер: Какой части тела ты уделяешь больше всего времени?»

Респондент: Голове. Что бы волосы всегда были чистыми... (муж., 18 лет, инт. № 39).

То лицо подвергается специальным и специфическим процедурам, чтобы поддерживать его не только чистым, но и «без изъянов». Кожа не должна быть обозначена ни возрастными, ни «биологическими» особенностями:

«Честно говоря, время от времени идет очень высокое то ли раздражение, начинают появляться прыщи, это серьезно по возрасту. Бывает, что я на это не смотрю, а бывает, что по настроению нужно выглядеть, хочется выглядеть более красиво. В результате я ухаживаю за телом. Лицо с мылом, либо специальным кремом, которое рекламируют, - эти «Клерасилы» и многое другое, лосьоны. Очищаю лицо...» (муж., 18 лет, инт. № 51).

«Вот, а недавно как бы то, что у меня проблемы с печенью, и поэтому у меня, ну, выходят проблемы на лицо, вот поэтому я там с утра, там вот из Израиля, то что там мыло, там, ну черное мыло, ну, в общем, какие-то там соли, вот, и отишкуриваюсь им...» (муж., 16 лет, инт. № 30).

Особенности стандарта чистоты в современном пространстве переопределяются в концепт «skin discipline»/дисциплина телесной

поверхности. Забота о себе предполагает регулярные умывания, включенные в ежедневный режим, формирующий «good skin-care habits». То есть это формирует у молодежи специфические привычки ухода за собой, включая приобретение и наличие необходимых средств:

«Ну это, к примеру, вот, если брать лицо, да, вот, удаление там прыщей, черных точек и всего остального, то это Garnier обязательно, Garnier, либо L'Oreal....» (жен., 20 лет, инт. № 9).

При этом подобная «внимательность» к лицу и волосам связывается с их репрезентативным статусом. Эти телесные поверхности открыты взглядам других, поэтому они должны быть представлены правильно и в соответствии с конвенциональными культурными кодами:

«Интервьюер: А какой части тела ты больше всего внимания уделяешь?»

Респондент: Лицу.

Интервьюер: А почему лицу?

Респондент: Не знаю (смеется). Потому что его все видят...» (жен., 18 лет, инт. № 47).

«Интервьюер: Какой части тела ты уделяешь больше всего внимания и времени?»

Респондент: Ну, я стараюсь уделять всем частям тела... внимание, чтобы они все были в тонусе. Но, конечно, больше стараюсь лицо, чтобы... ну... все-таки лицо – это, можно так назвать, визитная карточка любой девушки. И стараюсь больше, конечно, за ним больше следить, чтобы все было нормально...» (жен., 18 лет, инт. № 14).

Телесное воплощение, тело – важный элемент идентичности. Посредством в том числе и гигиенических практик тело конструируется не только в рамках культурного пространства, но и в индивидуальной биографии. Освоение гигиенических техник, успешная реализация дисциплинации поверхностей тела формирует основания для определения собственного статуса, конституирования идентичности:

«Интервьюер: Что, по-твоему, самое важное в личной гигиене?»

Респондент: Вообще, все. То есть... ну нельзя вот из личной гигиены взять и выкинуть какой-то один вот... этот... пункт, потому что он не считается важным.

Интервьюер: То есть человек, применяя весь ранг средств для личной гигиены, добивается какой цели, какую цель преследует? Чтобы был какой результат?

Респондент: Ну... чувствовать себя, не знаю, чище, что ли, привлекательней. Как бы... чувствовать себя увереннее...» (жен., 20 лет, инт. № 9).

Понятие и нормы гигиенических практик претерпели трансформацию с советского и постсоветского времен. От оздоровительного дискурса советского периода, когда уход за собой предполагал скорее обеззараживающие процедуры тела, произошел поворот к эстетизации и включенности тела в конструкт привлекательности, следованию эстетическому идеалу:

«Интервьюер: Какие результаты преследует личная гигиена? То есть если человек за собой как следует ухаживает, то что?»

Респондент: Ну... улучшение его внешнего облика...» (жен., 16 лет, инт. № 8).

Таким образом, можно сказать, что молодежь осваивает навыки дисциплинации телесной поверхности, контролируя в первую очередь лицо и волосы и подвергая именно их особым манипуляциям. Тело, по мнению наших информантов, должно быть лишено маркеров возраста и нездоровья. Если феминистские авторы говорят, что подобное производство телесности больше вменено женщинам, то в случае нашего исследования мы видим, что тело оказывается лишенным гендерных различий. В работу по созданию современного тела без каких-либо изъянов (вечно молодого, гладкого, ровного, привлекательного) оказываются в равной степени включенными и юноши, и девушки.

Тело «встроено» в представления о себе и в представление себя другим, поэтому для молодежи, которая приняла участие в исследовании, характерным оказалось освоение навыков, необходимых, с их точки зрения, для соответствия телесным нормам консьюмеристской культуры современного общества потребления.

Заключение

В культуре тело определяется и конституируется посредством множества дискурсов. Одним из пространств, «производящих» значения тела, являются гигиенические практики. Будучи максимально воплощенными и связанными с конкретным

индивидуальным опытом, они в то же время вовлечены в доминирующие властные регламентации телесности. М. Дуглас писала: «Мы боимся инфекции, которую переносят микробы. И во многих случаях объяснение наших страхов соображениями гигиены – это откровенная фантазия. /.../ Наше поведение также имеет символическую нагрузку. Настоящая разница в том, что мы не переносим из одного контекста в другой один и тот же набор универсально мощных символов: наш опыт фрагментирован. Наши ритуалы создают множество маленьких частичных миров, не связанных между собой...» [Дуглас, 2000: 109]. Гигиенические техники исторически изменчивы, по-разному определяются и формируются в разных социальных порядках: от репрезентации символической регламентации «сакрального» и «мирского» в традиционной культуре [Дуглас, 2000], конституирования «цивилизованного» человека [Элиас, 2003] и дисциплинации полезных послушных индивидов эпохи модерна [Фуко, 1999] до нарциссического культа тела, изжившего смерть, в обществе потребления [Бодрийяр, 2006].

Современная Россия, с одной стороны, унаследовала советские дисциплинирующие гигиенические практики, зачастую переопределенные в моральных категориях, с другой – став частью глобального культурного порядка, переняла и западноевропейские консьюмеристские тренды «заботы о себе». Интервью с юношами и девушками, получающими среднее профессиональное образование, показали, что данная группа молодежи интериоризирует доминирующие культурные коды в схожей логике.

Тело в гигиенических практиках исследуемой молодежи в первую очередь дисциплинируется. Это артикулируется через регламентацию базовых гигиенических навыков, лишение тела «физиологических» запахов, особый контроль над телесными поверхностями. Живущее, биологическое тело с его следами, эффектами функционирования и особенностями должно быть скрыто, очищено, исправлено. К нему никто не должен иметь доступа, что особенно видно при означивании предметов гигиены как исключительно индивидуальных. Однако подобные процедуры осуществляются не только и не столько для поддержания некоей идеи чистоты и совсем не в рамках концепции здоровья, а для создания привлекательного, соответствующего современным стандартам тела, обладание которым придаст уверенность в себе и принесет бонусы в виде успешной коммуникации, а также личного удовольствия.

Литература:

1. Бодриар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
2. Богданов К. О чистоте и нечисти. Совполитгигиена // Неприкосновенный запас. 2009. №3(65). С. 9-23.
3. Бредникова О., Ткач О. «Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антологический форум. 2008. № 8. С. 338-352.
4. Волков В.В. Концепция культуры, 1935-38: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. №1/2. С. 203-221.
5. Куракин Д.Ю. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. №1-2. С. 56-74.
6. Градскова Ю. В.. Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х годов (По материалам публикаций по «половому вопросу»). URL: <http://www.genderstudies.info/social/s03.php>.
7. Гурова О. Идеология потребления в советском обществе // Социологический Журнал. 2005. № 4. С. 99-115.
8. Гусарова К. Триумф медицины: гигиена, парфюмерия и косметика советской эпохи // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2007. Вып. 3. С. 307-324.
9. Гусарова К. «Я никогда не увлекалась косметикой»: советский опыт «искусственной» красоты // Неприкосновенный запас. 2007. №4(54). С. 142-156.
10. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. - М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 288 с.
11. Желизнык М. Гигиенические практики в советской и современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 133-140.
12. Коннер М. Еврей телесный. - М.: Текст. Книжники, 2011. 352 с.
13. Михайлова Т. В постели с «Огоньком» (Визуальная репрезентация женщин в российских СМИ 1990-х годов) // Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. - М.: Идея-Пресс, 2000. С. 144-151.

14. Михель Д. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 204 с.
15. Мосс М. Техники тела // Общество, обмен, личность. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. С. 242-263.
16. Омельченко Е. Л. «Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века» / Социология молодежи // Рубеж. 2003. № 18. С. 142-161.
17. Панченко А.А. «Религиозные инфекции» и «духовные калек»: тема детства в советской атеистической пропаганде 1960-х годов // По материалам рукописи Панченко А.А., 2011.
18. Панченко А.А. «Коммунисты против суеверий: советская власть и «народная религия» // По материалам рукописи Панченко А.А., 2011.
19. Сеннет Р. Падение публичного человека. – М.: Логос, 2002. 424 с.
20. Тернер Б. Современные направления развития теории тела // Thesis. 1994. №6. С. 137-167.
21. Тищенко П.Д. О философском смысле феноменов здоровья и болезни // Здоровье человека как предмет социально-философского познания. – М.: ИФ АН СССР, 1989. С. 128.
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: AD Marginem, 1999. 480 с.
23. Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930-1980-х годов // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99-127.
24. Щепанская Т.Б. Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Отв. ред. Костюшев В.В. – СПб. 1999. С. 262-302.
25. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том №1. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.-СПб.: Университетская книга, 2001. С. 332.
26. Bartky S. Foucault, Femininity, and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women's Bodies / ed. by Rose Weitz. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 25-45.
27. Featherstone M. The body in consumer culture // Theory, Culture and Society. London: Sage, 1982. p. 18-33.

28. Nartova N. Surrogate motherhood and sperm donorship in the Russian media: normalising the body // Making Bodies, Persons and Families. Normalising Reproductive Technologies in Russia, Switzerland and Germany / ed. by Willemijn de Jong and Olga Tkach. LIT Verlag: Berlin, Hamburg, Münster, 2009. P. 75-94.

Надя Нартова

Как корабль назовешь, так он и поплывет:
тело здоровья/болезни
в молодежной повседневности

Одна из часто транслируемых телевизионных реклам предлагает вообразить здоровье, как некое мохнатое, глазастое и ушастое существо, которое следует за хозяином-человеком и пребывает в весьма унылом и плачевном состоянии, пока хозяин-человек о нем специально не позаботится. И если распространенность такого «образа» в представлении о себе можно оспорить, то с логикой, в рамках которой здоровье артикулировано, проблематизировано и выстроено в особый объект заботы и инвестиций, пожалуй, можно согласиться. В современной консьюмеристской культуре «связанное с представлением о теле как о престижной ценности здоровье становится функциональным требованием статуса», – говорит Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2006: 180]. В здоровом теле больше уже не здоровый дух, а успешность, респектабельность, социальная легитимность в целом.

Тело переопределяется с природной данности и «дисфункционального объекта медицинской интервенции» [Gimlin, 2000: 80] и становится новым сакральным [Куракин, 2011], производимым в практиках заботы о себе, врачебном оптимизирующем мониторинге и культурных метанарративах. «Только теперь, благодаря новому открытию и индивидуальной сакрализации тела, именно только теперь охват медицинскими услугами приобретает весь свой размах... Непреодолимый спрос на медикаменты у низших классов, спрос на врача у обеспеченных классов, когда врач становится для последних скорее «психоаналитиком тела», а для первых – распределителем материальных благ и знаков, – во всех случаях врач и лекарства имеют скорее культурную, а не терапевтическую ценность, и они потребляются как «потенциальная» манна. Это происходит в соответствии со всей современной этикой, которая в противоположность традиционной этике, требующей, чтобы тело служило, предписывает каждому индивиду служить собственному телу» [Бодрийяр, 2006: 181-182]. Здоровье становится новой ценностью, на достижение которой должны быть положены силы, время, деньги, а также достижения науки, предложения рынка и

политики государства. Тело все меньше помещается в контексты болезни/патологии и все больше в рамки здорового образа жизни, позволяющего оптимизировать имеющиеся ресурсы и минимизировать риски.

Социологические опросы говорят, что в ценностном ряду российской молодежи здоровье занимает одно из первых мест [Сочнев, 2007; Цветкова, 2005; Шиняева, Падиарова, 2010], однако зачастую те же исследования показывают, что молодежь курит, пьет, не предохраняется и, в общем, частенько болеет [Журавлева, 2000; Цветкова, 2005; Шиняева, Падиарова, 2010; Федоткина, Яцковская, 2011]. Что это - разрыв глобальных трендов и национального контекста, недоработка государственной политики, несовершенство системы здравоохранения? Или локальные различия в обращении со здоровьем, воспроизводимые средой нормы и практики, специфические конвенциональные модели телесности? Недостаточная интериоризация доминирующих культурных норм или оппортунистическое поведение?

Эмпирические российские социологические исследования здоровья, к сожалению, не позволяют в полной мере ответить на поставленные вопросы, поскольку преимущественно ориентированы на количественные обследования [Ефименко, 2007; Шабунова, 2010; Варламова, Седова, 2010; Русинова, Панова, Сафронов, 2010; Проценко, Свистунова, 2011]. Логика количественной методологии востребует медиализированную рамку, определяя язык и перспективу данных исследований, например: «Как исходный объективный показатель при измерении здоровья использовалось отклонение от физического благополучия: наличие установленного диагноза какого-либо заболевания, прохождение лечения в амбулаторных или стационарных условиях, наличие симптоматики, свидетельствующей о заболевании или об утрате здоровья и др. (всего использовалось более 20 показателей)» [Тапилина, 2004: 127]. Исследования здоровья молодежи следуют общей «тенденции» медиализированных количественных исследований [Шувалова, Шиняева, 2000; Кислицина, 2009], при этом активно включаясь в логику контроля интериоризации молодыми «здорового образа жизни», и ориентированы на оценку самосохранительного поведения [Журавлева, 2000; Цветкова, 2005; Сочнев, 2007; Шиняева, Падиарова, 2010; Багнетова, 2011; Федоткина, Яцковская, 2012].

Подобные исследования инкорпорируют установленные доминирующие определения здоровья, зачастую определяя здоровье/болезнь через медицинскую номенклатуру и диагностирование, подтверждая субъективные оценки индивидов медицинской экспертизой. Это, с одной стороны, позволяет получать верифицируемые статистические данные и сравнивать результаты, основанные на одинаковых показателях, с другой – оставляет за границами субъективные опыты и интерпретации индивидов, что затрудняет изучение культурных средовых различий и специфики в формировании представлений и практик относительно здоровья/болезни.

Поэтому фокусом данной статьи выбрано тело в повседневном дискурсе о здоровье в молодежной среде¹. Как определяют здоровое и больное тело юноши и девушки в своей повседневной жизни? Что делают с больным телом и как оптимизируют здоровое? Как обретают компетенции и как вовлекают экспертов?

В рамках статьи кратко рассмотрим процессы, создающие, на наш взгляд, систему координат формирования представлений о теле в контексте здоровья/болезни. Затем на основе эмпирического материала проанализируем, как артикулируется и конституируется тело в нарративах о здоровье/болезни среди молодежи.

Между биополитическим регулированием и культурными выборами

Современные представления о здоровом/больном теле, практики обращения с здоровым/больным телом, институциональное «оформление» здоровых/больных тел конструируются множеством дискурсов, создавая сложное поле сил, властных механизмов, стратегий и тактик. Описать и проанализировать их все не входит в задачи данной статьи, да и, вероятно, это невозможно. Тем не менее, хотелось бы выделить ряд процессов, конституирующих систему координат формирования культурных представлений о теле в контексте здоровья/болезни. Они, с одной стороны, выглядят противоречиво, с другой – находятся в причинно-следственной связи и усиливают друг друга – это биовласть и медицинская гегемония, медиализация и политики жизни, объективация тела и новая субъективация, неравенство и культурное различие/различение.

¹ Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

Становление и развитие с конца XVIII века нового властного режима - биополитической регуляции населения - привело к утверждению медицины, которой делегировалось служение общественной гигиене [Фуко, 2005]. Медицина включилась в контекст политической власти, нацеленной на управление индивидами, устанавливая свою гегемонию от практики «медицинской полиции» [Шлюмбом, Хагнер, Сироткина, 2008: 21] до институционализации концепции «общественного здоровья» [Porter, 1999]. При этом экспансия медицины взаимосвязана с ее становлением и развитием как «научной медицины» [Шлюмбом, Хагнер, Сироткина, 2008: 11], полностью реорганизовавшей как «взгляд врача» [Лахмунд, 2008: 106], так и его практику, и статус.

Новая система «власти - знания», в терминологии М. Фуко, установившаяся через развитие клинической медицины, переопределение врачебных практик, профессионализацию, привела к современной ситуации монополии медицины на определение нормы и патологии, здоровья и болезни, жизни и смерти. В современную эпоху, говорят исследователи, тело и психика человека «управляются и регулируются все уплотняющейся сетью знания, институтов и инструментов» [Шлюмбом, Хагнер, Сироткина, 2008: 15]. В целом, медицина распространила свое влияние и компетенцию даже на те сферы и проблемы, которые прежде считались моральными или правовыми [Лахмунд, 2008: 105].

Гегемония медицинского знания, а вернее, приоритет медицинской интерпретации бытования человека в обществе модерна приобрел форму медиализации, под которой понимают как расширение институциональной структуры здравоохранения и «постепенное втягивание все большего числа людей в сеть медицинского обеспечения», так и рационализацию поведения человека по отношению к собственному телу [Шлюмбом, Хагнер, Сироткина, 2008: 21]. Исследователи указывают, что глобальные регуляционные механизмы «классической» биовласти М. Фуко в конце XX века переопределяются и переструктурируются в более тонкие, индивидуально-ориентированные витальные политики («*vital politics*») [Rabinow, Rose, 2006; Harwood, 2009; Wright, 2009]. В современной культуре власть над «жизнью» рассматривает «телесное проживание» как свой объект, дискурсивно конституируя витальный характер человеческого существования. Индивидуальная оптимизация жизни вменяется через логику правильного/здорового

проживания. Заботой глобально медикализованного общества становится не номинация болезни как таковой, а конституирование «здорового образа жизни» [Bury, 1998: 11]. Повседневная жизнь человека подчинена мягкой «пасторской власти», принудительной интериоризации норм, освоения и выбора практик по реализации рационального «телесного обслуживания», служащего оптимизации «здоровья» и минимизации «рисков» [Nadesan, 2008].

При этом медицинская регламентация и рационализация, усиленная технологиями наблюдения, привели к объективации тела и индивида/пациента в целом [Rothschild, 2006; Lauritzen, Hyden, 2007]. Внутренний опыт и переживания человека занимают подчиненное положение по отношению к системе производства медицинской экспертизы, а подчас и полностью нивелируются [Лахмунд, 2008: 131]. «Обыватель» не может знать больше, лучше и точнее о себе самом и своем теле, чем профессиональный диагност, интерпретирующий показания ультразвукового аппарата. Что, в свою очередь, вызывает расхождение поля медицины и мира жизни обычных людей [Martin, 2001], усиление значения экспертного знания и экспертных номинаций [Jonson, 2007], установление объективирующих практик оказания врачебной помощи [Ткач, 2009; Здравомыслова, Темкина, 2011], а также общекультурное становление отношения к телу как объекту [Greil, 2002].

Однако ряд исследователей указывает, что медицинская объективация не тотальна. Даже в самые «инквизиционные» периоды становления клинической практики находились индивиды, проявляющие оппортунистическое поведение и использующие доступные медицинские сервисы в собственных интересах [Шлюмбом, 2008]. В обществе постмодерна медицинская система, в том числе через опосредование рынком и консьюмеризацией, становится все более гетерогенной, представляя собой пространство разнообразных медицинских услуг, предлагающих индивидам все больше альтернатив. Так, например, в рамках довольно репрессивной российской репродуктивной медицины появляются структуры, предлагающие будущим родителям другие формы контроля и обращения с беременным телом [Дрига, 2009]. Более того, «индивидуализация» общества предполагает усиление личного рефлексивного контроля в целом [Giddens, 1991; Бек, 2000]. Человек становится активным агентом в менеджменте, оценке и производстве знания относительно себя, собственного здоровья/болезни, качества

и выбора услуг и врачей, стратегий коммуникации с медицинским персоналом. Все это формирует процессы субъективации в рамках современной культуры здоровья и медицины. Это приводит, в том числе, к значительным институциональным изменениям, переопределяя роль и статус пациента в системе здравоохранения [Bury, 1998].

Однако вопросы выбора не отменяют, а подчас и обостряют проблемы неравенства в отношении «здоровья» [Higgs, Scambler, 1998]. Социально-экономическое положение индивидов (и шире – групп) может ограничивать доступ к медицинской помощи, приводить к безальтернативным выборам и в целом снижать показатели «здоровья», основанные как на субъективной оценке, так и на медицинской интерпретации. В общем, как показывают исследования, низкодоходные группы имеют более низкие показатели здоровья, что связывается с социально-экономической депривацией [Тапилина, 2004; Панова, Русинова, 2005]. Однако часть авторов указывает, что неравенство в отношении здоровья связано не только и не столько с экономическими ресурсами, сколько с образовательным уровнем, социальными сетями, повседневными культурными практиками, общими представлениями о здоровье/болезни, теле, медицине внутри той или иной группы [Браун, Русинова, Панова, 2007; Аронсон, 2009]. Так, отмечается, что рисковое поведение и инструментальное отношение к телу (пока дышу – работаю) характерно для рабочего класса [Аронсон, 2009: 158], в то время как рефлексивный мониторинг и менеджмент здоровья определяют поведение профессионалов среднего класса. Например, современные российские исследования показали, что молодые образованные горожанки конституируют себя как активных агентов в организации контроля за беременностью и родами, преодолевая объективирующую систему репродуктивной медицины, мобилизуя сетевые, экономические и информационные ресурсы [Здравомыслова, Темкина, 2009; Бредникова, 2009]. Однако сама беременность медиализируется в том числе и в повседневном опыте [Бороздина, 2009]. То есть в общих структурных условиях российской системы здравоохранения молодые представители «среднего класса» рационализируют и медиализируют свой телесный опыт, при этом конституируя собственную субъектную позицию в рамках системы медицинских сервисов. Таким образом, различия в практиках становятся не только эффектом экономического неравенства, но и культурного различия.

Молодежь является наиболее интересной группой в отношении «здоровья/болезни», поскольку включена как ресурсная группа в биополитическое регулирование; подвергается максимальной объективизации, регламентации и регуляции в силу зависимого статуса со стороны родителей, институтов образования, здравоохранения и т.п.; социализируется в рамках локальных контекстов и в то же время включается в глобальные культурные процессы; выбирает и определяет собственные стратегии в отношении формирования моделей тела, управления им, в том числе собственные интерпретации здоровья и болезни. При этом молодежь не гомогенна: занимая различные социально-экономические и культурные ниши, она существенно различается от группы к группе. Поэтому важно исследовать, как в контексте множественных культурных процессов юноши и девушки, учащиеся средних специальных образовательных учреждений, обладающие довольно низкой экономической, профессиональной и семейной автономией, определяют, что такое больное/здоровое тело, какими компетенциями и практиками сопровождают состояния здоровья/болезни, какова роль экспертного медицинского знания в повседневном опыте.

«Сейчас у каждого есть какие-то проблемы со здоровьем...»

В рамках современных культурных процессов тело и здоровье наделяются особым статусом – они проблематизированы, артикулированы, помещены в дискурсы неусыпной заботы, контроля, инвестиций, мониторинга. Однако часть исследователей говорят, что в нашей повседневной (день за днем) жизни тело «отсутствует»: оно растворено в наших рутинных практиках, взаимодействиях и опытах. Тело проявляется, заявляет о себе только в ситуации «поломки» – боли, болезни, т.е. его дисфункциональности [Nettleton, Watson, 1998: 12]. Эти «особые» моменты нарушения привычного хода вещей актуализируют тело в рамках индивидуального жизненного опыта. Здоровье и болезнь – это две стороны одной медали, где опыт «воплощения» в каждом из состояний, а также трансгрессии между ними, востребуют рефлекссию собственного тела, навыков и компетенций по совладанию с ним.

Как показывают собранные интервью, для юношей и девушек хорошее и плохое самочувствие – часть взаимосвязанного рутинного

телесного опыта, который инкорпорирован в повседневную жизнь, зачастую трудно поддается артикуляции, кажется обыденным и очевидным. Однако именно эти нарративы, определения, истории позволяют реконструировать конвенциональные модели интерпретации здорового/больного тела среди учащейся молодежи и отследить специфику поведения данной группы в отношении здоровья.

Эмпирическое исследование позволило выделить четыре тематических пространства актуализации тела в контексте здоровья/болезни среди молодежи: а) конвенциональные представления о здоровом/больном теле; б) оценка собственного здоровья; в) опыт болезни; г) роль экспертов/экспертного знания в производстве здоровья среди молодежи. Далее последовательно рассмотрим каждое из пространств.

Конвенциональные представления о здоровом/больном теле

Номинирование здорового/больного человека в нарративах молодых людей представляет собой взаимозависимую область значений, где одно определяется через другое и конституирует представления о «правильной» телесности в целом. Общие, не связанные с личным телесным опытом, рассуждения относительно здоровья помещены не в контекст наличия/отсутствия конкретных болезней, диагнозов, медицински определяемых дисфункций, а выстраиваются вокруг «здорового образа жизни». Здоровый человек определяется через следование и соответствие «правильному» обращению с телом:

«Человек, который более-менее питается правильно. Естественно, что почти каждый человек когда-то питается неправильно. По нужде там, получается так. Человек, который знает, как себя физически держать, хотя бы минимально чтобы выполнять – будь то физкультура какая-нибудь, пробежки» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Не курит, не пьет, здоровый образ жизни ведет, а... спортом занимается там» (муж., 15 лет, инт. № 56).

«Здоровый человек – это, ну, человек, который более-менее регулярно занимается спортом, следит за своим питанием, за с... за свои... как же это сказать... ну, внешностью тоже как бы. Вот,

собственно. Ну, вообще регулярные занятия спортом - в основном, всё здоровье для меня» (муж., 18 лет, инт. № 24).

«Здоровый – ну, человек, который позволяет себе довольно редко есть нездоровую пищу. Который старается не прибегать к курению, соответственно. Ну, то есть курение – это вообще, в принципе, пас уже. То есть курящий человек уже физически не может быть полноценно здоровым, но при этом... нет, в принципе, он вообще не может быть физически здоровым, абсолютно. Это очень большая проблема. Ну вот. Алкоголь, что-то ещё... малые дозы опять-таки. Те же французы или абхазы, они не садятся без бутылки вина за стол. И они правы, потому что в малых дозах полезно бывает, может быть все. Вот. Наркотики даже не хочу рассматривать, это мне не интересно» (муж., 17 лет, инт. № 52).

В оппозицию здоровому человеку, больной – это нарушающий конвенциональные практики «здорового образа жизни». Это человек осуждаемых «вредных привычек»:

«Ну, который не совсем следит за режимом,... если неизвестно, чем питается, или вообще не питается, принимает разные... ну, там, курит, пьет и так далее, как бы тоже свое откладывает, ну и мало двигается, скажем, мало подвижен. Такой человек будет достаточно часто болеть в таком климате, и как бы если часто, ну как часто, вообще таким образом жить, то это довольно все быстро вернется» (муж., 15 лет, инт. № 54).

«Тот, кто пьет, курит, о себе совсем не думает» (жен., 17 лет, инт. № 11).

Больной – это не способный к активности и действиям. Его тело неэффективно:

«Ну, больные – это... те, которые... глаза опухшие... плохо разговаривает... настроения нет. Он, значит, больной... лень какая-то» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«Ну, кашляет, чихает – это само собой разумеется. Ну,... когда он двигается довольно вяло, ну, то есть не... видно, что он двигается вяло, потому что... не медленно вот так вот ходит, а вяло, что вот видно, что уже все, плохо ему, ну не знаю. Сейчас скажу, подумаю. То есть человек идет... не знаю, такое чувство, что он упадет сейчас просто, ну не видно этого, но такое чувство просто» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«(Больные), наверное, те, кто бегать много не могут, там дышалки не хватает, курящие, пьющие, наркоманящие» (жен., 19 лет, инт. № 10).

Больной – это тот, кто не может «организовать» свое тело, а значит свою жизнь. Тело без контроля становится знаком социальной дисфункциональности:

«Который совершенно питается вредной пищей. Постоянно у него это... не занимается совершенно ничем. Просиживает, короче говоря, штаны дома. Чего-нибудь делать ленился» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Который хлюпенький, сидит целыми днями дома, не выходит на улицу, не ест витамины. Я не знаю, как сказать» (муж., 17 лет, инт. № 38).

«Больным? Ну, наверное, человека с большим ожирением, ну-у, не знаю... который будет... которые неправильно питается, может быть» (жен., 16 лет, инт. № 2).

Общие представления о здоровом/больном теле/человеке помещаются в контекст конвенциональных представлений о «здоровом образе жизни», который предстает как гарант телесной эффективности, с одной стороны, и как ось оценки культурной легитимности – с другой. Больное тело – это эффект не физиологической дисфункции, а социальной: отсутствие самоконтроля, лень, поведенческая «распущенность».

Оценка собственного здоровья

Несмотря на довольно жесткую связку «больного тела» с социальной дисквалификацией и демонстрируемой интериоризацией представлений о «правильном» образе жизни, оценка собственного здоровья юношами и девушками производится более рефлексивно, гибко и неоднозначно. В контекст определения личного здоровья включаются средовые экологические риски, предшествующий опыт болезни, телесные переживания:

«Скажем, я думаю, что сейчас у каждого есть какие-то проблемы со здоровьем. В нашей экологии. Ну, в том числе и у меня тоже есть проблемы» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Относительно (здоровой). Сейчас я болею, конечно, стала меньше. Раньше, в детстве, болела очень. У меня была толстенная

карточка с моими болезнями. У меня была операция, поэтому гормональные всякие сбои иммунитета, соответственно со всеми. Сейчас, в принципе, довольно нормально» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«...э-э-э физически здоровым... Не знаю! У меня раньше был хронический гастрит. Так что не знаю, есть ли он у меня сейчас или нету. Ну, я считаю, что нету. Потому что я ем острую и жирную пищу, ну там я люблю поострее... вот именно... меня дедушка приучил. Он сам острую еду ест, я тоже ем. Но жирную я не люблю прям. Я масло не люблю или там жирную совсем не люблю. Но, наверное, в принципе не совсем здорова. Нервы. Голова болит там, давление... Хотя, в принципе, может быть, относительно кого-то и здорова. Только относительно кого, я не знаю» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«У каждого, конечно, разное здоровье. Ну, вот, допустим, я - мне как бы бегать... потому что я бегу - я задыхаюсь. Ну, все равно я считаю, что я здоров» (муж., 18 лет, инт. № 31).

Собственное тело зачастую определяется как «относительно» здоровое. Оно репрезентируется как тело с «проблемами», но не такими, чтобы его дисквалифицировать:

«Я не считаю себя полностью физически здоровой, но пока что как бы нету таких вот совсем страшных каких-то вот отклонений, каких-то, чтобы вот прямо аж хвататься за голову и кричать: «Что мне делать?!»» (жен., 20 лет, инт. № 9).

«Интервьюер: Ты считаешь себя физически здоровым?

Респондент: Мм... нет.

Интервьюер: Почему?

Респондент: Ну, вот спина та же самая, все-таки от нее бывают какие-то... То есть или спина... А! Есть, например, ну, даже взять, если зубы чищу, к примеру, что... ну, наклоняюсь если, то долго наклоняться не могу. Спина начинает болеть. Ну вот, то есть со спиной в основном, и ну вот бывает тут головные боли или что-то в этом роде...

Интервьюер: А что за головные боли? Часто бывают?

Респондент: Ну вот, если взять, конечно, если что-то читаю умное, что-то в этом роде, не могу долго внимание на этом оставить, эту усидчивость, ну... как бы, в принципе, особо нездоровым себя не считаю» (муж., 18 лет, инт. № 50).

При этом юноши и девушки отмечают наличие хронических заболеваний или какие-либо регулярные дисфункции в течение продолжительного времени. Данные «нарушения» переопределяются с актуальных болезней на специфические особенности организма:

«То есть сколиоз еще какой-нибудь можно было исправить, но когда у тебя с самого младенческого возраста изгиб позвоночника такой, ну, уже никто ничего не сделает. И ну, да, я это знаю, но как бы исправить же нельзя, то есть, ну, смысла нет тогда» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«Мм... Ну, я как бы уже ничего не принимаю, потому что оно у меня уже давно так, наверное, с самого детства, потому что я как бы раньше... как бы не помню, как у меня было, но последние лет пять у меня такое как бы давление. Ну, как бы я обычно таблетки не пью, потому что оно само по себе так...» (жен., 17 лет, инт. № 7).

Устойчивые хронические дисфункции рассматриваются как «данность» и не включаются как отрицательные величины в мониторинговую оценку тела:

«Интервьюер: Ты считаешь себя физически здоровым человеком?»

Респондент: Честно говоря, да. Я всегда сравниваю себя с теми, кто реально здоровые, я многих переплываю, даже несмотря на то, что мне в пору третью категорию инвалидности оформлять. Но, в принципе, у меня развитый организм, несмотря на все косяки, что были» (муж., 18 лет, инт. № 51).

Основанием для номинирования собственного телесного «здоровья» или «нездоровья» является в целом не медицинское заключение, экспертиза и мониторинг, а персонально переживаемое и оцениваемое соматическое благополучие. Комфортное, ненарушаемое существование в собственном теле позволяет определять себя здоровым:

«Да нет, я здоровым-то себя считаю, что я... Бегаю, прыгаю - все нормально» (муж., 15 лет, инт. № 20).

«...отслеживаю, чтобы состояние было общее стабильное, чтобы чувствовала себя хорошо. В принципе так» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Потому что я почти не болею. Да и никаких жалоб ни на что нету... ничего не болит. Считаю себя здоровым» (муж., 16 лет, инт. № 15).

При этом большинство исследуемой молодежи не считает, что у нее есть привычки, которые вредят или способствуют ее здоровью. Даже собственное курение рассматривается как не очень опасная зависимость, поскольку не предъявляет индивиду очевидных телесных последствий. Юноши и девушки не предпринимают специальных инвестиций в здоровье, скорее стараются маркировать часть своего повседневного опыта таким образом:

«Ну, зарядка по утрам – это полезно! Я делаю что-то, когда вспоминаю, что что-то надо» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«Ну да, я стараюсь как бы правильно питаться и не есть лишнего, не есть бесполезного. Ну, я вообще стараюсь заниматься физкультурой: ну там пресс качать. Не всегда получается просто – иногда очень лень. Ну, в принципе, да, физкультурой занимаюсь» (жен., 16 лет, инт. № 3).

«Не курю, не пью. С утра обычно зарядку делаю. Разминаюсь там» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Полезные? Ну все, что я делаю, от чего мне становится лучше физически, это полезная привычка» (муж., 17 лет, инт. № 52).

Таким образом, собственное телесное здоровье интерпретируется в более широком спектре переживаний, ограничений и возможностей, нежели в соотношении с правилами здорового образа жизни. Опыты боли, болезней, дисфункций становятся частью телесной памяти, включенной в оценку собственного здоровья, но не детерминируют ее. Наличествующее комфортное физическое состояние – основание для определения себя здоровым. Телесное здоровье мыслится как соматическое благополучие. При этом оно не требует специальных инвестиций.

Опыт «болезни»

В противовес здоровью как соматическому благополучию, болезнь интерпретируется как нарушение последнего. Ощущаемые, переживаемые, доступные для индивидуальной оценки «поломки» организма маркируют тело как «заболевшее»/«больное»:

«Болезнь... Ну это когда температура, насморк... кашель, горло... это уже вот.. это простуда» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«(Болезнь)... когда что-нибудь болит, типа там тоже плохо себя чувствуешь» (жен., 19 лет, инт. № 10).

Тело, переживающее физический дискомфорт, изымается из публичного взаимодействия и помещается в замкнутое интимное пространство дома:

«Болезнь - это лежать дома и принимать таблетки. С температурой, кашлем, горлом и так далее» (муж., 16 лет, инт. № 15).

«Ну, когда температура, дома лежишь в полуобморочном состоянии» (муж., 19 лет, инт. № 49).

Ситуация болезни востребует навыки обращения с «заболевшим» телом. Повседневное знание о том, что и как делать, основывается на внутрисемейных компетенциях лечения доступными, чаще «народными» средствами и методами:

«Ну, я стараюсь... Ну, меня мама приучила как бы... В школе я специально пыталась заболеть: все я теперь буду сидеть дома... Никуда не пойду – я болею. А теперь как бы ну... подросла... И даже если я болею, мне все равно нужно куда-нибудь поехать, пойти на учебу там... Или на практику... Я все равно лечусь – вечером ноги попарю... Горячий чай, там, с медом выпью... Ну, там, в нос закапаю, еще что-нибудь, горло попиликаю чем-нибудь или молока с медом выпью» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«Респондент: Нет. Болезнь — плохо (смеется). Дискомфорт какой-то, я не знаю, чувствуешь. Я как бы таблетки никогда в жизни не пил, если болел. То есть все своими...»

Интервьюер: А какими методами ты лечился тогда?

Респондент: Народными. Закутываюсь в одеяло... ну, блин, не знаю. Ложка меда... Пять ложек меда, под одеяло жестко закутываюсь. Как бы через часов пять, если строго лежать, не двигаться, полностью из тебя выходит вся болезнь. Неважно, какая. Как правило.

Интервьюер: А таблетки ты не принимаешь вообще?

Респондент: Нет.

Интервьюер: А откуда ты узнал об этих народных средствах?

Респондент: Мать. То есть узнал... Ну, мама учила всему» (муж., 17 лет, инт. № 38).

«Я так, по-моему, болела только простудой и один раз ангиной. А так только простудой. А когда простудой, как? Ну, полоскала

горло, нос прыскала, мама делала горчичники иногда и мазала меня этим, мазью «Доктор Мом» (жен., 15 лет, инт. № 1).

Именно родители, преимущественно матери, являются ключевыми референтными фигурами в проведении лечения. Они отвечают за трансляцию и воспроизводство знаний и навыков:

«Респондент: Мне это не нравится, потому что никуда особо не выйти – сидишь дома. Лечишься либо народными средствами, либо вот есть мазь «Звездочка»... э-э-э... и еще какая-то мазь там. То есть ватки там скатываешь, макаешь в мазь, вставляешь это в нос, значит, через некоторое время убираешь, и сопли довольно-таки хорошо высмаркиваются... да, стараюсь народными, потому что родители приучили, что таблетки – это не есть хорошо. Я не знаю почему, просто так получилось, что родители меня таблетками не лечили никогда, а если лечили, то не сильно вредными, скорее витаминами. Может, там, активированный уголь. Вот такое.

Интервьюер: То есть Вас мама, да, лечила, вообще мама лечит?

Респондент: Да, потому что самолечением точно заниматься не надо» (муж., 19 лет, инт. № 45).

Несмотря на распространение «народных», подручных средств, боль и сильно мешающие симптомы снимаются фармакологическими средствами. Тело может быть болезненное, но оно должно испытывать минимальные болевые ощущения:

«Ну, допустим, если голова болит, то у меня есть таблетка, я выпью таблетку, если уж совсем! Вообще к медикаментам я как-то не очень... стараюсь сильно не прибегать. В крайних случаях, если там целый день голова болит. Там уже живот ужасно...» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Ну, когда чувствую себя некомфортно, стараюсь делать то, что чувствуется, что нужно, или знаю, что нужно. Ну, если, допустим, простудился – вот совсем недавно, наверное, более-менее сейчас оправился – пил, ну, разовные эти напитки для устранения симптомов, которые там «Фервекс», вот, на ночь... насморки – могу спреи всякие для горла, носа покупать. Вот так вот» (муж., 18 лет, инт. № 24).

Обретение компетенции в лекарственных препаратах для преодоления боли связывается с обыденными навыками получения

информации: спросить у мамы, прочитать в инструкции, спросить в аптеке. «Таблетка от боли» не обретает статус медикамента, нуждающегося в экспертном назначении. Доступность подобных препаратов и обыденность употребления их – часть общей культуры жизни без боли [Сиора, 2007]:

«По советам, в принципе, кто-то советует что-то, и поэтому выбираю что-то. Да и в аптеке иногда симптомы скажешь, они знают, что лучше подойдет. Ну, чаще-то им нужно, что подороже продать. Но иногда очень хорошие попадают, и они говорят: «Вам вот это вот поможет». И все, и правда, помогает» (жен., 19 лет, инт. № 10).

Интервьюер: А что ты делаешь в таких случаях?

Респондент: Пью таблетки всякие.

Интервьюер: А как ты узнаешь об этих таблетках, что их нужно пить?

Респондент: У мамы спрашиваю, она мне дает» (муж., 16 лет, инт. № 59).

«Интервьюер: А вообще вот, когда у тебя что-то болит, ты как с этим справляешься? Ну, ты сам справляешься или ты обращаешься к кому-то?

Респондент: Нет, сам справляюсь.

Интервьюер: Таблетки принимаешь, да?

Респондент: Угу» (муж., 20 лет, инт. № 58).

Знакомые телесные ощущения не нуждаются в экспертном наблюдении. У молодежи складывается кумулятивный опыт оценивания собственного состояния и использования предшествующих врачебных назначений:

«Респондент: Если у меня, ну, такая же, то есть болезнь, да, как она у меня раньше, допустим, была, то есть я покупаю точно такие же препараты. Допустим, беру, то есть какие-нибудь - «Гексорал», всякие, ну такие таблетки всякие тоже от горла, то есть, если они мне помогают, то есть все дальше уже.

Интервьюер: Ну, то есть тебя научил кто этим...?

Респондент: Ну, врач» (муж., 17 лет, инт. № 13).

«Респондент: Ну, во-первых, опять же из опыта, то, что знаю. И если как бы там вот опять же под 40 и так далее, вот, там нужно пить специальные таблетки, ну как они? Антибиотики

какие-то определенные и так далее в зависимости от того, от чего у тебя температура, там может быть, например, грипп, а может быть ещё какая-то там дрянь. От этого и зависит как бы. Ещё там, на какие-то аллергии могут быть, на какие-то препараты, ну на состав.

Интервьюер: Угу. А к врачам ты ходишь?

Респондент: Ну, по таким вещам обычно нет» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Это особенно проявляется в совладании с хроническими, регулярными заболеваниями. Усвоенные навыки обращения с дисфункциональным телом становятся рутинными практиками. Подобные состояния уже и не оцениваются как болезнь и не требуют особого внимания:

«А от крови там... Ну там просто получается, то что я уже натренировался получается. Смотря, как она идет: то есть если она слабая - я по одной системе стою там, работаю, если она из двух ноздрей сразу идет, то я просто встаю и тупо жду, когда это все кончится. То есть, ну, своими силами как-то справляюсь» (муж., 16 лет, инт. № 30).

«Ну, хроническое было, ну и до сих пор эта гипертония. Ну, это уже ничего соблюдать не надо, потому что сказали, что организм уже привык, там давление 150-160 - это уже нормально. И если чего-то попить, какие-то таблетки, то помогает на полчаса, а потом обратно нормализуется» (муж., 18 лет, инт. № 60).

Больное тело (в противовес здоровому) – это тело актуально переживаемого физического дискомфорта, который чувствуется и оценивается самими индивидами. Знакомые симптомы не вызывают тревоги, а востребуют кумулятивные внутрисемейные навыки совладания с болезнью. Знание о возможных/случающихся болезнях, включая ощущения, средства, манипуляции, лекарственные препараты, – это часть повседневной компетенции, основанной на прожитом опыте.

Роль экспертов/экспертного знания в производстве здоровья среди молодежи

Несмотря на тенденции медиализации повседневной жизни, девальвации индивидуального опыта по отношению к экспертным оценкам, расширения медицинских сервисов, анализ интервью с

молодыми девушками и юношами показывает крайне ограниченное обращение к профессиональной медицине. В рамках индивидуальных опытов врачебный контроль не востребован. И здоровье, и нездоровье оцениваются и осваиваются, исходя из телесных ощущений, и окружаются доступными способами поддержания/совладания. Только в экстренных ситуациях нехватки внутрисемейной или индивидуальной компетенции молодежь обращается за медицинской помощью:

«А ну это уже... к врачу я тоже не хожу. Нет, ну, хожу, если что-нибудь там нестандартное, да, там» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«Ну, я неделю дома лежала... Просто не могли понять, что там... Странно все было... Потом через неделю мама все-таки решила вызвать врача. Поскольку я... у меня температура никак не снижалась. И оказалось, что у меня воспаление легких» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«Ну, допустим, зуб у меня болит, я к врачу пойду. Потому что таблетками вылечить... там уже не пройдет, а если пройдет, то ненадолго. А так я по врачам не хожу – тьфу-тьфу! И не надо – спасибо!» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Ну, я иду к врачу, к своему участковому в поликлинике то есть. А обстоятельства? Когда, ну, я совсем понимаю, что мне самой с этим не справиться, я не понимаю, что это как бы, от чего оно будет как бы, как это лечить и как оно пройдет вообще. И пройдет ли оно» (жен., 20 лет, инт. № 9).

За исключением указанных «острых» случаев, врачебный мониторинг здоровья в жизни учащихся ссузов связан с внешним принудительным институциональным контролем. Профилактическая диспансеризация навязывается, а не является, как в модели У. Кокерхама [Cockerham, 2005], частью здорового образа жизни:

«Тут иногда какие-то проверки в училище, какие-то медицинские» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«Ну, это в основном связано с документами, когда оформляешься там, допустим, вот с военкоматом недавно разбирался, приходилось ходить. Вот» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Просто я имею ввиду, что в школе нас так обследовали и как бы нас собирали полностью классом, и в школе нас водили в поликлинику в нашу. И полностью все на проверке стояли, что

дети все здоровые, все хорошие... Ну, сейчас вот тоже приходили в училище два врача. Приходили два врача, и вот они нас тоже так же проверяли» (жен., 17 лет, инт. № 11).

«Только по военкомату обследования, и все» (муж., 18 лет, инт. № 61).

«Ну, вот эти школьные, в основном, обследования. Сейчас вот санитарную книжку делали, там тоже вот ходили по некоторым врачам» (муж., 18 лет, инт. № 50).

Профессиональная медицина, по материалам интервью, в большей мере включена во властный биополитический контроль, нежели в повседневную заботу о здоровье на индивидуальном уровне. Она рассматривается как лицензированный поставщик легитимных документов, подтверждающих «здоровье» или «нетрудоспособность»:

«А недавно я брала освобождение от физкультуры. То есть, ну, очень большие здесь нагрузки, я не могу, просто у меня, у меня сердце просто начинается, и давление подскакивает очень» (жен., 17 лет, инт. № 7).

«К врачам обращаюсь? Ну, да, иногда, чтоб справку от врача получить» (муж., 18 лет, инт. № 60).

При этом медицинская система не мыслится как преграда, а скорее как ресурс, который можно использовать в собственных интересах:

«К врачам? Редко... когда мне лень учиться. Тогда идешь к врачам, говоришь: «Все, я заболел». Тебе дают отпуск на три дня» (муж., 18 лет, инт. № 31).

«Много врачей обошли, наверное, год собирал все эти справки. Шил дело себе, чтобы не пойти в армию. Жутко, конечно, по врачам этим ходить, потому что время отнимало. И вообще не нравится, когда в тебя тыкают палочками всякими (смеется). По всем врачам. То есть... ну да, по всем врачам, потому что искали все возможные болезни, потому что чем больше, тем лучше, тем больше шансов откосить. Лишь бы попалась бы такая, которая поможет откосить, или они все в совокупности помогли бы» (муж., 19 лет, инт. № 45).

Профессиональная медицина находится на периферии повседневного опыта исследуемой молодежи. К ее «знанию»

обращаются в экстремальных случаях, когда не хватает наличествующей у индивида компетенции для совладания с проблемой, к ее «власти» обращаются в вынужденных ситуациях необходимости легитимного освидетельствования здоровья/болезни.

Заключение

Телесный опыт молодежи встроен в биополитические рамки медицины как системы глобального контроля. Поскольку именно она осуществляет принудительный диспансерный мониторинг и обладает полномочиями давать легитимные заключения относительно здоровья.

Однако это система не тотальна: ее можно использовать в собственных интересах и можно игнорировать в повседневной жизни. Профессиональное медицинское знание востребуется только в экстренных ситуациях, с которыми индивиду не справиться самому.

В рутинной оценке собственного здоровья/нездоровья юноши и девушки не используют медицинскую экспертизу, не заимствуют медиализированную рационализацию и объективацию телесности. Тело конституируется не как особый объект заботы и инвестиций, а как чувственная, эмпирическая часть самости. Оценка собственного здоровья строится на основании соматического благополучия. «Болезнь» же мыслится как переживаемый здесь и сейчас физический дискомфорт. Хронические заболевания не исключают индивида из круга здоровых, они окружаются навыками, позволяющими совладать с ними, и рассматриваются скорее как специфика организма.

Знания и умения обращения с заболевшим телом являются частью культурной традиции и семейной практики заботы о здоровье. Необходимые компетенции транслируются родителями, накапливаются в результате предыдущих экспертных назначений и советов. Лечение дома «народными» и доступными средствами, дистанцирование от профессионального медицинского вмешательства конституируют «болезнь» как «нормальную» часть телесного опыта.

Однако общие рассуждения о том, кого можно считать здоровым человеком, а кого нет в данной молодежной среде, связывают

тело со здоровым образом жизни. Где больным признают того, кто не следует правильным конвенциональным нормам заботы о теле, соответственно, не контролирует свою жизнь и социально дисквалифицируется.

В целом, подобные практики характерны, как отмечают исследователи, для низкодоходных групп населения. Что связывается не столько с недостатком материальных ресурсов или с жесткими структурными ограничениями, а с уровнем образования и культурной компетенции [Аронсон, 2009]. И можно предположить, что эти молодые девушки и юноши просто не освоили те медикализированные стратегии контроля над телом, которые демонстрирует «средний» класс. И что артикулированная связь «здорового образа жизни» и социальной легитимности есть попытка «символического» встраивания в доминирующие культурные коды. Однако можно в этом опыте увидеть и тактику сопротивления медицинской гегемонии, способ сохранения собственной, в том числе и телесной, автономии.

Литература:

1. Багнетова Е. Влияние семейных факторов на образ жизни и здоровье старшеклассников // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 139-142.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Республика; Культурная революция, 2006.
4. Бороздина Е. «Правильная» беременность: рекомендации медиков и советы обывателей // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 254-276.
5. Браун Дж., Русинова Н., Панова Л. Гендерные неравенства и здоровье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114-122.
6. Бредникова О. Покупая компетенцию и внимание: практики платежей во время беременности и родов // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 211-233.
7. Варламова С., Седова Н. Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 75-88.
8. Дрига Л. Беременность и медицина: заметки на полях (ноябрь 2005-июль 2006) // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 279-323.
9. Ефименко С. Потребители медицинских услуг в бюджетных организациях и их самооценка здоровья // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 110-114.
10. Журавлева И. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66-74.
11. Здравомыслова Е., Темкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 179-210.

12. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Гендер, здоровье, медицина и интимная жизнь // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 6-21.
13. Кислицина О. Социально-экономические факторы риска психических расстройств подростков // Социологические исследования. 2009. №8. С. 92-99.
14. Куракин Д. Модели тела в современном популярном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. Т.10. № 1-2. С. 56-74.
15. Лахмунд Й. Изобретение слушающей медицины. К исторической социологии стетоскопии // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. – СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2008. С. 104-136.
16. Нилов В. События жизни и здоровье населения в условиях трансформирующегося общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3. С. 34-46.
17. Панова Л., Русинова Н. Неравенство в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127-136.
18. Проценко А., Свистунова Е. Образ жизни и стоматологическое здоровье // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 110-112.
19. Русинова Н., Панова Л., Сафронов В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87-100.
20. Сиора С. Искусство боли // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 5. С. 143-158.
21. Сочнев А. Поведенческие факторы здоровья молодежи // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1(6). С. 113-117.
22. Тапилина В. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 126-137.
23. Ткач О. Опыт пребывания в хирургическом отделении: лечение как испытание // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 393-407.

24. Федоткина С., Яцковская Л. Готовность к изменению образа жизни среди студентов и учащихся колледжей // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3(11). URL: www.sisp.nkras.ru.
25. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. – СПб: Наука, 2005.
26. Цветкова И. Здоровье как жизненная ценность подростков // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 105-109.
27. Шабунова А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.
28. Шиняева О., Падиарова А. Социальное неравенство и здоровье молодого поколения россиян. – Ульяновск: УлГТУ, 2010.
29. Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Геттингенского университета в середине XVIII-начале XIX в. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. – СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетея, 2008. С. 73-103.
30. Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. – СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетея, 2008. С. 8-40.
31. Шувалова В., Шиняева О. Здоровье учащихся и образовательная среда // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 75-80.
32. Bury M. Postmodernity and Health // Modernity, Medicine and Health. Medical Sociology towards 2000 / Ed. by G. Scambler and P. Higgs. London. New York: Routledge, 1998, Taylor and Francis e-Library, 2005. P. 1-27.
33. Cockerham W.C. Sociology of Mental Disorder, 7th Edition, Upper Saddle River. NJ: Pearson Prentice-Hall, 2005.
34. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1991.
35. Gimlin D. Cosmetic Surgery: Beauty as Commodity // Qualitative Sociology. 2000. Vol. 23. No. 1. P.77-98.
36. Greil A.L. Infertile Bodies: Medicalization, Metaphor, and Agency // Infertility around the Globe. New thinking on childlessness, Gender, and Reproductive technologies / Ed. by Inhorn M.C., Van Balen F., Berclay. Los Angeles. London: University of California press, 2002. P. 101-118.

37. Harwood V. Theorizing Biopedagogies // Biopolitics and the «Obesity Epidemic»: Governing Bodies / Ed. by J. Wright and V. Harwood. New York, London: Routledge, 2009. P. 15-30.
38. Higgs P., Scambler G. Explaining Health Inequalities. How Useful are Concepts of Social Class? // Modernity, Medicine and Health. Medical Sociology towards 2000 / Ed. by G. Scambler and P. Higgs. London, New York: Routledge, 1998. Taylor and Francis e-Library, 2005. P. 81-98.
39. Jonsson A. The Normal Baby-to-be. Lay and Professional Negotiations of the Ultrasound Image // Medical Technologies and the Life World. The Social Construction of Normality / Ed. by S.O. Lauritzen, L. Hyden. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. P. 93-114.
40. Lauritzen S.O., Hyden L. Medical Technologies, the Life World and Normality: an Introduction // Medical Technologies and the Life World. The Social Construction of Normality / Ed. by S.O. Lauritzen, L. Hyden. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. P. 1-17.
41. Martin E. The Woman in the Body. A Cultural Analysis of Reproduction. Boston: Beacon press, 2001.
42. Nadesan M.H. Governmentality, Biopower, and Everyday Life. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2008.
43. Nettleton S., Watson J. The Body in Everyday Life: an Introduction // The Body in Everyday Life / Ed. by S. Nettleton, J. Watson. London, New York: Routledge, 1998. P. 1-23.
44. Porter D. Health, Civilization and the State. A History of Public Health from Ancient to Modern Times. London, New York: Routledge, 1999, Taylor and Francis e-Library, 2005.
45. Rabinow P., Rose N. Biopower Today // Biosocieties. 2006. 1(2). P. 195-217.
46. Rothschild J. Prenatal Diagnosis and Disability: the Ultimate «Technological Fix»? // Yearbook 2006 of Institute for Advanced Studies on Science, Technology and Society / Ed. by A. Bamme, G. Getzinger, B. Wiese. Graz, Munchen. Wien: Profil, 2006. P. 217-244.
47. Wright J. Biopower, Biopedagogies and the Obesity Epidemic // Biopolitics and the «Obesity Epidemic»: Governing Bodies / Ed. by J. Wright and V. Harwood. New York, London: Routledge, 2009. P. 1-14.

Анастасия Минькова

Пищевые практики российской молодежи:
почему фастфуду пока не удалось
победить домашнюю кухню

*Тщательно пережевывая пищу,
ты помогаешь обществу*
Ильф и Петров
«Двенадцать стульев»

Еда и все, что с ней связано, занимает едва ли не главное место в жизни современного «продвинутого» человека. Приготовление пищи перешло в разряд культурного феномена, потеснив интерес к одежде. Блоги с рецептами популярнее блогов о моде – сделать такой вывод позволяет хотя бы их количество, не говоря уже о числе подписчиков. «Рубрики о еде заполнили глянцевого журналы и газеты, они успешны потому, что доступны каждому. Вы, возможно, не сможете себе позволить купить дизайнерский наряд из последней коллекции, но вы всегда можете приготовить рататуй или суп из зеленого чили, или киш со шпинатом, или еще что-то и почувствовать себя на гребне модной волны» [Фох, 2002].

Европейские тенденции, о которых Р. Фокс писал еще десять лет назад, в полной мере отражают сегодняшнюю ситуацию в России. Кулинарные шоу с участием известных людей идут практически на всех телевизионных каналах, в каждом издании обязательно есть рубрика о еде с рецептами. Степень сложности блюда и ценовая категория ингредиентов, как правило, коррелирует с уровнем доходов аудитории. Например, региональная газета выпускает сборники из рецептов читателей. А в глянцевых журналах колонки о еде ведут известные рестораторы вроде Алексея Зимина. В социальных сетях действует масса групп с говорящими названиями например «Cook It!», и способа защитить френд-ленту от их рецептов не существует, поскольку даже проверенные подписчики иногда покупаются на красивое фото с едой и спешат «запостить» его на своей стене.

На фоне этого бесконечного пиршества все отчетливее проявляются две тенденции: еда должна быть здоровой и эстетичной. Нас в рамках нашего исследования больше интересует первая, поскольку «здоровая пища» напрямую связана со «здоровым телом» и вписана в регулирующие властные дискурсы. Установка на «здоровое питание» транслируется через медиа-ресурсы. «Нам постоянно твердят, что нужно съедать в день пять разных фруктов или овощей, не увлекаться мясом, есть больше рыбы и т.д.», – говорится в научно-популярном блоге «Интересник» [interesnik.com, 2012].

Фигура человека, который заботится о том, чтобы его пища была здоровой, становится иконой рекламных кампаний производителей кухонной утвари. Например, на популярном кулинарном портале «Кулина» находим следующие постулаты: «Человек, прежде чем приготовить блюдо, все чаще задумывается над тем, как бы ему сохранить витамины и питательные вещества, при этом чтобы вкус и вид готового блюда не пострадали», «Что такое пароварка для современного человека, который по мере возможности старается заботиться о своем здоровье и здоровье своей семьи?» [kulina.ru, 2012]. У читателя формируется представление о сегодняшней норме: пища должна быть здоровой, максимально насыщенной полезными для человеческого организма элементами, а человек должен думать и заботиться о своем здоровье.

В отличие от взрослых молодежь меньше подвержена влиянию медиа-дискурса о еде, в частности, его главного оракула – телевидения: по данным компании TNS время телесмотрения в молодежном сегменте (4-34 года) снизилось за три года (2006-2009 гг.) с 3 часов 08 минут до 2 часов 39 минут. При этом меньше всех – 2 часа 23 минуты – телевизор смотрят дети и подростки (4-17 лет) [infox.ru, 2009]. Молодежь, активно осваивая культурные практики, формирует свои представления о том, какая еда может считаться полезной или здоровой, и какое влияние она оказывает на тело. Имея карманные деньги (живущие с родителями) или постоянный доход (работающие), юноши и девушки едва ли не ежедневно оказываются в ситуации, когда нужно делать самостоятельный выбор при покупке продуктов питания. Специфика этой ситуации заключается в том, что молодые люди покупают еду для себя, а не для семьи.

С исследовательской точки зрения наибольший интерес представляют установки молодежи относительно здоровой и полезной пищи на фоне действующего дискурса и, как следствие, – формирование различных стилей питания. В статье будут рассмотрены следующие вопросы: на каких агентов направлен сегодня властный дискурс о здоровой еде, какие традиции питания сложились в российских семьях, какова структура новых возможностей и как эти возможности реализуются молодежью.

В данной статье сначала рассмотрим питание в контексте биовласти и биопедагогики, затем традиции питания, которые сложились в России. Далее будет представлен анализ пищевых

практик современной учащейся молодежи на основании конкретного эмпирического материала¹.

Питание и биопедагогика

В исследовании региональных особенностей структуры питания россиян жители Санкт-Петербурга занимают место в кластере, который «на фоне остальных выглядит вполне благополучно» [Вторушина, 2011. С. 255]. Использование слова «благополучно» в данном контексте указывает на положение жителей региона относительно установленной нормы. Содержание углеводов, жиров и белков в рационе граждан фиксируется, чтобы контролировать структуру их питания и проверить ее на соответствие «норме», установленной органами власти. Биологические процессы, в число которых попадает питание населения, регулируются различными государственными системами: здравоохранения, статистики, демографии, страхования.

Описанию становления этих институтов посвящены исследования М. Фуко о биополитике и биовласти. Само понятие биовласти появилось в его работах в 1970-е годы, а более развернутое определение и концептуализацию он дал во время лекции из курса «Нужно защищать общество» 17 марта 1976 года в Коллеж де Франс. М. Фуко датирует период возникновения биополитики концом XVIII – началом XIX века. От общества дисциплины, где власть использовала инструменты, направленные на работу с телом, для создания индивида, происходит переход к обществу контроля, где в центре внимания оказывается человеческая масса. «А затем утверждается новая технология, обращающаяся к множественности людей, но не поскольку они сводятся к телам, а поскольку эта множественность, напротив, составляет глобальную массу, подверженную общим процессам жизни, каковы рождение, смерть, воспроизводство, болезнь и т.д.» [Фуко, 2005: 256]. При этом дисциплинарные практики не исчезают, к ним добавляются новые техники, и эта совокупность определяется как биополитика.

Помимо этого новая технология или биополитика имеет несколько особенностей. Первая – это появление категории «население»: «Оно ориентируется на новое тело: тело сложное, тело с множеством голов,

¹ Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

если не бесконечном, то нуждающемся в перечислении» [Фуко, 2005: 259]. Прежде власть имела целью индивида и его тело, дисциплинируя которое через набор определенных практик, она получала хорошо функционирующий, полезный инструмент. Вторая особенность – это изучение коллективных феноменов на большом отрезке времени. Власть интересует только то, что происходит с населением в целом и имеет политические и экономические последствия на «уровне массы». Третья – выработка механизмов, с помощью которых можно модифицировать жизненные процессы на глобальном уровне, то есть стимулировать рождение, продлить срок жизни, победить опасные заболевания. Главной функцией биовласти является регулирование и контроль с целью «заставить жить».

М. Фуко заостряет внимание на важном моменте: в государстве, которое стремится регулировать большие процессы, задавать рамки/нормы на уровне индивидуальных тел и всего населения, где власть берется за оптимизацию «жизни», происходит табуирование смерти. Поскольку смерть становится чертой, за которой кончается власть. «В любой ситуации, по любым причинам смерть рассматривается как окончательное зло», – развивает мысль философа австралийский исследователь М. Келли. И далее, обращаясь уже к примеру современной биополитики: «Это право людей на упорядоченный образ жизни, исключающий возможность смерти, тем более насильственной или непредвиденной (так сказать, неподконтрольной), которое, по существу, соответствует праву на уровне населения. То, что люди не обеспокоены ею, — это эффект биополитической технологии. Когда они чувствуют хотя бы малейшую угрозу внезапной смерти от террористического акта, они требуют от правительства всех возможных мер по предотвращению этой опасности...» [Kelly, 2004: 111].

Сегодня концепция биовласти претерпела изменения. Значимость биополитики значительно возросла, считает М. Келли. Нация, занимающая определенную территорию, утратила статус государства и превратилась в население, подверженное «всесторонним и непрерывным изменениям» [Kelly, 2004: 108]. Успех биовласти как технологии заключен в том, что она работает, когда принимается с желанием и пониманием. Поэтому основные задачи – это стимулировать население к сотрудничеству, требовать медицинского и гигиенического самоконтроля, воспроизводства, и постоянно мониторить его состояние.

Информация о том, как правильно проживать жизнь, транслируется на различных уровнях. Человеческая жизнь настолько регламентирована, в том числе законодательно, что исследователи говорят уже не биополитике, а о политиках жизни или о витальных политиках [Wright, 2009]. Многочисленные исследования о человеческом теле раскрывают смыслы, которые прежде были недоступны, – как функционирует организм, что работает на его благо, а что во вред. Эта область знания и есть власть. Она формирует представления о том, как проживать телесную жизнь правильно, и транслирует их через медиа. Таким образом, мы получаем информацию о том, что есть правильное питание, рождение детей, нормальный вес и хорошая форма, определяем для себя нормы физической нагрузки, регламентируем сон. А кроме того, мы начинаем думать, что таким образом мы способствуем укреплению здоровья семьи, страны, нации.

Помимо представлений о «правильной» жизни, необходимо дать населению знания и навыки. С этой задачей справляется биопедагогика [Harwood, 2009]. Эта система власти не имеет ничего общего с обучением школьников или действием внутри образовательной системы. Педагогика понимается здесь как более широкое поле, в котором задействованы медиа-каналы, Интернет-технологии, несущие знание о том, каким нужно быть, и формирующие у человека представление о том, что он непременно должен прожить полноценную и здоровую жизнь. Любые отклонения от нормы тут же маргинализуются. Примером такой стигматизации может служить кампания под названием «эпидемия ожирения». Таким образом, через биопедагогику, ориентированную на телесные практики – в данном случае еду, витальные политики конструируют новые проблемы.

Исследователи рассматривают «эпидемию ожирения» как стремление государства контролировать тела своих граждан, заглядывать им в тарелку, диктовать семейные установки о здоровом теле с помощью представлений о здоровом питании и активности. Семье в этом вопросе отводится ключевая роль, поскольку она связана с категорией «детство», где взрослые обязаны «защитить» молодых и, следовательно, уязвимых членов общества от рисков, связанных с ожирением. В риторике «эпидемии ожирения» проблематизируется не только потенциальный риск жизни в обществе «ожирения», но и склонность детей к нездоровым практикам и непредсказуемому поведению [Burrows, 2009].

Функцией семьи становится постоянная регуляция и контроль за питанием детей, которых биопедагогика конституирует как проблемных агентов. Перед взрослыми стоит задача научить детей «правильно питаться», чтобы затем они могли воспроизвести эти навыки в своих семьях в отношении своих детей. В этом и заключается эффективность биовласти – население принимает нормы и самостоятельно осуществляет процесс регулирования. Семья становится объектом государственного влияния.

Например, все усилия и ресурсы правительственной кампании по борьбе с ожирением в Австралии, как говорит Л. Барроуз, направлены на то, чтобы убедить родителей, что потеря веса ребенком является желанной целью для семьи, и связанной с этим необходимостью обеспечить их информацией и навыками для достижения этой цели [Burrows, 2009]. Биопедагогика в этом смысле сделала семью формой государственной власти, которая регламентирует «нормы», затрагивающие вопросы ожирения, физических упражнений, потребления продуктов питания. Предписания для родителей распространяются через Интернет-ресурсы, ТВ и другие медиа – они касаются даже того, сколько времени дети могут проводить перед экранами телевизоров и мониторами компьютеров.

Вместе с тем Интернет-ресурсы и телевидение вовлечены в процесс формирования у молодежи и детей представлений о здоровом образе жизни через удовольствие – в этом участвуют такие знаменитости, как Телепузики и Губка Боб Квадратные штаны. Очень многие программы направлены на то, чтобы научить родителей контролировать вес детей и помочь им похудеть. Доходит до того, что в Новой Зеландии и Австралии в СМИ активно пропагандируется медицинский контроль за весом младенцев, начиная с четырехмесячного возраста. Это встречает сопротивление некоторой части населения, уверенной в том, что в первый год жизни вес младенца должен утроиться, и это нормальный физиологический процесс.

Поскольку домохозяйства сами контролируют рацион членов семьи, делая выбор в пользу тех или иных продуктов, объем «здоровой пищи» зависит от представлений того, кто несет ответственность за меню и его исполнение. Обычно в этой роли выступает женщина – мать, жена, хозяйка. Поэтому матерям предписано следить за тем, что потребляют их дети не только дома, но и вне его. Журналы советуют взрослым, как «обмануть» детей и заставить есть здоровую

пищу, а в он-лайне получила распространение игра «Пикник», где побеждает тот, кто отказывается класть в корзинку с продуктами мороженое или печенье.

Родители также обязаны контролировать содержимое ланч-боксов детей, которые они берут с собой в школу. Исследователи констатируют: взрослые члены семей включены в этот процесс настолько, что родительское участие становится ключевой дисциплинарной техникой для укрепления поведенческих навыков ребенка, ведущих к снижению риска ожирения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что основными признаками биополитики является сочетание функций контроля и регуляции, а объектом ее влияния – население. Влияние биополитики значительно возросло в XX веке, когда знание о том, как правильно проживать жизнь стало транслироваться с помощью медиа-ресурсов. Посредством витальных политик и биопедагогики регулируются многие процессы в жизни индивида, в том числе пищевые практики. Тело ребенка проблематизируется как тело риска, поскольку он может употреблять «вредную» пищу или злоупотреблять высококалорийными продуктами, не соблюдать режим питания и тем самым наносить вред своему здоровью. Ответственными за то, чтобы этого не случилось, избраны старшие члены семьи. Их задача – выработать у детей представления о нормальном питании и привить им соответствующие навыки. Таким образом, семье, являющейся объектом государственного влияния, делегируются функции регуляции и контроля за рутинными повседневными практиками ее членов.

Модели общественного питания

Помимо контроля за структурой питания граждан, государство задает определенные модели или стили питания, которые считаются «нормой». Рассмотрим, как эта технология применялась в годы советской власти, поскольку этот период наиболее «близок» современным российским семьям. Детство и юность родителей наших информантов пришлось на этот период, а их бабушки и дедушки прожили большую часть жизни в Советском Союзе. Мы проследим в хронологическом порядке, как менялись властные техники регуляции и контроля за питанием трудящихся.

Главной задачей большевики считали обеспечение трудящихся ежедневной пищей. Исходя из этой цели, началось строительство

новой системы общественного питания. К процессу организации были подключены органы самоуправления, общественные столовые (открытые и закрытые) возникали при фабриках, заводах и учреждениях. Особое значение общепит приобрел во время голода и гражданской войны. В Петрограде в тот период работало больше 700 столовых, в Москве - 1100.

Целью создания системы общественного питания было не только улучшение ситуации в период продовольственного кризиса, но и перевоспитание общества, уничтожение «индивидуального питания», как самого опасного стимула наживы и частной собственности. Это было первое условие «перехода от мелкого одиночного, домашнего хозяйства к крупному обобществленному» [Ленин, 1967: 369]. Новое общество должно было коллективно питаться, поэтому практике домашних обедов, как проявлению буржуазности, была объявлена война.

Например, в Петрограде все горожане прикреплялись к общественным столовым, отдавая часть своего пайка в виде продовольственных карточек. В школах, куда получили доступ дети рабочих, большевики пытались наладить бесплатное питание за счет горожан независимо от того, являются они родителями или нет. Был создан Фонд детского питания, подпитываемый новыми налогами; ими облагались холостяки и девицы, покупатели билетов в кинематограф и театр, буржуазия. В июне 1918 года правительством Москвы был учрежден «Детский день» - в течение месяца каждая московская семья должна была перечислить в Фонд от 15 до 50 рублей, а в случае неисполнения грозили санкции вплоть до удержания (до 25%) зарплаты [Федоров, 2009].

Воспитательная функция коллективного питания актуализировалась в период индустриализации, и все же нарастить темпы пищевой индустрии, чтобы люди совсем отказались от домашней пищи, не позволяли экономические условия и перебои с продовольствием. Информационная кампания стала работать на создание образа человека нового быта, который не обременен домашними хлопотами, а всего себя посвящает труду. По большей части она была адресована крестьянскому населению страны, которое хлынуло в города и встало к заводским станкам. Переход к городскому образу жизни, где человек включен в инфраструктуру здравоохранения, образования, питания, формировал работника индустриального типа [Ким, 2010].

Советское общество брало на себя функции женщины-матери-хозяйки. Проектировались и строились здания, функционал

которых отвечал идеологии нового быта. Например, фабрики-кухни, совмещающие производство полуфабрикатов, заготовок и готовых блюд с торговыми залами и помещениями для приема пищи. Они размещались в рабочих районах вблизи от промышленных предприятий. Важным принципом работы фабрики-кухни являлась высокая механизация процессов производства. Некоторые из таких предприятий могли выпускать до 60 тысяч обедов в день.

В то же время выявляются проблемы: очереди, антисанитария, плохое качество пищи, нерациональная организация подачи блюд. Они вытекали из специфики системы, которая заключалась в одномоментном обслуживании значительных масс населения в промышленности и сельском хозяйстве. 19 августа 1932 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению общественного питания». Среди мероприятий, направленных на улучшение работы имеющихся столовых, значится установка специального наблюдения за санитарным состоянием предприятий общественного питания со стороны органов здравоохранения и общественности, а также привлечение виновных в «допущении антисанитарного состояния столовой» к ответственности по суду.

Возникает система государственного надзора за предприятиями общественного питания: специальные научные институты разрабатывают рацион для разных групп населения с учетом возраста, потребностей в энергии, физической нагрузки, условий работы. Другие органы формулируют санитарные правила и нормы для предприятий общественного питания, регулируют их структуру и размещение вплоть до количества помещений и их площади, видов и типов оборудования. Еще одной специфичной характеристикой советской системы общественного питания стали типовые проекты, которые во многом упрощали решение вопросов проектирования и строительства точек общепита [Иванов, 2004].

В 1950-е годы была сделана попытка нарастить темпы производства «пищевой индустрии», добиться преобладания общественного питания над домашней едой за счет повышения качества продукции, снижения цен, развития общепита по месту работы, продажи трудоемких кулинарных изделий, обслуживания населения на дому. Исследователи отмечают, что начиная с 1953 года подъем экономики СССР сопровождался идеологическим стремлением улучшить повседневную жизнь советских граждан, воспитать общество потребления в условиях «развитого социализма». Господствующие

с 1920-х годов категории «полезности», «гигиеничности» и «рациональности» во властном дискурсе уступают место «вкусу», «разнообразию», «изобилию», которые больше ассоциировались с западными образцами благополучной жизни [Запорожец, Крупец, 2008: 318].

Трансформация идеи заключалась в том, что сохранялись «старые» принципы функционирования общественного питания, при которых главным было рациональное, здоровое, качественное, гигиеничное питание – их обеспечением занимались профессионалы (от ученых до повара). «Новым» было то, что пища, произведенная согласно строгим расчетам или по формуле в условиях, напоминающих медицинское учреждение, наделялась правом быть «вкусной». Был смещен фокус с социально-ориентированной направленности на досугово-развлекательный. Появились кафе, где играла музыка и можно было проводить время. Но они были экономически не оправданы – за вечер посетители могли заказать одну чашку кофе.

Пропагандируемое властью разнообразие зачастую оставалось декларированным: количество социально-ориентированных предприятий общественного питания значительно превышало количество предприятий «высокой кухни», которых были единицы, как, например, ресторан «Прага» или «Арагви» в Москве; граждане сталкивались с дефицитом мест общественного питания, низким качеством пищи и обслуживания. Питание для приезжего или командировочного становилось проблемой, поскольку сеть общепита закреплялась за производством и учреждениями.

Эпоха социально-экономического кризиса, которую пережило население страны и каждая семья в отдельности, сказалась на системе общественного питания. По сути, система, построенная в СССР, рухнула вместе со страной. «Снижение уровня жизни, вызванное отставанием темпов роста доходов населения от темпов роста потребительских цен, существенно изменило структуру семейных бюджетов в сторону увеличения доли расходов. Значительно ухудшилось качество питания детей, его состав постоянно смещается в сторону прогрессирующей углеводной модели потребления. Резко сократилось потребление ценных в биологическом отношении продуктов – овощей, фруктов, мясных, рыбных, молочных изделий», – говорится в «Национальном плане действий в интересах детей», подписанном президентом Б. Ельциным в 1995 году.

Специфика российских реформ заключалась в том, что произошло быстрое расслоение общества. И главным критерием, определяющим разницу потребляемых продуктов питания, стал доход. «Разница между слоями населения в зависимости от доходов по энергетической ценности потребляемого продовольствия, по его объёму быстро дала о себе знать. Она стала формироваться уже в первые два года перестройки. В экстремальных условиях 1990-х годов связанные с разницей в доходах различия в структуре питания не только быстро сложились, но и обрели ярко выраженный, рельефный характер» [Арская, 2007: 157].

Значительно сократилось число столовых на предприятиях, исчезли диетические столовые, цены на еду вне дома сильно подросли, что создало трудности для большей части работающего населения. Полноценные обеды стали заменяться «перекусами» или едой «всухомятку». Согласно данным 2003 года, семьи с самым низким доходом могли потратить на питание вне дома меньше 1% средств, выделяемых на продовольствие, в то время как в семьях с высоким доходом на походы в рестораны и кафе тратилось до трети «продуктовых» средств, - такие данные «Мониторинга социально-экономического потенциала семей» приводит в своей книге Л.П. Арская [Арская, 2011: 161].

Сегодняшняя ситуация с питанием россиян значительно улучшилась. С экономическими переменами возникли новые рынки, в страну начали поступать импортные товары. Появились принципиально новые продукты: например, генно-модифицированные овощи и фрукты (то есть продукты с заданными свойствами), усилители вкуса, фастфуд, органик-продукты (то есть «экологически чистые»). Выросло потребление полуфабрикатов, люди стали есть меньше картошки и хлеба. Сформировалась такая система общественного питания, где кроме уровня дохода не менее важным фактором дифференциации служит стиль жизни.

«Статистика потребления продовольственных продуктов разными социальными группами показывает, что за последние 10 лет бедные россияне стали питаться гораздо лучше — буквально совершили скачок в качестве жизни, а вот рацион богатых как был убогим с точки зрения диетологии, так и остался таким. Если смотреть не на цены продуктов, а на структуру питания самых богатых и самых бедных россиян, то окажется, что в целом она не сильно различается», - говорится в статье «Ведомостей» со ссылкой

на доклад специалистов в области социальной политики «Прощай, нищета» [«Ведомости», 2012].

И все же россияне мало едят вне дома. Социологи свидетельствуют о том, что качественный состав потребляемых продуктов аналогичен «западному», но уступает ему по количественным показателям. И объясняют это недостаточной степенью вовлеченности в «западный» мир потребления с его гетерогенной структурой питания [Вторушина, 2011: 253], поскольку в «западной» традиции потребитель гораздо чаще россиян делает выбор в пользу еды вне дома. Это подтверждают цифры: согласно данным количественного исследования досуговых практик жителей Москвы и Санкт-Петербурга, посещение кафе, баров и ресторанов является наименее распространенным способом проводить свободное время даже среди молодежи [ВЦИОМ, 2011].

В этом смысле интересно понять феномен фастфуда, как наиболее привлекательного для молодежной аудитории. Ресторан «Макдональдс» стал его символом. «Пищевая индустрия» братьев Ричарда и Мориса Макдональдов рождалась в послевоенное время, отмеченное появлением нового общества потребителей. Они были одними из тех, кто строил бизнес на удовлетворении потребностей в недорогой и быстрой еде. Но сегодняшнее распространение фастфуда в ряде стран вызывает сопротивление на уровне властного дискурса.

Исследователи «Макдональдса», среди которых Э. Шлоссер, получивший за работу Пулитцеровскую премию, отмечают прицельную ориентированность этой пищевой индустрии на детскую аудиторию [Шлоссер, 2002]. В 1970-е годы, когда в США случился бэби-бум, бизнес-управляющий «Макдональдса» лично обследовал американские города с целью определить дислокацию школ, чтобы затем открыть неподалеку ресторан с площадкой для детского отдыха – они тогда были в дефиците. В своем исследовании Э. Шлоссер сообщает о 8000 игровых площадках на территории «Макдональдса» в США, действующих в настоящее время. Потребление гамбургеров и колы детьми с тех пор выросло в три раза.

Этой же проблеме посвящена книга М. Блендинга «Coca-Cola. Грязная правда», недавно вышедшая на русском языке. М. Блендинг рассказывает об экспансии автоматов с газировкой в школы США, которая подпитывалась сугубо материальным интересом учебных заведений, лишенных после ряда реформ в налоговой и

образовательных системах государственной поддержки. М. Блендинг пишет о том, что «Кока-Кола» не предоставляла альтернативы, загружая в автоматы исключительно газировку, а не соки или питьевую воду, также имеющиеся в линейке напитков компании [Blanding, 2011].

Учебные заведения США распахнули двери перед производителями фастфуда и газировки, чтобы получить средства на улучшение условий обучения детей. Дети сами совершают ежедневный выбор готовых блюд и напитков в школьных столовых, где им предлагают картофель фри, сладкие газированные напитки, гамбургеры. Ни учителя, ни родители не могут влиять на это, поэтому сегодняшняя борьба с «эпидемией ожирения» на уровне правительственных программ вышла за рамки работы с понятиями «вредная» и «полезная» пища. Усилия направлены на то, чтобы культивировать в молодежной среде «правильное» отношение к своему телу, которое, в частности, выражается в умении контролировать беспорядочное потребление еды.

Фастфуд популярен, потому что гарантирует свободу от родительских установок о «полезной» пище, низкие издержки и включение в универсальную культуру потребления. По мнению И. Сохань, фастфуд может быть назван гастрономическим дискурсом, вовлекающим человека и провоцирующим его на активное потребление. Рассматривая кулинарный уровень еды, приготовленной в фастфуде, исследователь отмечает отсутствие такого базового паттерна, как связь повседневно приготовляемой пищи с женщиной. Ее замещает «пищевая индустрия», которая предлагает употребление пищи, сделанной из полуфабрикатов и выведенной за рамки привычного потребления. Фастфуд маркирует собой «особый цивилизационный стандарт жизни, принадлежность к которому импонирует большинству людей» [Сохань, 2011: 268].

Гамбургер и кока-кола – символы глобализации. Потребляющий фастфуд может почувствовать себя частью единого социального пространства, которое создает унифицированный тип человека: его телесности, мировоззрения, образа жизни, мироощущения. В то время как традиционная пища, по мнению исследователя, не давала такой свободы, а, наоборот, – разграничивала «свое» и «чужое», символизировала укорененность в бытии. Здесь идет речь о происхождении фастфуда, его американских корнях и связи с культурой эмигранта – человека, оторванного от родной

земли, который мечтал о насыщении. Именно американская культура сделала ключевой ценность труда, работы, ради которой человек мог преодолеть присущую его телесности связь с родной землей ради возможности трудиться и реализоваться через активную деятельность в любом другом месте. Потребность в продуктах, необходимых для приготовления традиционной пищи, отодвинулась на второй план. Фастфуд - дешевая и сытная пища, дающая моментальное насыщение, - способствует тому, чтобы унифицировать мировое пространство и почувствовать себя частью универсальной культуры [Сохань, 2011].

Молодежное потребление тесно связано с досугом и свободным временем. В этом смысле посещение фастфуд-кафе с друзьями рассматривается как практика, не лишенная элемента игры или риска. На территории, которая обычно контролируется взрослыми, задающими рамки «полезной» еды, они чувствуют себя людьми, имеющими реальные полномочия сделать свой собственный выбор, отступить от правил и предпочесть «вкусное и вредное» «полезному». Первым подростковое потребительство и «неправильное» поведение молодежи на рынке описал в 1959 году М. Абрамс. Его книга «Подростковое потребительство» посвящена исследованию новой потребительской группы, возникшей в Великобритании в послевоенное время. Это была молодежь, оказавшаяся в условиях благополучия и потребительского бума, свободная от обязательств перед родительскими семьями. В отличие от взрослых, они тратили деньги на «краткосрочный гедонизм», «моментальное удовольствие» [Омельченко, 2000].

В России, где наблюдается бум торгово-развлекательных центров, различных культурных пространств, сетевых заведений, наиболее посещаемыми заведениями общественного питания остаются фастфуды. Согласно результатам исследования «Рынок быстрого питания (фастфуда) 2012», проведенного агентством РБК.research, рестораны быстрого питания за последние полгода посещали около 70% опрошенных жителей крупных городов России (100 тыс. +) в возрасте от 18 до 54 лет [РБК.research, 2012].

При этом настоящими любителями фастфуда, как отмечают исследователи, является молодежь, что связано с ее социально активным поведением, мобильностью, а также меньшей приверженностью к здоровому образу жизни и питанию. О том, какие практики воспроизводит молодежь, какие стили питания она выбирает, показывает наше эмпирическое исследование.

Практика еды: рутина и эксперимент

Повседневные практики молодежи, которую мы опросили в ходе нашего исследования, во многом схожи: занятия в учебном заведении, общение с друзьями, прогулки, реже – занятия спортом. Поскольку наш интерес связан с питанием, то было интересно понять, разнятся ли представления юношей и девушек о здоровом, правильном питании, какую стратегию пищевого поведения они считают приемлемой для себя и какие стили питания выбирают. В условиях многообразия большое значение приобретает символическое потребление, когда материальная составляющая потребляемого уступает самому факту покупки. Поэтому также попробуем разобраться со смыслами, которыми наши информанты наделяют покупку еды.

Кто отвечает за стол и стул

Преимущественно наши информанты проживают в родительских семьях, что задает определенную рамку в их практиках по приготовлению пищи, покупке продуктов, организации повседневного режима питания. В этой части статьи рассмотрим, как происходит взаимодействие старших и младших членов семьи в сфере домашнего питания, и определим функционально-поведенческие мотивы всех агентов. Принимаются ли модели, предлагаемые родителями, или же, наоборот, отвергаются детьми, которые стремятся к большей самостоятельности в этих вопросах, так же как, например, в вопросах личного времени.

Начнем с того, что режим дня наших информантов в связи с учебной в лицее/колледже изменился. Они проводят больше времени на занятиях по сравнению со школой. К тому же у большинства «шестидневка», то есть на неделе выдается только один выходной день. Распорядок дня задает режим питания: завтрак дома, затем занятия с обеденным перерывом, возвращение домой и поздний обед, свободное время, ужин:

«Обычно утром позавтракаю, там в лицее, и вечером дома» (муж., 17 лет, инт. № 13).

«Завтрак – это перед учебной. Часов в семь. А обед это, наверно, часов в двенадцать. Ужин в четыре. И вечером, часов в семь-восемь (смеется)» (муж., 18 лет, инт. № 61).

«Я думаю, раза три (ем), потому что, когда я учусь, я дома появляюсь только утром и вечером» (муж., 18 лет, инт. № 48).

«Утром примерно в 7:10, за обедом в 13:25, обедаю дома я, ну, как закончатся пары, я приеду, ну, это обычно бывает где-то примерно в пять, в шесть, где-то так, а ужинаю я, ну, где-то часов в девять» (жен., 16 лет, инт. № 8).

В воскресенье этот порядок меняется. Большинство информантов стремятся подольше поспать и пропускают завтрак, а их день начинается после полудня:

«Да, в будний день обычно я встаю рано, если у меня занятия как бы, а у меня занятия в 9:30, как бы пара первая, четыре дня в неделю,... а вот в воскресенье обычно я отрываюсь по полной... Я просыпаюсь часа в 4 часа вечера или в 5, и мы вроде как завтракаем, но это уже как бы понятно, что это уже ужин просто...» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«У меня шестидневка, и поэтому воскресенье – единственный день, когда можно поспать нормально по-человечески. Поэтому я сплю до середины дня, встаю – у меня, естественно, только начинается какое-то оживление часа, наверное, в четыре» (жен., 18 лет, инт. № 35).

«Если посчитать, что на выходные я встаю в обед... что часа в два я приступаю... в двенадцать, то там уже немножко по-другому. Обед получается и потом уже... позже» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«В выходные, да: наверное, я завтрак, наверное, скорее всего, пропускаю, я потому что сплю» (жен., 17 лет, инт. № 7).

«На выходных я сплю дольше, поэтому ем позже. И ложусь позже, поэтому могу перед сном еще покушать и лечь спать» (жен., 18 лет, инт. № 12).

Юноша или девушка, оставшиеся с родителями, продолжают жить по распорядку, заведенному с того времени, когда они были школьниками. Их главной обязанностью является учеба. Все заботы, связанные с приготовлением пищи, покупкой продуктов для семьи, лежат на родителях – как правило, маме или бабушке. Особенно часто об этом говорят юноши, но девушки также не включены в рутину домашнего хозяйства:

«У меня готовят всю еду. Я, пока живу с родителями, не парюсь насчет еды» (муж., 19 лет, инт. № 32).

«Обычно мама готовит. Я не люблю и не умею готовить» (муж., 16 лет, инт. № 15).

«Ну, по-разному бывает. Вообще мама старается все готовить» (муж., 18 лет, инт. № 24).

«Готовлю, но тоже редко, потому что у меня мама на этом поприще» (жен., 18 лет, инт. № 35).

«Потому что, в основном, как бы просыпаешься, собираешься, тебе приносят еду, ты кушаешь и убегаешь» (жен., 18 лет, инт. № 47).

Мы видим, что фигура взрослого, родителя доминирует на домашней кухне. Дети, которые даже умеют готовить, не решаются оспорить ее преимущества. Есть несколько вариантов, при которых забота взрослых детей о собственном питании считается легитимной: если родители какое-то время отсутствуют дома, если появляется семья или постоянный партнер, а также если девушка или юноша живут отдельно от родителей и ведут хозяйство самостоятельно:

«Да, могу сам приготовить, но сейчас пока, когда мама приехала, сейчас я уже сам не буду готовить» (муж., 15 лет, инт. № 20).

«Что-то я приготовить могу, но поскольку живу с родителями, то не всегда требуется» (муж., 19 лет, инт. № 45).

«Домой прихожу – всякие бульончики, щи. Бабушка супчики варит» (жен., 19 лет, инт. № 27).

«Я теоретически могу все, практически, ну, не приходится, потому что дома еда всегда есть, если еды нет, то могу все приготовить» (жен., 18 лет, инт. № 33).

«Да, я живу одна, сама покупаю продукты, выбираю сама, сама готовлю» (жен., 18 лет, инт. № 41).

«Нет, я не люблю заниматься кашеварством, для меня это, не знаю, ... может, со временем, как-нибудь со временем, когда я буду уже жить одна, в скором времени и я буду» (жен., 18 лет, инт. № 44).

«Ну, сами готовим, покупаем продукты. Я люблю готовить! Ну, супы, овощи, первое, второе, в основном. А по утрам так кашку каждый сам себе. Ну, разве что так для мужа и сына» (жен., 22 года, инт. № 43).

«Да, я раньше готовила. Сейчас парень ушел в армию, поэтому не готовлю. Готовить некому. Всё родители готовят. А так бывает, да» (жен., 19 лет, инт. № 27).

Разбираться в еде, то есть делать выбор при покупке тех или иных продуктов, решать заранее, чем будет питаться семья в течение

ближайших дней, тратить время на приготовление горячей пищи или пищи впрок, той, которую можно подогреть, – все это информанты относят к компетенции взрослых, родителей. Именно они обязаны обеспечивать питанием детей, заботиться о том, чтобы дети всегда были сыты. К тому же «ребенку» не доверяется процесс приготовления или пополнения запасов продовольствия, поскольку он еще многого не знает или несведущ в этих вопросах. Нередко в ответах информантов проскакивало деление продуктов на продукты для «семьи», которые покупаются по списку, и продукты «для себя»:

«Мне никто не доверяет... покупку продуктов. Обычно мама все это за меня делает» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Это дело бабушки моей. Ну, потому что она, у нее, думаю,... больше разбирается в еде, чем я» (муж., 18 лет, инт. № 61).

«Респондент: Я не люблю ходить по магазинам, поэтому я не хожу».

Интервьюер: То есть вы приходите, а еда уже есть?

Респондент: Да. Я не вижу в этом необходимости.

Интервьюер: И родители не просят?

Респондент: Да» (муж., 17 лет, инт. № 22).

«Ну, тоже надо, если как бы нет возможности и.м. выйти там или устали, ну что, скажут, что купить, как бы напишут там или, ну если не очень совсем много там, скажут, – я пойду куплю, принесу, мне не сложно» (муж., 17 лет, инт. № 23).

«Мама обычно говорит, что покупать надо. Я иду и покупаю» (муж., 19 лет, инт. № 17).

«Скорее, это просто по просьбе мамы. Я живу с мамой, и мама... она всем этим руководит: если она что-то не успела купить или забыла, она меня по дороге просит зайти и купить» (жен., 18 лет, инт. № 35).

Такой патерналистский подход существует во многих традиционных семьях и не подвергается критике со стороны подрастающего поколения. Молодые люди не тяготятся вниманием родителей к их режиму питания, даже если оно кажется излишним. Такая забота является нормой по отношению к взрослым детям, живущим с родителями в одном доме:

«Да, все время хотят меня накормить (родители). Каждый раз, когда видят, говорят: «Иди, покушай». У меня бывает, не хватает времени или я просто не хочу есть» (муж., 19 лет, инт. № 32).

В большинстве семей наших информантов существует «традиционный» уклад, при котором живущий с родителями ребенок считается таковым до момента создания им собственной семьи. Все функции по обеспечению семьи питанием берут на себя родители, даже если ребенок уже справил совершеннолетие и овладел навыками по приготовлению пищи. Практиковаться в приготовлении еды юноши и девушки могут в условиях отсутствия (длительного) взрослых дома. При восстановлении статус-кво молодежь отступает в тень и позволяет взрослым выполнять свой родительский долг, не пытаясь взять на себя часть ответственности за питание семьи. Как только молодые образуют пару и начинают жить вместе, пусть даже в родительском доме, они получают законное право обеспечивать себя питанием. То же правило действует в отношении молодежи, живущей без родителей. Не ведущие собственного хозяйства дети проблематизируются как глупые и неопытные. Обязанность родителей состоит в том, чтобы привить им два основополагающих навыка: дать представления о правильном режиме питания и полезной пище. Эту тему мы разовьем дальше.

В чем польза, брат?

Родители обладают, как уже было сказано выше, компетенциями в вопросах приготовления еды в домашних условиях. Этот статус предполагает также наличие у взрослых знаний о том, какая пища, продукты, являются полезными, здоровыми. Опираясь на эти представления, они совершают выбор в магазинах и супермаркетах. Дети получают информацию о полезной пище от взрослых, СМИ, также анализируя свой рацион. Рассмотрим, какие представления о домашней еде транслируют наши информанты, как это соотносится с критериями «полезной» пищи.

Первый постулат гласит, что еда, приготовленная дома, не может оказывать вредное воздействие на организм. Родительский авторитет не подвергается сомнению, а старшие родственники – бабушки – обладают в глазах молодежи более высокими компетенциями в вопросах приготовления полезной, или нормальной, домашней еды:

«Ну, нормальная домашняя пища, то есть здоровая. Не переперченная, не пересоленная» (жен., 18 лет, инт. № 34).

«Ну, вообще почти вся еда полезная, готовит, в основном, мама, редко - я» (муж., 18 лет, инт. № 39).

«Ну да, вкусно что? Домашняя пища... по-любому вкуснее как бы, полезнее, чем те же гамбургеры, потому что булка, котлеты соевые, что там хорошего!?» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Передача знаний о том, какая пища может считаться полезной и какой режим питания правильный – то есть не ведет к расстройству пищеварительной системы и обеспечивает ее нормальное функционирование – идет с самого детства. Трехразовое питание с обязательным употреблением каши на завтрак и горячего супа в обед – это классическая формула нормального режима, которая легко реконструируется из интервью респондентов. В детском сознании закрепляется суждение о том, что отступление от правил может привести к болезни или утрате здоровья.

«Хорошо там не в плане много и вкусно, а пища должна быть полезная» (жен., 17 лет, инт. № 40).

«Я бы могла бы вам рассказать, как я в детстве кушала, сейчас примерно также» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«Утром ела кашу – я каждый день со своего рождения ем кашу» (жен., 16 лет, инт. № 2).

«Ну, вот у нас сейчас супы все время дома есть. Поэтому у нас всегда обязательно каша, обязательно суп и обязательно второе: ну, овощное пюре или обычное пюре, я не знаю, макароны» (жен., 16 лет, инт. № 3).

«Меня просто уже с детства приучили, что в обед я должен поесть суп... Если я его очень долго не ем, у меня начинает болеть живот и все такое» (муж., 17 лет, инт. № 21).

«... у меня проблемы с желудком, тема эта с детства идет, поэтому как бы меня мама с детства приучила, что надо питаться правильно» (жен., 17 лет, инт. № 40).

«Для меня главная задача – не угробить голодом организм, потому что это вредно. Поэтому для меня задача – закинуть что-то в топку, чтоб горело» (муж., 18 лет, инт. № 51).

«Если мама говорит, что надо, – все-таки овощи полезны – то приходится через силу себя заставлять» (жен., 17 лет, инт. № 11).

«Я вообще завтракать не очень люблю, мама меня за это часто ругает, потому что она говорит, что нарушит мой пищеварительный тракт» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«В прошлом году покупал всякую гадость все равно, по неопытности. А в этом году я понял, что могут быть серьезные проблемы с желудком - всякие гастриты, язвы и так далее. И старался покупать более-менее здоровую пищу какую-нибудь, в упаковке, то, что мы обычно с родителями берем. Что-то проверенное» (муж., 19 лет, инт. № 45).

Ровесники, которые живут самостоятельно без родителей, воспринимаются как люди, которые испытывают определенные трудности в организации питания. Никто не приготовит для них домашнюю еду, что может иметь негативные последствия для здоровья. Таким ребятам стоит посочувствовать:

«Ну, вот у меня друзья, да... без родителей когда, постоянные пиццы там едят или какие-нибудь пельмени там, которые в микроволновке разогреют... мне их жалко. Их организм... ну, что с желудком у них будет, с организмом, нормального ничего не едят» (жен., 18 лет, инт. № 33).

Кроме родителей, авторитетными источниками информации о том, что полезно, а что вредно, являются медиа – в основном, телепередачи, а также Интернет и литература:

«Просто передачу смотрела нормальную, на НТВ которые идут, и вообще читать книги можно, там тоже про это все написано» (жен., 19 лет, инт. № 16).

«Столько программ видела, как это все делается» (жен., 18 лет, инт. № 12).

«...тот же самый телевизор... они не от балды говорят чаще всего...» (муж., 18 лет, инт. № 50).

«...сейчас как по программам говорят, что много программ идет, каждый продукт уже вреден, вплоть до хлеба» (муж., 15 лет, инт. № 29).

«Ну, ученые доказали, что это реально вредно!» (жен., 20 лет, инт. № 9).

«Я стараюсь быть в курсе всех исследований...» (жен., 18 лет, инт. № 46).

На этом фоне выделяется фигура ученого, знающего о том, какие конкретно негативные последствия для организма могут иметь те или иные продукты. Как правило, это медик, который может выступать ведущим или экспертом в передачах и статьях. Родители,

находящиеся под влиянием медицинского и властного дискурса о здоровом питании, используют свою власть, чтобы ограничить употребление вредных продуктов детьми: на покупку фастфуда или употребление продуктов из запрещенного списка накладывается вето. Взрослый, считающий, что он обладает неограниченной властью в вопросах питания в семье, воспринимается молодежью с долей иронии. А родитель с медицинским образованием и вовсе как перманентный домашний транслятор дискурса о здоровом питании:

«Мама у нас доктор,... поэтому она так нам мозг промывает вечно с правильным питанием...» (жен., 16 лет, инт. № 3).

«Интервьюер: Тебе мама, кстати, про «Макдональдс» ничего не говорит?»

Респондент: Говорит... тайно, тайно действую» (муж., 19 лет, инт. № 28).

«Она (мама) вообще не переносит еду в «Макдональдсе», единственное, что она разрешает, – это коктейли... молочные там с мороженым» (жен., 18 лет, инт. № 44).

«Есть такие мамочки,... которые своим детям запрещают кушать всякую... всякую эту гадость» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«Чипсы я самостоятельно втайне от мамы покупаю с сестрой и ем...» (жен., 16 лет, инт. № 2).

С точки зрения биопедагогики российские родители проводят довольно успешную политику и добиваются хороших результатов – к 15–18 годам дети знают о необходимости соблюдать режим питания и о негативных последствиях для здоровья в случае отклонения от него. Ставят домашнюю еду по «полезности» выше той, которая предлагается в заведениях общественного питания, и предпочитают питаться дома. При этом домашняя еда не анализируется с позиций калорийности, содержания в ней генно-модифицированных продуктов, усилителей вкуса, консервантов, канцерогенов и т.д. Отсутствие критичного подхода к пище, приготовляемой в родительском домохозяйстве, можно объяснить высоким уровнем доверия детей к компетенциям взрослых или же отсутствием собственных. Знания о «вредных» продуктах обычно ограничиваются следующим списком: чипсы, сухарики, снеки, газированные напитки и еда из фастфуда. Далее рассмотрим, как молодежь на практике соблюдает установки, привитые им взрослыми.

«Фастфудыши»

Этот раздел посвящен отношению молодежи к фастфуду. Проанализируем, как медиа-дискурс и представление о «нездоровой» пище, которое транслируют родители, формируют знание молодежи о «вредной» еде. В современных условиях многообразия такого формата питания, как фастфуд, которое пользуется популярностью из-за относительной дешевизны и скорости обслуживания, молодежь ориентируется на «свои» бренды. С исследовательской точки зрения также интересно посмотреть, что стоит за этим потреблением.

Из интервью наших информантов следует, что они прекрасно осведомлены о вреде, который может нанести здоровью употребление фастфуда, поэтому считают возможным употребление такой пищи в малых количествах – чтобы не «отравить» организм – и втайне от взрослых. Можно реконструировать несколько траекторий оправданий неправильного пищевого поведения: импульсное желание, утрата родительского контроля, склонность к риску, следование желаниям группы сверстников:

«В принципе, я не ем много, я просто ем очень вредную пищу... все эти пепси... ну, вот я не могу без этого» (жен., 18 лет, инт. № 44).

«Не особо это хорошо, но бывает, я захожу, допустим, в «KFC» (муж., 18 лет, инт. № 48).

«Как только появляется какая-то свобода на улице, то непременно хочется купить какую-нибудь кока-колу и прочую радость» (муж., 19 лет, инт. № 45).

«Мне говорят, что нельзя, а я говорю: «Да, я знаю-знаю». Но... все равно ее пью» (жен., 18 лет, инт. № 14).

«То же самое кофе, чипсы, лимонады. Все равно все это... я молодой, я ем, да. Все это вредно» (муж., 15 лет, инт. № 20).

«Картофель фри. Мне он нравится. Он вредный и раз в месяц, а сейчас два раза в месяц я себе позволяю чисто побаловаться» (муж., 18 лет, инт. № 51).

«... или решили зайти в киношку, там после киношки, там, зайти в какой-нибудь ужасный «Макдак», который я терпеть не могу... Ну, блин, голос толпы» (муж., 16 лет, инт. № 30).

Главным символом «нездоровой» пищи является ресторан «Макдональдс» – это имя постоянно фигурирует в интервью. В число популярных у наших информантов фастфудов попали также

«KFC», «Pizza Hut», «Subway», «Carls Junior», «Чайная ложка». Но ни одно из этих мест, в отличие от «Макдональдса», не претендует на звание заведения, где продается особенная, измененная или модифицированная, «нечеловеческая» пища. Эта еда отличается от той, что готовят дома родители. Это «другая» еда, которая обладает совершенно другими свойствами:

«Какую-то гадость добавляют, чтобы хотелось еще больше. Всякие добавки, химические гадости» (жен., 19 лет, инт. № 27).

«Каждый день туда кушать, я считаю, нельзя. Потому что это химия» (муж., 18 лет, инт. № 61).

«Неизвестно вообще из чего все это делается, для всех остается тайной» (жен., 18 лет, инт. № 44).

«... нарушает твои вкусовые предпочтения, потому что эта еда все-таки другая» (жен., 18 лет, инт. № 46).

«... отказаться от этого уже невозможно» (жен., 17 лет, инт. № 26).

«Я же, в принципе, не знаю, что туда добавляют, чтобы люди ходили обедать. Возможно, какие-то добавки там, может много масла, жира... что-нибудь» (жен., 17 лет, инт. № 25).

В «Макдональдсе» всегда шумно, много посетителей, там нет официантов, нет необходимости в столовых приборах. На кухне и за прилавком стоят ровесники. По сути, это мир, свободный от взрослых, где можно потратить карманные деньги на что-нибудь «вредное, быстрое, вкусное» без боязни быть застигнутым на месте преступления. В то же время в «Макдональдс» не ходят за тем, чтобы утолить голод. Молодежь отдает себе отчет в том, что жирная еда дает лишь кратковременное чувство насыщения:

«По сути, вот просто в этой еде нет ничего питательного и полезного, это вот просто набить желудок чем-то вот. Набил желудок и все как бы, там, два часа прошло, и человек опять такой же голодный, как и был до этого» (жен., 20 лет, инт. № 9).

«Просто там добавляют усилители вкуса, из-за этого хочется есть как бы, а так-то, в принципе, ты же все... ты, когда ешь, ты наедаешься, но эта сытость проходит вообще... час максимум, то есть никакого толка от него, только если так чисто для вкуса поест» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Поход за фастфудом – это обычно веселое мероприятие, для которого нужна компания. Нарушать порядок, заведенный взрослыми, немного рисковать, приятней с друзьями. Поход в фастфуд-кафе в одиночестве не рассматривается как досуговая или потребительская практика, поскольку в таком случае теряется весь смысл восприятия ресторана быстрого питания как места встречи:

«Я одна не могу находиться в кафе... Потому что у меня боязнь толпы, что-то вроде этого» (жен., 16 лет, инт. № 6).

«Чаще всего сижу в кафе с друзьями, чтобы пообщаться. Наверное, больше пообщаться, чем поесть» (жен., 17 лет, инт. № 40).

«Одной все-таки как-то скучно, в основном всегда с друзьями» (жен., 17 лет, инт. № 11).

«Во-первых, это не по поводу, это с какой целью. Просто пообщаться и, может, даже поесть» (жен., 18 лет, инт. № 34).

«Я могу приходить туда только с друзьями, одна бы я не смогла туда идти, потому что вот этот бешеный ритм, который там, суeta на меня немножко давит. А если как бы я сама создаю эту суету вместе со своими друзьями, и мы такие веселые, есть о чем поговорить, то, конечно, в принципе, можно сходить» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«Летом бывает просто так: нечего делать – пошли в Макдональдс» (муж., 17 лет, инт. № 23).

«Ну, как бы мы вообще посидеть, а не ради еды» (муж., 18 лет, инт. № 24).

«Ну, в Макдональдс мы ходим раз в неделю обычно всей группой после практики. Традиция у нас такая» (жен., 18 лет, инт. № 46).

Ресторан «Макдональдс» в силу своей известности, доступности и дешевизны является публичным пространством, где молодые люди осуществляют свои первые потребительские практики. Рациональная схема приготовления пищи и организация сервиса, о которой Дж. Ритцер [Ритцер, 2011] писал как о востребованной обществом, оказывается востребованной и молодыми людьми, приобретающими компетенции покупателей. Фастфуд легко увлекает молодежь в мир потребления, поскольку сам давно является его символом.

При этом ценность еды из «Макдональдса» ставится под сомнение, ее употребление носит избирательный характер – например, многие девушки из числа наших информантов отказываются от

гамбургеров, делая выбор в пользу «менее вредного» картофеля фри, молочных коктейлей, салатов или мороженого. Таким образом, смысл посещения «Макдональдса» состоит в том, чтобы прийти компанией и провести какое-то время, слиться с толпой ровесников, поболтать. Такое потребление можно отнести к символическому: фастфуд дает молодым людям возможность почувствовать себя членами глобального сообщества потребителей. В любом спальном районе города, где есть «Макдональдс», молодежь может почувствовать себя гражданами огромного мира, в котором одни и те же гамбургеры предлагаются жителям Манхеттена и Купчино.

Заключение

Система общественного питания в современной России утратила социальную функцию, но контроль за структурой питания граждан сохраняется – существуют нормы потребления жиров, углеводов, белков для детей и взрослых. Осуществляя мониторинг, можно выделить проблемные регионы, население которых питается скудно. Из работ М. Фуко мы знаем, что технологии биовласти предполагают осуществление государством контроля и регуляции за жизненноважными процессами. Если в XVIII веке это касалось воспроизводства населения, его здоровья, старения и условий жизни, то сегодняшние технологии, так называемые витальные политики, проникли в самую глубину физиологической сути человека.

Все институты работают на то, чтобы не только заставить человека жить, но и увеличить срок его жизни. Наука ищет и находит способы победить тяжелые болезни, дать возможность бесплодным родителям иметь детей, продлить молодость с помощью пластических операций. Современный человек должен жить долго и поддерживать функции своего организма в рабочем состоянии. Поведение, которое провоцирует возникновение ситуаций, ведущих к ухудшению состояния здоровья, стигматизируются: например, к уже известным алкоголизму и наркомании добавилось ожирение. В этом контексте биовласть проблематизирует ребенка, молодого человека как склонного к риску и потому способного нанести урон своему телу.

Возникает новая область приложения витальной политики – биопедагогика. Это широкое информационное поле, которое работает на передачу знаний о том, что полезно для организма человека, а что

нет. Основным объектом воздействия биопедагогики является семья, а целью – передача функций по контролю и регулированию поведения детей. Таким образом, семья становится объектом государственного влияния. Задача родителей – научить детей правильному пищевому поведению, привить им соответствующие навыки и представления о норме, регламентированные на властном уровне.

В этом контексте интересно исследовать, какие родительские установки о правильном или здоровом питании воспроизводит российская молодежь, и как это влияет на формирование стилей питания. Обобщая эмпирический материал, можно сказать, что проживание с родителями продляет период детства для юношей и девушек, закончивших школу. Это объясняется патерналистским подходом, сложившимся в российских семьях. Обеспечение домохозяйства продуктами питания и процесс приготовления пищи является обязанностью взрослых. Кроме того, родители «должны» сформировать у ребенка представления о правильном или «нормальном» питании, которые он будет воспроизводить в будущем, в своей семье. Образовательной площадкой, как правило, служит домашняя кухня.

Родительский дискурс о правильном или нормальном питании восходит к советским традициям и установкам относительно качества пищи. В Советском Союзе разработка рецептуры и технологии приготовления еды была уделом профессионалов: в помощь хозяйкам были написаны сотни книг «О вкусной и полезной пище», разработаны и утверждены на государственном уровне нормативы по содержанию питательных веществ в продуктах питания, ежедневный рацион для взрослого и ребенка. Еда, а особенно еда, предназначенная для детей, должна быть полезной. А соблюдение режима питания обеспечивает нормальное функционирование организма, пищеварительной системы.

При этом конкретных знаний о том, какие продукты и почему могут принести вред, подростки не демонстрируют. Как и родители, они находятся во власти дискурса о правильном или здоровом питании, который сводится к запрету на употребление «вредных» продуктов. Последние имеют очень важное отличие от пищи, произведенной на домашней кухне, – их состав не всегда прозрачен, поскольку процесс изготовления скрыт от глаз потребителей. Это дает право делать заключения о том, что в них «добавляют какую-то гадость», по выражению одного из наших

информантов. Таким образом еда, приготовленная дома из понятных продуктов, считается полезной и противопоставляется еде с более сложным, иногда «непонятным» составом или произведенной с помощью особых технологий.

«Вкусная» - это наиболее распространенная характеристика, которая называется молодежью для пищи, признанной взрослыми вредной. За этим понятием стоят известные бренды фастфуда. Ресторан «Макдональдс» - самое популярное в этом смысле предприятие общественного питания. Еда из «Макдональдса» стала символом потребления, глобализации, символом «быстрой и вкусной, но вредной еды». Развитие этой пищевой индустрии происходило в США по законам бизнеса - наиболее удачные модели выживали и становились мобильными для заключения максимального количества сделок. Таким образом, фастфуд с его атрибутами - сладкой газированной водой и гамбургерами - проник в систему детского питания. Усилия, которые сегодня предпринимают правительства многих стран, включая Австралию, Канаду, Новую Зеландию, США, по воспитанию навыков правильного пищевого поведения у подростков и правильного отношения к собственному весу, телу, можно назвать колоссальными.

Наше исследование позволяет утверждать, что российская молодежь демонстрирует большую дисциплинированность в плане пищевого поведения. Запрет на употребление «вредной» пищи воспринимается молодыми как препятствие, которое можно легко обойти. Чипсы и газировка покупаются на карманные деньги и употребляются втайне от взрослых. Страха за свое здоровье наши информанты не испытывают, поскольку считают, что в малых дозах вредная еда не опасна. И все же они предпочитают домашнюю пищу, по возможности соблюдают режим питания и считают еду, приготовленную родителями, правильной.

Отход от нормы воспринимается, скорее, как игра, эксперимент. Поход в «Макдональдс» нужен, чтобы нарушить правила и провести время с друзьями. Символическое потребление фастфуда дает возможность почувствовать себя частью глобального сообщества потребителей и в то же время освоить первые потребительские практики. По своей рациональной природе рестораны фастфуда свободны от церемоний гостевого сервиса, особых гастрономических практик, они становятся для молодежи публичным пространством, где можно сделать собственный выбор и вести себя «как взрослые».

Литература:

1. Арская Л.П. Продовольствие и социальные отношения (Россия 90-х – 2000-х годов). Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 195. – М: МОНФ, 2007.
2. Белафин П. Аудитория телевидения ушла в Интернет // Infox live news. URL: <http://www.infox.ru/business/media/2009/11/17/internet.phtml> (Дата обращения 15.06.2012).
3. Вторушина А.В. Региональные особенности становления общества потребления в России: анализ структуры питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. №5 (58). С. 252-259.
4. Запорожец О., Крупец Я. Советский потребитель и регламентированная публичность: новые идеологемы и повседневность общепита конца 50-х // Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940-1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 315-336.
5. Иванов А.А., Мясникова В.В. Общественное питание в России. Современное состояние. Гигиенические проблемы. Информационный сборник статистических и аналитических материалов / Под ред. д.м.н., проф. Беляева Е. Н. – М.: ФУГСН, 2004.
6. Келли М. Расизм, национализм и биополитика в курсе лекций М. Фуко «Нужно защищать общество» // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2008. № 1. С. 104-115.
7. Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 64-67.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. – М.: Политиздат, 1967.
9. Насколько полезны грибы в качестве пищи // Интересная и прикольная наука. URL: <http://interesnik.com/eda-i-napitki-naskolko-polezny-griby-v-kachestve-pishhi/> (Дата обращения 12 октября 2012).

10. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. - М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
11. Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национальный план действий в интересах детей). Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942. URL: <http://base.garant.ru/184330>
12. Рецепты для пароварки // Кулинарный портал. URL: <http://www.kulina.ru/articles/rec/par/> (Дата обращения 30.06.2012).
13. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. - М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.
14. Рынок быстрого питания (фастфуда) 2012 // РБК. Исследования рынков. URL: http://marketing.rbc.ru/news_research/19/07/2012/562949984360644.shtml (Дата обращения 23.10.2012).
15. Свободное время: как его проводят жители двух столиц? // Данные ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112089> (Дата обращения 23.10.2012).
16. Сохань И. В. Фастфуд как актуальная гастрономическая практика потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 5 (58). С. 251-260.
17. Федоров А. Н. К вопросу о складывании системы общественного питания в советской России в 1918-20 годах. // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 97-103.
18. Фуко М. Нужно защищать общество. - СПб: Наука, 2005.
19. Что едят богатые русские? // Ведомости мнения. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/6874141/ty_to_chto_ty_esh (Дата обращения 6.12.2012).
20. Blanding M. The Coke Machine: The Dirty Truth Behind the World's Favorite Soft Drink. New York: Penguin Group US, 2011.
21. Burrows L. Pedagogizing Families through Obesity Discourse // Biopolitics and the «Obesity Epidemic»: Governing Bodies / Ed. by J. Wright and V. Harwood. New York, London: Routledge. 2009. P. 127-141.
22. Fox R. Food and Eating: an Anthropological Perspective // Social Issues Research Centre. URL: http://www.sirc.org/publik/food_and_eating_6.html (Дата обращения 15.06.2012).

-
23. Harwood V. Theorizing Biopedagogies // Biopolitics and the «Obesity Epidemic»: Governing Bodies / Ed. by J. Wright and V. Harwood. New York, London: Routledge. 2009. P. 23-26.
 24. Shlosser E. Fast Food Nation: The Dark Side of the All-American Meal. New York: Houghton Mifflin Co., 2001.
 25. Wright J. Biopower, Biopedagogies and the Obesity Epidemic // Biopolitics and the «Obesity Epidemic»: Governing Bodies / Ed. by J. Wright and V. Harwood. New York, London: Routledge. 2009. P. 1-14.

Анна Фомина

**(Без)опасность в городе и молодежные
практики: стратегии сопротивления
или тотальный контроль?**

*...мой город я узнаю по притаившемуся ожиданию,
по чему-то, что еще не страх, но похоже на страх,
и его сосущую жуть...*

Х. Кортасар «62. Модель для сборки»

Почему исследование страхов, беспокойств и безопасности представляется нам таким завораживающим и интересным, но одновременно сложным и постоянно ускользающим от операционализации? Невозможность составить конкретную и точную идентификацию беспокойств и страхов в полной мере соответствует логике современного модернизированного «общества риска», в котором «риски и связанные с ними потенциалы самоуничтожения приобретают невиданный доныне размах» [Бек, 2000]. Имея сложную структуру, угроза рисков перестает быть соотнесенной только с местом её возникновения, «по своей сути они угрожают жизни на этой планете, причем во всех её проявлениях» [Бек, 2000].

Город становится одной из многих арен, насыщенных рисками. Городское пространство в современной культуре конструируется как «произнанное страхом» [Запорожец, Лавринцев, 2009] и как «свалка страхов и опасностей» [Бауман, 2008]. Государственные регуляция и контроль, определяющие и обозначающие «опасные» и «безопасные» места, регламентирующие необходимые нормы поведения для предотвращения результатов опасных ситуаций, не обеспечивают в полной мере среды без рисков. Горожане сами, индивидуально и коллективно, реагируют на дискомфортные ситуации, изобретая стратегии избегания, предотвращения опасности или способы преодоления страха, чувств дискомфорта и тревоги. Такими стратегиями могут стать возникающие «gated communities» [Low, 2001] – кварталы, жители которых используют современные механизмы безопасности (высокие заборы, камеры видеонаблюдений, домофоны) для защиты себя и своих семей; а могут – индивидуальные телесные практики.

Молодежь представляет собой одну из многообразных групп, представленных в городском пространстве, она также является одним из объектов политики безопасности в современной России. Встает вопрос – как молодежь реагирует на риски городской среды? В фокусе данной статьи будут рассмотрены следующие сюжеты: что относится к объектам страха для молодежи, каким образом ситуации

опасности и безопасности влияют на молодежные практики, какие тактики сопротивления или стратегии преодоления опасных городских пространств существуют в молодежной среде?¹

В соответствии с этими задачами статья разделена на три части: первая представляет собой обзор работ, описывающих город как пространство государственных и властных регламентаций, в основе которых находятся механизмы безопасности, символический порядок и конвенциональные нормы, в результате чего у горожан возникают страхи и беспокойства. Во второй части статьи рассматриваются подходы к изучению опыта пребывания человека в городском пространстве. Третья часть статьи представляет собой попытку сместить фокус и посмотреть на повседневные практики молодежи с точки зрения выявления в них особых изменений в зависимости от ощущения городского пространства как «опасного» или «безопасного».

Город как пространство властных регламентаций и регулирования

Сама идея создания государства посредством «заключения» общественного договора с взаимовыгодным обменом свободы на организованное, подконтрольное пространство, в котором минимизированы опасности, отсылает нас к ситуации, априорно нависшей над человеком «войны всех против всех». Таким образом государство обретает монополию не только на насилие, но и на установление правил безопасности.

Общество, говорит М. Фуко, раскрывается перед нами как система сплетенных модальностей, в основе которых находится идея безопасности. Модальности представляют собой систему законов «с бинарным разбиением на дозволенное и запрещенное», которая включает в себя точные правила о связи преступления с наказанием, а также данные о техниках наказания, которым подвергается «виновный» с целью исправления в специально отведенных для этого учреждениях. Модальности включают в себя и устройства безопасности, которые сосредотачивают внимание на «жизни, биологических процессах человека-рода» и на «фиксации границ допустимого» [Фуко, 2011: 17].

¹ Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

Механизмы безопасности, нацеленные на оповещение/предупреждение об угрозах, а также на сохранение жизни, уменьшение опасности как для населения в целом, так и для каждого индивида, начинают регулировать не только всех живущих в городе и отдельных индивидов, но и физическое пространство, в котором они рассредоточены. Так, строительство «искусственных городов» и изменение планировки уже существующих, таких, например, как Ришелье и Нант, становится показательным примером регулирования городского пространства государством.

В основе планировки Ришелье лежит идея строгой, геометрической пространственной организации римского лагеря [Фуко, 2011: 35]. В свою очередь, расширение дорог, которое было запланировано в Нанте в XVIII веке, играло функциональную роль не только в развитии торговли, но и в том, чтобы решить проблему «гигиены, вентиляции, ликвидации всех этих специфических зон аккумуляции болезнетворных миазмов» [Фуко, 2011: 35]. Другими словами, всего того, что несет не только витальную, прямую угрозу здоровью, но и создает предполагаемую угрозу, накладывая на определенные места в городе стигму, как на грязное, нечистое, скверное, опасное пространство. М. Фуко использует примеры, которые демонстрируют, как государство разрабатывает план физической организации города, создавая посредством этого «опасные» и «безопасные» места. В городе район с узкими и грязными улицами символически считается опасным и тревожным, в то время как район с широкими и чистыми улицами – безопасным местом.

П. Бурдьё рассматривает город как взаимосвязь физического и социального пространств и показывает зависимость формирования опасного/безопасного места в городе от социального порядка и символического капитала. Социальное пространство, являясь «конструированным ансамблем подпространств и полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала...» [Бурдьё, 2007], воспроизводит иерархические отношения как между пространствами и предметами в пространстве, так и между агентами, которые имеют или не имеют доступ к ним.

Агенты занимают определенные места в городе, оказываясь включенными/исключенными из тех или иных пространств по принципу эффектов «гетто» и «клуба». Подобное символическое

разделение городского пространства влияет на создание узнаваемых культурных практик у людей, которые населяют это пространство. Так, возникающий эффект «клеймения» происходит за счет «объединения в одном месте людей, похожих друг на друга в своей обделенности» [Бурдые, 2007]. Бедные и маргинальные районы исключаются из «нормальных» пространств и закрепляют за собой репутацию «неблагополучных» мест повышенной опасности, особенно для «Чужаков».

Городское неравенство все больше укореняется с появлением новых трудовых отношений и модернизации общества. Если М. Фуко описывал конструирование безумцев из преступников и нищих, приводящих к их полному исключению, начиная с запрета на нахождение в черте города, заканчивая помещением в госпитали и социальной стигматизацией, то современная нищета, безусловно, не совпадает с безумием и образует новый вид маргинального пространства и пространства повышенной тревожности. Бедность «представляется все более и более длительной, если не постоянной, и не связанной с макроэкономическими трендами, но привязанной к пользующимся дурной славой неблагополучным районам, в которых социальная изоляция и отчуждение подпитывают друг друга. И одновременно растет пропасть между такими районами и теми, где живет остальная часть общества» [Вакан, 2010]. Тем не менее, маргинальные части города становятся местом обитания «низшего класса» больших городов, что в совокупности с ростом криминализации в таких районах рождает ощущения безнадежности, страха, деградации и опасности.

«Опасности» распределяются в городском пространстве неравномерно. Имея различное происхождение – физическое или же символическое – опасность конституирует город как пространство, «пронизанное страхом», в котором каждый горожанин может получить опыт беспокойства и тревоги, поэтому вынужден изобретать стратегии их минимизации.

Опыты проживания городского пространства и хореография беспокойства

Опыты проживания города множественны и разнообразны. Так, город может быть пространством для неспешных прогулок и размышлений. Праздно-гуляющий мыслитель, поэт, фланер

«является эссенцией городского жизненного опыта» [Желнина, 2008]. Схожий опыт пребывания в городском пространстве показывает «теоретик» – «одаренный размышляющий прохожий, намеренно затерявшийся в каждодневной городской неразберихе и ритмах. Этот прохожий наделен и поэтической чувствительностью, и поэтической наукой» [Амин, Трифт, 2002]. Описанный Ш. Бодлером и В. Беньямином опыт пребывания в городе можно помыслить как утраченный, поскольку современный город перестает быть только пространством удовольствия, наслаждения, но обозначается исследователями как пространство, в котором возможны «волнующие приключения и страшные опасности, смешанные в пропорциях, которые не может просчитать ни один горожанин, и появляющиеся в последовательности, которую он не может предугадать» [Бауман, 2008]. Горожане современного города заключены в ошеломляющую игру чередования восхищения городом и отвращением/страхом перед пребыванием в нем.

Оказавшегося втянутым в переживание восхищения/страха идущего по городу человека оплетает сеть правил и механизмов безопасности, которая представляет собой одну из многих точек производства беспокойства и регулирует не только поведение, но и эмоциональное состояние обитателей города. Так, Е. Лавринец и О. Запорожец анализируют опыт существования города как «хореографию беспокойства» – «динамичную связь регулирующих правил и спонтанных действий, разворачивающихся в пространстве, обладающих определенной организацией» [Запорожец, Лавринец, 2009: 48]. Авторы показывают как дискурс контроля, проявляющийся в текстовых, аудиальных и телесных формах, преобладающий в транзитных местах (автовокзалах, железнодорожных вокзалах, аэропортах), производит «пассивные тела». М. Оже называет подобные пространства «не-местами», предписывая им наличие особого социального порядка и характера взаимодействия между людьми [Aug, 1995]. Пассивность в данном случае заключается во встраиваемости во властный социальный порядок, в полном принятии правил и следовании им [Запорожец, Лавринец, 2009: 48]. Также регламентируемыми становятся не только телесные опыты, но и эмоции – рождение ощущений опасности, тревоги и страха являются реакцией «пассажира на невозможность тотально контролировать условия транзита» [Запорожец, Лавринец, 2009: 52]. Город представляет собой множественность точек (вос-)производства

беспокойства – улицы, строения, которые вызывают у обитателей города тревожные эмоции и ощущения; службы безопасности и знаки, которые призваны усиливать беспокойство; бесхозные или потерянные вещи, которые являются «одними из главных персонажей публичной драматургии беспокойства; «Другие», как безликие, так и персонифицированные; места и «не-места», в которых происходит «встраивание в новые отношения» и «получение новой идентичности» [Запорожец, Лавриненц, 2009].

Так, хореография беспокойства, рассматриваемая через рефлексивность, телесное проживание и практики, а также понятие «корпореография» («corporeography»), используемое К. Робинсон, понимаемое как совокупность эмоциональных, чувственных и физических проживаний событий [Robinson, 2011: 17], становятся центральными в понимании опыта горожанина и его проживания городского пространства, а также выбора стратегий избегания опасности, страхов и беспокойств.

Используя термин практики вслед за М. Моссом как «набор действий, воспроизводимых человеком в его повседневной жизни» [Мосс, 1996: 248], а также вслед за И. Гофманом, говорящим о телесных действиях и умениях, которые невозможно рассматривать отдельно от ситуации, правил и контекста, обнаруживающих компетентность практик действующего человека [Crossley, 1995:147; Goffman, 1972], мы можем дополнить такой технический смысл понятия «практики» хореографией беспокойства и корпореографией, изучением эмоционального, физического, рефлексивного и телесного опыта [Robinson, 2011; Запорожец, Лавриненц, 2009] в городском пространстве. Это, в свою очередь, позволяет нам посмотреть на специфику проживания опасных ситуаций молодежью через множественные опыты.

Проживание городского пространства молодежью: эмоциональный, рефлексивный, телесный опыт

Молодежь активно использует городское пространство и, как все горожане, оказывается подверженной рискам и опасности. Эмоциональные, рефлексивные и телесные опыты проживания опасных ситуаций в городе позволяют обратить наше внимание на практики совладения со страхами.

Город как пространство постоянной опасности

Представления молодежи об опасности и безопасности в городском пространстве во многом соответствуют типу «осторожности» в модели Р. Симпсон, которая предполагает наличие отношения к повседневности как к изначально опасной системе до тех пор, пока не доказана обратная ситуация [Simpson, 1996]. Город воспринимается как источник постоянной и внезапной опасности:

«То есть, а так, в принципе, нигде безопасных... не считаю...» (муж., 18 лет, инт. № 50).

«Во-первых, Питер опасен сам по себе, потому что каждый район будет опасен. Поскольку по телевизору нам не говорят очень многое, опасность она везде...» (жен., 17 лет, инт. № 18).

Источником беспокойства также служат «воображаемые опасные места», которые при описании наделяются «тревожными» качествами, такими как немногочисленность, отсутствие освещения:

«... на самом деле, малолюдные, и... ну, не то, что темно, темно-то у нас часто бывает где угодно. Тем более, у нас как бы... у нас как бы там идут дома, то есть... ну, не как в центре города, где вот... там у нас дорога идет до вот тех фонарей, ну, как вот здесь» (муж., 18 лет, инт. № 50).

«На пустыре тоже, ну, как бы, опасно там» (жен., 16 лет, инт. № 8).

«Ну, как бы больше загород – такие вот, где конец города, такие места, где они более такие заброшенные, ну тоже как-то так больше» (жен., 16 лет, инт. № 2).

Наличие собственного опыта или собственного представления об опасном месте оказывается необязательным. Важным является компетентное мнение близкого человека, друга или человека, владеющего информацией о потенциально опасном месте:

«Ну, вот, где-то там есть такие места, то есть это часто на слуху, что это небезопасно, ну вот. Ну и в Купчино, да, там реально как бы... Кто-то там из моих бывших одноклассников, из первого училища, тоже живут, и как бы, там, ну, весело, говорят, то есть в этом плане, то есть...» (муж., 18 лет, инт. № 50).

Дискурс контроля, который посредством чужих компетенций, чужого опыта или медиа попадает в поле зрения информанта,

становится основой для маркирования молодежью опасных/безопасных мест:

«Респондент: Ну, блин, там столько народу, которых... Ну, не знаю, и люди говорят... Какие-то там бывают страшные вещи. Нет, не хочу там быть одна.

Интервьюер: В смысле? Люди друг с другом очень как-то агрессивно разговаривают или...?

Респондент: Да, и много криминала там: по новостям даже если посмотреть, то можно услышать часто, что что-нибудь случилось» (жен., 17 лет, инт. № 25).

«Ну есть маршруты лично на моем районе, которые я считаю опасными, – это лично при мне там сбивали нескольких людей как бы, и у меня почему-то... вот последний раз сбили девочку с моей школы, и насмерть сбили. И мне, у меня картинка такая стоит, я не могу там переходить дорогу» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«Очень часто как бы боюсь людей, которые меня окружают. Например, если человек зайдет со мной в лифт, мужчина в основном это, то, конечно, я буду чувствовать себя немножко напряженно, пока я не доеду до своего этажа. Это все, это все из тех вот передач выходит, из тех фильмов, которые мы смотрим, на самом деле. Вот эти всякие фобии - и маньяк там заходит в лифт и насилует там свою жертву. И то же самое там - в темном подезде может спрятаться какой-то маньяк, это уже главный сценарий американских фильмов. И уже почти наших фильмов, очень часто снимаются. Люди это смотрят, и когда тебе уже на протяжении нескольких там лет твоей жизни, ты... постоянно тебе капают на мозг, что, типа, в темноте кто-то есть. Или там, например, в лифте, если сзади тебя стоит человек, или если с тобой зайдет как бы мужчина, то по-любому он тебя изнасилует» (жен., 19 лет, инт. № 53).

Появляются места и районы, которые осознаются как опасные, но не вызывают ощущения страха:

«Просто Купчино – это реально жесткий район, если так посмотреть. В принципе, мой район тоже очень такой, опасный, но мне там нестрашно» (муж., 15 лет, инт. № 20).

Оппозиция знания и незнания места или пространства выступает в качестве компетенции, позволяющей воспринимать пространство как безопасное или опасное:

«В своем районе нет, не считаю... опасных мест, потому что я там все знаю, там некому быть опасным... Просто поздно, незнакомо, не знаешь, где кто ходит» (муж., 15 лет, инт. № 56).

«Мне так казалось, что опасно! Потому что страшно - незнакомый район, чужие подворотни» (жен., 17 лет, инт. № 40).

«Не, ну, если у меня на райончике, ну, в смысле дома у себя, то нет, а так вот, в незнакомом где-нибудь месте – да, у меня все почему-то вызывает какое-то недоверие. Так что вот так вот, пожалуй» (муж., 19 лет, инт. № 32).

В качестве опасных пространств молодежь описывает не только городские места, но и «не-места» - транспорт и места транзита:

«Там всякая жесьть вообще творится в электричках за город» (муж., 19 лет, инт. № 32).

И оживленные дорожные участки:

«Перехожу через улицу через нижние пешеходные переходы очень часто, особенно на Невском проспекте это очень удобно делать и на Сенной тоже там как бы. Вполне можно перейти, чем проходить вот эти бесконечные пешеходные переходы, которые водители очень часто не замечают как бы. Они несутся и все. И, ну, я стараюсь как бы полагаться только на себя, никогда не полагалась на светофор» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«И для меня иногда опасным местом бывают электрички поздно, почему-то мне так кажется. Ну и места около вокзала» (жен., 17 лет, инт. № 18).

Другим параметром измерения опасных или тревожных ситуаций становится время. Вечернее и ночное время суток демонизируется и мыслится как время, в которое совершаются все преступления:

«Ночью опасно, потому что это, ну, могут там избить, не избить там... девушек ночами могут изнасиловать» (муж., 16 лет, инт. № 59).

«Как бы считается окраиной там вот, то днем там все в порядке, все нормально там все, и дети, ну там как бы обычный поселок, ничего такого, короче, вот, а если вечером, тоже иногда бывает, идешь там, все в порядке там, видно мало народу и так далее, ну, а иногда идешь там, может и группа из тридцати человек другой национальности тебя встретить, короче,

которые не будут слишком рады тебя видеть» (муж., 15 лет, инт. № 56).

Время воспринимается не только как день и ночь, но и как судьбоносное стечение обстоятельств, следствием которого является появление угрозы или опасности:

«Я говорю, это может быть где угодно, как бы попадешь не в то место, не в то время, как бы можно даже сказать – судьба» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Опасность в городском пространстве перераспределяется также в зависимости от времени года. Зима становится источником угроз. Недовольство и тревогу вызывают сосульки на крышах или плохо убранные от снега улицы, что, безусловно, отсылает к местному дискурсу Санкт-Петербурга, где за последние несколько лет недовольство политикой государства подкрепляется, в частности, критикой работы жилищно-коммунальных служб в связи с угрозой для жизни и здоровья жителей города:

«Что у нас в центре есть улицы очень узкие, то есть спокойно может и снег, и сосулька, и, там, подоконник, балкон. Сейчас падали же зимой балконы, там крыши в О'Кей упали, крыши в О'Кее, поэтому мне кажется зимой как бы почти всё... ну очень опасно» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Источником неисчерпаемой опасности для молодежи становится незнакомый «Другой», что часто бывает связано с символическим закреплением территории за определенной компанией молодых людей, при котором появление чужака рассматривается как угроза:

«Там, понимаете, как бы сейчас есть такое подразделение на компании все-таки, что если, как говорят, у меня на район зашел не тот, кто надо, - плохо» (муж., 15 лет, инт. № 29).

«Скажем так, неадекватные, или пьяные, или лица азербайджан... ну, этой, скажем так, черные, вот, бывало, да» (муж., 15 лет, инт. № 54).

С другой стороны – люди представляют наибольшую физическую угрозу, которая проявляется в нападениях, грабеже, драках:

«Шли с другом домой к нему. И нас во дворе - здесь на седьмой линии проходить туда на восьмую - нас во дворе поймали, ограбили» (муж., 19 лет, инт. № 49).

«Ну, несколько человек, четыре-пять человек, короче, с холодным оружием там, то есть биты, кастеты, какая-то там цепь. Я не знаю, знаете, э... пытались отнять имущество» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Также опасным «Другим» для молодых людей являются представители других этнических групп:

«Там район строек, то есть это определенный, там, контингент людей там находится, и достаточно страшновато, то есть там нерусских очень много, и вообще как бы людей приезжих, которых, ну, потом, если даже что-то и сделает, то сложно поймать» (жен., 20 лет, инт. № 9).

«Мне рассказывали, с моей знакомой, что вот эти вот нерусские, таджики, что вот все приезжают... Они ее чуть не изнасиловали» (жен., 18 лет, инт. № 12).

Женское описание страхов и опасности также часто связано с сильными эмоциональными переживаниями, наличием витальных страхов и боязни потенциальных опасных ситуаций:

«Самое опасное – это... то, что вот... самое опасное.. это... когда он может отвезти тебя куда-нибудь, завести... ограбить, побить и все. И все, и никто не найдет. Наверное, это самое опасное» (жен., 19 лет, инт. № 10).

«А участники – он едет себе и едет. Мало ли кто тебя остановит, что с тобой сделает и куда тебя увезет. А у таксистов обычно записано, куда они едут и кого везут» (жен., 19 лет, инт. № 27).

Хореография беспокойства молодежи раскрывается перед нами через определение города как потенциально опасного пространства, внутри которого складывается подобие иерархии из более опасных, тревожных мест и мест, в меньшей степени вызывающих страх. Пустыри, темные улицы, незнакомые районы города становятся переживаемыми через страх, беспокойства, сильные негативные эмоции и психологическую уязвимость. Также тревожные переживания вызывают присутствие или возможная коммуникация с «Другими», «Чужаками», результатом чего, по мнению информантов, может стать насилие, физический и материальный ущерб. Время также мыслится как параметр, который может повлиять на появление опасности, – сумеречное темное время оказывается насыщенным угрозами и рисками. Негативные

эмоции, переживания вызывают желание избежать гипотетической и реально существующей угрозы – хореография начинает быть телесной, что выражается в изобретении практик защиты и ухода из рискованного пространства.

Практики, стратегии сопротивления и управления страхами, беспокойствами

С появлением опасностей происходит разлом планомерного и размеренного течения повседневного жизненного ритма, что, в свою очередь, влияет на изменение практик, в основе которых отныне находятся тактики минимизации рисков. Осознание возможной опасности меняет интенсивность внимания к происходящему, что выражается в концентрации, напряженности и стремлении понимать все, что происходит вокруг:

«Ну, следить, да, за всеми... то есть везде начеку быть» (муж., 18 лет, инт. № 50).

«Просто стоит как бы почаще смотреть, куда ты идешь, что творится вообще вокруг...» (муж., 15 лет, инт. № 54).

Одной из вариаций изменения практик является избегание гипотетически опасных мест:

«Обхожу. Обхожу это место или вообще туда не хожу» (муж., 18 лет, инт. № 37).

«Здесь мне лучше не находиться,» - я просто туда не хожу, мне даже... если мне, там, домой надо через это место пройти. А так приходится три квартала обходить – я обойду, но... через это место не пойду, потому что я знаю, если я туда пойду, то будет все не очень хорошо» (жен., 15 лет, инт. № 1).

Пространство, маркированное государством как безопасное, не всегда интерпретируется подобным образом юношами и девушками:

«Перехожу через улицу через нижние пешеходные переходы очень часто, особенно на Невском проспекте это очень удобно делать, и на Сенной тоже там как бы. Вполне можно перейти, чем проходить вот эти бесконечные пешеходные переходы, которые водители очень часто не замечают как бы. Они несутся и все. И, ну, я стараюсь как бы полагаться только на себя, никогда не полагалась на светофор, вообще никогда, потому что очень часто бывает такое, что сбивают прямо на зеленый свет,

на какой бы ты только не шел уже, все равно есть вероятность, что тебя собьют» (жен., 19 лет, инт. № 53).

В то же время отсутствие маркеров безопасности вызывает тревогу:

«Ну, то есть, там вот, да, там действительно было как-то непонятно, потому что там было очень оживленное движение, постоянно ломались светофоры, и иногда было там...» (муж., 16 лет, инт. № 30).

«Ещё мне очень не нравится, что вот наш колледж, когда выходишь с Матвеева переулка, а эти полоски, которые пешеходные, они все время стираются, и не всегда наши коммунальные службы заставляют себя поднять «пятые точки» и сделать что-то, ну как бы наладить что-то, покрасить эти полосы» (жен., 19 лет, инт. № 53).

Хотя устройства, такие как домофоны, кнопки вызова диспетчера в лифтах, прочитываются информантами как показатели безопасности:

«Ну, так как стоит домофон... гхм... практически всех по лестничной клетке я знаю... поэтому я себя комфортно, безопасно чувствую» (жен., 17 лет, инт. № 4).

«У меня дом небольшой. Я практически всех соседей знаю. У нас на двери домофон стоит, все закрыто, все нормально» (жен., 17 лет, инт. № 26).

Практики избегания опасности и преодоления страхов обретают гендерное различие. Молодые мужчины практически не используют стратегию ограничения времени пребывания на улице, даже, несмотря на осознание повышенной опасности в темное время суток. Часто сигналом для изменения собственных практик или исключения себя из городского пространства является знание или незнание территории:

«Не надо ходить в те районы, которые ты не знаешь...» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Также для молодых мужчин актуальна стратегия договора и подчинения в случае, если источником опасности является человек:

«...мы с ними говорили, они такие: «Ну, нормальный чувак». Так и все» (муж., 19 лет, инт. № 32).

«Их трое, кто знает, что у них там на уме. Вдруг у них там ножи за пазухой, порежут еще как-нибудь. Но мне как-то родители всегда говорили, не надо препятствовать, не надо геройствовать. И в фильмах это было видно в некоторых, что лучше быть покладистым, как-то содействовать всему этому делу» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Для молодых женщин и девушек стратегия избегания опасности подразумевает различные техники – от минимизации присутствия в опасном месте до полного исключения из городского пространства в «опасные» моменты:

«Если нет такой возможности, чтобы в другом месте пройти - там компания молодых людей, причем довольно опасных - я глаза прячу. Вы меня не видите – я вас не вижу. А так, чем быстрее оттуда уйдешь, тем лучше» (жен., 19 лет, инт. № 27).

«Ну, как бы пытаюсь поздно из дома не выходить» (жен., 15 лет, инт. № 1).

«Но сейчас как бы я вообще не гуляю в позднее время» (жен., 18 лет, инт. № 41).

Другой стратегией, обеспечивающей безопасность, является демонстрация присутствия рядом с женщиной человека, которому можно доверять:

«Ну, иногда я звоню, чтобы меня встретили» (жен., 22 года, инт. № 43).

«Я, допустим, всегда, когда мне страшно, еще что-то, я разговариваю по телефону. Это единственное, что меня успокаивает. Конечно, я понимаю, что никто меня все равно не спасет, если я даже разговариваю по телефону, все равно, мне кажется, что я в безопасности» (жен., 18 лет, инт. № 44).

Также одной из важных стратегий является действительное присутствие сопровождающего человека, более сильного, что делает ситуацию комфортной и безопасной:

«...меня встречает, там, брат или друг какой-нибудь там, который живет рядом с нами, и я прошу, чтобы он вышел, и он выходит, меня встречает. Либо я возвращаюсь просто с ребятами, и они меня провожают до туда, и сами идут по домам» (жен., 19 лет, инт. № 53).

«...в основном, если я поздно иду домой по району, то он меня провожает» (жен., 19 лет, инт. № 27).

Практики избегания, преодоления опасности и страхов выстраиваются за счет понимания и конструирования собственного тела как «женского» или «мужского». Женское тело конструируется за счет предписывания ему определенных качеств, таких как слабость, невозможность контролировать происходящую ситуацию, невозможность оказать сопротивление. При этом подобное предписание происходит как с внешней стороны – друзьями, родителями, так и самими молодыми женщинами:

«Да! Постоянно напоминает, чтобы я сумку нигде не оставляла, прижимала ее к себе, чтобы не шлялась где попало вечером, говорит» (жен., 17 лет, инт. № 25).

«Мальчик мой меня сопровождает, ну, потому что он за меня волнуется» (жен., 17 лет, инт. № 5).

«Но папа мне предлагал, но я – нет. Он предлагал мне шокер» (жен., 17 лет, инт. № 25).

«Почему я провожаю её (девушку) домой? Первое – это красивый жест. Второе – это правильно. Третье – это безопасность её. И все-таки девушки – это немного другое, тем более, если она действительно внешне бросается в глаза. Ну, потому что» (муж., 17 лет, инт. № 52).

Женское тело и его характеристики становятся ресурсом и инструментом сопротивления опасности. Так, внешний вид и его изменение способствуют повышению или снижению рисков и угроз.

«Я одевалась как бы поскромнее, я старалась не надевать каблуки, потому что я высокая и блондинка, одевать капюшон даже. Более скромно» (жен., 19 лет, инт. № 27).

Мужское тело, в свою очередь, конструируется в опасных ситуациях за счет активности, умелости, способности за себя постоять. Часто спорт и спортивные навыки становятся дополнением, которое в опасной ситуации мыслится как возможность устранить опасность:

«И просто в нетрезвом виде люди и так далее и тому подобное. Ну, так как я занимаюсь вот этими видами спорта, которые я

сейчас перечислил, для меня это не особо проблема» (муж., 15 лет, инт. № 54).

«Я быстро бегая (смеется). Я в школе очень быстро бегал, у меня лучшее время в районе – третье в районе по бегу...» (муж., 15 лет, инт. № 29).

Также мужское тело оказывается менее эмоциональным, не испытывающим страх и тревогу, но более рациональным и бдительным:

«Настороже, то есть кулаки сжать, на всякий случай ноги напряг все» (муж., 15 лет, инт. № 29).

«В небезопасных местах я просто увеличиваю осторожность и бдительность» (муж., 18 лет, инт. № 51).

«У меня мало страхов. Я мало чего боюсь» (муж., 18 лет, инт. № 61).

Мужские стратегии сопротивления включают в себя как открытое участие в конфликтах, драках, так и стратегии договора и улаживание конфликта:

«Ну, если я пытаюсь поговорить с человеком, а я в основном все время разговариваю до начала драки, если человек не понимает разговор, приходится использовать руки» (муж., 18 лет, инт. № 61).

Мужское тело и мужские практики репрезентируются с помощью категорий здоровья и физической удалости:

«Ну, я спортсмен, поэтому я почти весь район... ну, как сказать... заставил... ну не то, что заставил, я своим примером показал, что это интересно, и как бы почти весь район у меня занимается» (муж., 17 лет, инт. № 23).

«Ну, я никогда, по крайней мере, в «стрелах», не проигрывал. Такого еще не было, чтобы меня кто-нибудь побил» (муж., 18 лет, инт. № 61).

Собственное мужское тело часто осознаётся как сильное через способность оказать помощь, поддержку, в том числе «слабому» женскому телу:

«Он знакомый моей девушки был... бывшей девушки моей. То есть как бы что-то они поссорились, он начал ее оскорблять, а мне не сидеть же, что так, что ее оскорбляют, а я сажу. Она мне передала, потом, правда, меня ругала, что я ударил. Ну, это

как всегда, сначала ноют, ноют, потом – плачут» (муж., 18 лет, инт. № 61).

Использование средств обороны и умение ими пользоваться также являются отличительной особенностью мужских практик безопасности:

«Кстати, они меня гнобили вот так вот, не уважали, и в результате я все-таки... они стали меня уважать, только когда поняли, что я не из простых, не простой ботан, а конкретный чувак, который вообще много в чем их переплюнул. Например, когда, не так давно, я, например, своего товарища, приятеля, скорее... Его на «стрелку» забили очень серьезную, поножовщина могла быть, но, кстати, я прибыл туда, поскольку он знал, что я разбираюсь в оружии. Меня дядя учил некоторым приемам, он военный сам по себе. И я пришел с ним, в результате вот эта шаечка с такими вот ножечками, когда увидела этот тесак и мой пистолет-пневматичку, ну, вообще это пневматическое оружие, воздушное, но мы сказали, что это настоящий» (муж., 17 лет, инт. № 23).

Молодые юноши и девушки, реагируя эмоционально, телесно и рефлексивно на опасные ситуации или ситуации, вызывающие беспокойство, изобретают самый разнообразный спектр стратегий, позволяющих защитить себя, избежать опасности или беспокойства. Практики сопротивления страхам и опасности приобретают четко выраженное гендерное различие. Так, женский опыт сопротивления страхам часто описывается через практики исключения из социального пространства и времени, а женское тело воспринимается как слабое и незащитное, тогда как мужские стратегии и практики сопротивления в большей степени связаны с «видимостью» мужского тела, которому вменяется требование быть спортивным, здоровым и бесстрашным.

Заключение

Исследование показывает, что опасность и безопасность являются актуальной и важной темой повседневной жизни и практиках молодежи. Проживая пребывание в городе телесно и эмоционально, молодые изобретают различные тактики

минимизации рисков и страхов. Хореография беспокойства проявляется через сплетение чувств, эмоций, практик и «опасного» контекста. Так, для молодежи оказываются недостаточными государственная регламентация и конвенциональный символический порядок, поэтому юноши и девушки создают собственную, гибкую, иногда ситуативную хореографию, определяя ее для себя через категории опасностей и рисков, изменяя собственные маршруты и время пребывания в городе, избегая «Других» и «Чужаков», выбирая другие траектории передвижения.

Телесное проживание города и его опасностей заставляет отказываться от понимания хореографии беспокойства в метафорическом смысле, а раскрыть этот термин через буквальную интерпретацию – географическое, телесное, эмоциональное изменение тел, мужских и женских, в своем желании снизить риски и угрозы, начинает напоминать тонкости современного танцевального жанра. Географическое и временное передвижение становится возможным лишь по безопасным, в логике информантов, траекториям; телам назначаются строгие характеристики, образы и «костюмы». Строгий контроль над собственными телами, знание о допустимых/недопустимых тактиках-движениях сопровождаются сильными эмоциональными переживаниями, волнениями, тревогами.

Концептуализация хореографии беспокойства молодежи заставляет нас посмотреть на город как на театральное пространство, сплетенное с реальной жизнью, – на его сцене становятся видимыми сильные, здоровые, тренированные мужские тела. При этом женское тело, частично, а порой и всецело, исключенное из определенных мест и пространств, оказывается ограниченным во временном пребывании в городе, дополненным жестким регулированием внешнего вида через манипуляции категориями «красоты», «скромности», «неброскости». Всё это заставляет женские тела отсутствовать в видимом пространстве и занимать свое место в приватной, закулисной и безопасной сфере.

Так, молодежной хореографии беспокойства свойственен контроль над собственными и чужими телами, но, несмотря на это, стремление выработать индивидуальные тактики сопротивления и желание любой ценой избежать опасности и угрозы заставляют

с новой актуальностью звучать голоса кортасаровских героев: «... меня томит страх, но я никогда об этом не скажу, я превращаю свой страх в силу, помогающую мне жить так, как я живу» [Кортасар, 1998].

Литература:

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3(34). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf>.
2. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008 № 3(66). URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: Проникновение и присвоение // «Социология социального пространства». - СПб.: Алетейя, 2007. С. 49-64.
5. Вакан Л. Городская маргинализация грядущего // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/va24.html>.
6. Волков В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9-23.
7. Желнина А. Фланер // Urban Club. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=12>.
8. Запорожец О., Лавринцев Е. Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности // Визуальная антропология: городские карты памяти. - М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 45-66.
9. Кортасар Х. 62. Модель для сборки. - СПб.: Азбука-классика, 1998.
10. Лавринцев Е., Запорожец О. Драматургия городского страха: риторические тактики и «бесхозные вещи» // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. - Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 83-103.
11. Мосс М. Техники тела // Общество, обмен, личность. - М., 1996. С. 242-263.
12. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 гг. - СПб, «Наука», 2011.
13. Фуко М. История безумия в Классическую эпоху. - М.: АСТ Москва, 2010.
14. Фуко М. Послушные тела // Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999. С. 197-248.

-
15. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб: «Наука», 2005.
 16. Augé M. Non-places. The Anthropology of Supermodernity. London. NY. 1995.
 17. Crossley N. Body Techniques, Agency and Intercorporeality: on Goffman's Relations in Public // *Sociology*. SAGE. 1995. Vol. 29. № 1. P. 133-149.
 18. Low S.M. The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear // *American Anthropologist*. 2001. № 103(1). P. 45-58.
 19. Robinson C. *Beside One's Self: Homelessness Felt and Lived*. NY, Syracuse University Press, 2011.
 20. Simpson R. Neither Clear Nor Present: The Social Construction of Safety and Danger // *Sociological Forum*. 1996. № 11. P. 549-562.

Эльвира Ариф

Включить режим бога

— значит все можно?:

телесность молодежи, потребляющей
запрещенные психоактивные вещества

- Она у меня студентка, учится на отлично...
Умница, красавица, а фигура какая, мм... не пьет, не курит...
- Болеет что ли?
диалог из фильма «Питер FM»

В российском академическом сообществе телесность по-прежнему остается малоизученной темой. В частности, опыт включения молодежи в практики употребления психоактивных веществ (ПАВ) с рассматриваемой точки зрения не освещается вовсе. Вместе с тем, особенность этого опыта заключается в мощном дискурсивном давлении, которому он подвергается. Исследование телесности молодежи¹, включенной в практики употребления запрещенных психоактивных веществ, позволит выделить формы сопротивления дискурсивной натурализации. Таким образом, цель данной статьи – описание и анализ телесного опыта употребления запрещённых психоактивных веществ в среде молодежи в условиях дискурсивного давления.

Стоит сразу оговориться, что нарративы информантов, у которых диагностирована зависимость от психоактивных веществ или существует опыт обращения по этому поводу к врачам, в данном кейсе не рассматриваются. Также за рамками исследования оказываются юноши и девушки, которые имеют зафиксированный в правоохранительных органах факт совершения правонарушений, связанных с ПАВ. Таким образом, в статье будет проанализирован опыт контролируемого употребления запрещенных психоактивных веществ.

Молодежь между дискурсами маргинализации и нормализации

В России преобладающим направлением понимания потребления психоактивных веществ в молодежной среде является проблематизирующий подход, который основывается

¹ Эмпирическую базу исследования составили собранные в 2011 году шестьдесят одно интервью с юношами и девушками, учащимися средних специальных учебных заведений города Санкт-Петербурга. Подробнее см. «Введение» настоящего издания.

на теориях девиации [Позднякова, Салагаев, 2005; Гишинский, 2004]. Основным фокусом исследования становятся причины отклонения от нормального поведения, глубина или степень запущенности ситуации, пути и возможности возвращения маргинала к обычной жизни. Темы могут рассматриваться все вместе, либо каждая в отдельности, что не противоречит логике последователей девиантного подхода. Одним из эффектов такого видения опыта употребления психоактивных веществ становится выделение потребителей в отдельные – реальные или символические – сообщества, живущие, согласно этому подходу, по своим, отличающимся от правил нормальных людей, законам. В ситуации разделения на нормальных и ненормальных последние маргинализируются как преступники, больные или безнравственные. Этот подход вос-/производит государственный дискурс. Для официального понимания употребления запрещенных психоактивных веществ характерна нечувствительность к социальным, культурным, стилевым различиям внутри молодежного сообщества, а разница между опытом (в рамках отдельной биографии и в рамках молодежных компаний), видами, способами употребления психоактивных веществ остается без внимания.

Молодежные практики употребления ПАВ в статье будут рассмотрены в контексте теории нормализации, предложенной Г. Паркером, Дж. Олдридж, Ф. Мишам, Л. Уильямс [Parker, Aldridge, Measham, Williams, 2011]. По их мнению, нормализация напрямую связана с легкой доступностью психоактивных веществ. Это ведет к демаргинализации употребления психоактивных средств внутри молодежной среды. В рамках этой концепции прием разных видов ПАВ предполагает овладение относящимися только к ним языками и обучение особым социальным и телесным практикам, сопровождающим употребление, то есть речь идет о формировании особой культуры и коммуникации.

Серьезную роль в развитии концепции нормализации употребления психоактивных веществ в молодежной среде сыграла российская исследовательница Е. Омельченко, которая раскрывает свое понимание в серии теоретических публикаций. Во введении к книге «Тринадцатый шаг: социология наркотизации» она дает определение наркотизации как процесса, который включает в себя

«все группы молодежи, прямо или опосредованно связанные с данным контекстом. Это и те, кто имеет собственный опыт употребления (нарко-дебют, разовые пробы, экспериментирование, переход к тяжелым наркотикам, отказ от употребления, возврат и др.), те, кто не имеет собственного опыта употребления (сознательный отказ), но оказываются включенными в культурно-символическое пространство наркотизации - профилактические мероприятия, акции, молодежные культурные сцены, насыщенные наркотиками (медиа проекты, символика, сленг), а также те, кто оказывается невольно вовлеченными в данный контекст: друзья или родственники тех, кто имеет нарко-опыт» [Омельченко, 2002: 13]. Понимание «нормализации» Е. Омельченко несколько отличается от западного подхода. С ее точки зрения, это «специфические формы, способы, техники языкового выведения тех или иных наркотиков, практик, индивидов из-под «проблематизирующих» официальных дискурсов» [Нормальная..., 2005: 19]. Автор подчеркивает два принципиальных момента, отличающих ее подход. Во-первых, речь идет не только о нормализации практик употребления ПАВ, но дискурсов и нарративов: «обыденными, неэкзотическими становятся не только (и не столько) сами практики проб, экспериментирования или регулярного использования, но и «разговоры», истории, мифы, слухи. Каналы нормализации создаются не только повторением и закреплением практик в качестве привычных, обыденных, но и наполнением культурной групповой атмосферы специфическим тезаурусом» [Нормальная..., 2005: 17]. Описанный таким образом молодежный дискурс употребления ПАВ рассматривается в соотношении с «официальными» дискурсами. Говоря о последних, автор на основании типов знания, характера используемых ресурсов и соответствующей им мере власти выделяет следующие циркулирующие в обществе дискурсы наркотизации: «официальный, профессионально-специализированные, академические, медиа, народные» [Омельченко, 2005: 77]. Подводя итог своему анализу, она определяет нормализацию процесса наркотизации как «прямое, опосредованное или символическое введение наркотиков и нарко-практик (проба, экспериментирование, употребление, сопровождающие, сопутствующие, фоновые практики, направленные на принятие,

сопротивление или отказ) в нормативное (обыденное, обычное, повседневное, привычное) пространство молодежных культурных сцен через принятые в компании и разделяемые индивидами нарративные образцы» [Нормальная..., 2005: 20] и одновременно с этим выведение этих понятий из-под официальных, маргинализирующих дискурсов. При этом под нарративными образцами понимаются «артикулируемые информантами системы представлений о наркотиках и нарко-практиках, которые отражают степень их реальной вовлеченности и культурный контекст, посредством которого эта вовлеченность (от принятия – до отказа) позиционируется и практикуется» [Омельченко, 2002: 13]. Нарративные образцы служат основанием понимания природы различных практик употребления психоактивных веществ, принятых в молодежных группах. В тексте статьи вместо нарко-практик будет использоваться определение ПАВ-практики. Принципиально важным моментом является то, что «психоактивное» в данном случае «не обязательно предполагает вызывающее зависимость, и в повседневной речи термин часто остается неопределенным» [Словарь..., 1996: 57].

Говоря о доминировании публичных проблематизирующих дискурсов, стоит помнить об их натурализованности – состоянии, когда в «определенные исторические моменты некоторые дискурсы могут казаться наиболее естественными и относительно не оспариваются и не подвергаются сомнению» [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 91]. Так, в случае с употреблением запрещенных психоактивных веществ речь идет о криминализации, медикализации [Мейлахс, 2004] и морализации [Скворцов, 2010] этих практик. Ключевыми категориями проблематизирующих дискурсов, определяющими реальность, являются «наркотики, наркоманы, наркомания, зависимость, угроза, употребление, распространение и так далее» [Омельченко, 2005: 88]. Представители молодежи, имеющие опыт знакомства с ПАВ, в рамках этих дискурсов рассматриваются как зависимые и маргинализируются. Вместе с тем, в дискурсах нормализации, формируемых употребляющими запрещенные ПАВ посредством вос/произведения нарративных образцов, каркасом категориального аппарата выступают 127 наименований веществ, а также риторические формы ««прикольно-не

прикольно», «видно», «там», нормально и другие» [Омельченко, 2005: 88]. С этой точки зрения речь идет о потребителях, реализующих себя в ситуации разностороннего дискурсивного давления. Можно выделить два основных способа реагирования употребляющей ПАВ молодежи на конструируемый социальный порядок: интериоризацию и сопротивление. Таким образом, практики телесного контроля при употреблении запрещенных психоактивных веществ в среде молодежи представляют собой формы интериоризации дискурсов нормализации и сопротивления маргинализирующим дискурсам. В статье основное внимание будет сосредоточено на сопротивлении дискурсивному давлению.

Употребление запрещенных психоактивных веществ в контексте потребления

В современном российском обществе потребление стало одним из основных способов конструирования идентичности. В этом случае «что бы индивид не потреблял, он конституирует свою идентичность, опираясь на доступные ему ресурсы, вписываясь в рамки культурной программы и норм языка своего поля» [Ильин, 2008: 224]. Социализация в условиях товарного изобилия приводит к развитию новых жизненно-стилевых стратегий, ориентированных на индивидуальный успех [Омельченко, 2004]. Говоря о потреблении, нужно учитывать весь веер предложений, которыми насыщен рынок. В частности, включить в анализ запрещенные психоактивные вещества как часть нелегальной, криминальной экономики, «черного рынка», то есть экономической деятельности, запрещенной «законом и по своей сути нарушающей закон» [Радаев, 1999: 6.]. В этом контексте можно вести речь и о нелегальном потреблении, то есть запрещенном законодательно. При этом сами запрещенные ПАВ можно рассматривать в качестве «вредных благ» – определенных видов товаров и услуг, «потребление которых одобряется самим потребителем, но отвергается обществом» [Латов, 2010: 38]. В данной статье потребление «вредных благ» в первую очередь будет рассматриваться на примере целого спектра психоактивных веществ, распространение которых «запрещено законом или ограничено медицинскими и фармацевтическими каналами» [Словарь..., 1996: 38]. В свою очередь, психоактивным

средством или веществом в тексте будут называться такие вещества, которые «при потреблении воздействуют на психические процессы, например на когнитивную или аффективную сферы» [Словарь..., 1996: 57].

Подчеркнем, что опыт употребления запрещенных ПАВ будет рассматриваться как нелегальное потребление (потребление «вредных благ»), выступающее одним из оснований конструирования идентичности, разворачивающейся в жизненно-стилевую стратегию, ориентированную на индивидуализацию и успех. Последний поощряет «желание самоидентификации через свои персональные достижения, через тот комплекс индивидуальных свойств, которые расцениваются его социальным окружением как «успешные», культивирует в обществе среду уважительного отношения как к проявлениям (стандартам, критериям и т.п.) жизненного успеха, так и к его носителю – состоявшейся личности» [Согомонов, 2005: 14]. Основная идея успешной карьеры потребителя психоактивных веществ заключается в том, чтобы не впасть в зависимость [Омельченко, 2005]. Успех, с точки зрения употребляющих психоактивные вещества, выражается в формировании культуры потребления наркотиков как одной из вероятных, наравне с другими в веере потребительских возможностей. В представлениях потребителей заикленность на какой-то одной сфере не может быть показателем успешности:

«Интервьюер: А в плане привыкания нет там такого ничего?»

Респондент: Нет, нету, если, конечно, тебе есть, чем заниматься. Многие просто, ну, ничего не делают, допустим, и целый день прямо вот пыхают, потому что нечего им делать. И вот так они веселятся, потому что без этого они скучают. А так, вообще, им насрать на все, сидишь, там, смотришь мультики» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Узость интересов и зависимость воспринимаются как показатель неспособности человека справляться с собой и как ограничение, которое препятствует успешному разворачиванию индивидуальной биографии.

Таким образом, в среде молодежи, включенной в нелегальное потребление, сопротивление маргинализации доминирующих дискурсов осуществляется через реинтерпретацию категории

«зависимость». В частности, на уровне практик это проявляется в самоконтроле при употреблении запрещенных психоактивных веществ. Вопрос о том, какие телесные компетенции формируются в этой ситуации, будет рассмотрен в следующей части статьи.

Телесность молодежи, включенной в практики контролируемого употребления запрещенных психоактивных веществ

Принципиальными для понимания опыта молодежи, включенной в практики употребления «вредных благ», является анализ трех составляющих телесности.

- Во-первых, в фокусе внимания оказываются схема тела и образ тела. Переживание воздействия психоактивных веществ на человека является, с одной стороны, глубоко индивидуальным телесным опытом, не до конца выразимым посредством языка, с другой стороны - внешним и артикулируемым. В первом случае речь будет идти о тактильно-сенсорной составляющей, то есть о схеме тела, а во втором - о зрительно-пространственной, то есть об образе тела [De Vignemont, 2010]. Схема тела - это система «сенсорно-моторных функций, которые осуществляются неосознанно и не нуждаются в контроле со стороны органов чувств» [Gallagher, 2005: 24]. Образ тела - понятие, «которое включает восприятие человеком собственного тела, чувственную окраску этого восприятия и то, как, по его мнению, оценивают его окружающие» [Кипеть, 2012: 73]. При этом важно подчеркнуть, что образ тела «не является пассивным и «застывшим», раз и навсегда заданным. Напротив, он динамичен и субъективен, так как формируется самим человеком в процессе активной деятельности. Образ тела конструируется им из отдельных фрагментов – различных проявлений телесного осознания в разнообразных жизненных ситуациях» [Кипеть, 2012: 73]. Образ тела можно рассматривать как часть производства телесности субъектом. При этом субъект понимается нами как «определенное существо, не обладающее фиксированной идентичностью, которое осуществляет и испытывает на себе отношения власти и производит знание. Погруженный в эти

процессы, он конституируется как физически и телесно, так и лингвистически и теоретически» [Дикон, 2008: 41].

- Во-вторых, речь идет о множественности тел. М. Глебова в своей статье «Формирование антинаркотической устойчивости у школьников с нарушением слуха» говорит о том, что глухие подростки «при решении своих проблем, связанных с наркотическими веществами, используют жестовую речь. В присутствии воспитателя дети либо обрывают общение, либо «общаются украдкой», пряча жесты. При исследовании речи глухих, склонных к наркомании, автор пришла к выводу, что специального словаря жаргонных слов у них нет. Существуют наиболее часто используемые жесты для выполнения определенных желаний, то есть важны содержание жеста и частота его использования» [Глебова, 2011: 158]. В этом описании нарративные образцы, сопротивляющиеся доминирующим публичным дискурсам, носят телесный характер, ребята говорят руками. Знание об употреблении запрещенных психоактивных веществ глухонемыми ребятами посредством телесного опыта вос-/создается в условиях множественности тел. Социальность тела, межтелесность, «которая означает, что собственная и чужая телесность распространяются друг на друга, не принимая при этом формы жесткой коллективной инстанции» [Вальденфельс, 2006: 391], выводят на первый план то, что всегда есть тела, но не тело. Тело не единично, тела множественны. В процессе взаимодействия субъекты конституируют тела друг относительно друга, пере-/определяя свое и чужое.
- Третьей составляющей телесности является показанность тел. Пример с глухими потребителями демонстрирует, что ключевым моментом производства знания посредством телесного опыта является его визуальная основа. Тело существует как «показанное: однако это не выставление напоказ того, что с самого начала было спрятано, сокрыто. Здесь показ есть само бытие (иначе говоря: существование). Или, еще лучше: если сущностью бытия как субъекта является самополагание, то здесь самополагание как таковое, по сути своей и структуре, само по себе есть показ. Auto = ex = тело. Тело есть быть - показанным бытия» [Нанси, 1999: 60]. Здесь важно отметить, что визуальность тел культурно обусловлена и выстраивается в свой свод норм и правил. Кроме того, визуальность тел характеризуется оперированием определенными

знаками и кодами, которые при наличии соответствующих знаний могут быть распознаны и интерпретированы.

В качестве превентивной меры употребления запрещенных ПАВ информантами было названо отсутствие специальной подготовки:

«Интервьюер: А часто ты вообще баловалась наркотиками, так скажем? Ну, в школе?»

Респондент: Часто... Ну, сама специально не, это самое, если предлагали, угощали или какая-нибудь возможность получалась... Случайно» (жен., 22 года, инт. № 43).

Здесь можно выделить сначала темпоральную составляющую – о факте употребления неизвестно загодя и нет времени на подготовку. Стоит отметить, что спонтанность ПАВ-практик характеризуется большими рисками как в плане возможности подготовить тело, так и сведения их к подходящему ситуации минимуму.

В нашем исследовании принимали участие люди, которые с позиции публичных официальных дискурсов – преступления, болезни, морализаторства – потеряли над собой контроль, так как перешли границу дозволенного. В этой ситуации уместно отметить критерии, которые потребители выделяют для определения сферы своих ограничений:

«Ну, тяжелее, чем алкоголь, конечно. Нет, контролирую, конечно, то есть. Вот в чем... легких наркотиках, то есть ты всегда контролируешь себя, ты понимаешь, что ты сейчас такой ерундой просто занимаешься, но, с другой стороны, ты всегда четко координируешь свои решения относительно передвижения своего тела, чего-то ещё» (муж., 17 лет, инт. № 52).

Говорение о контроле направлено не на отказ от алкоголя и легких наркотиков. Речь идет о том, что в ситуации множественного выбора между различными психоактивными веществами сравнивается не вещество и отказ от него, а средства друг с другом. В представленном случае употребление легких наркотиков обеспечивает, по мнению информанта, большую сферу контроля, чем состояние алкогольного опьянения. Однако все не так однозначно. Дискурсивно сформировалось представление о том, что употребление запрещенных психоактивных веществ вызывает интенсивное удовольствие. Вместе с тем, анализ интервью показывает, что опыт может быть неприятным психологически:

«Да. Я вообще не любитель наркотиков. Самые стремные ситуации связаны с ними, мне они не очень понравились. Ну, неприятные, на самом деле. Была история: как-то мы накурились на даче, и на чердаке при свечах стали рассказывать страшилки. Мне, я накуренный был, мне просто очень страшно было, до жути, мне никогда так страшно не было. После такого отбило вообще желание употреблять» (муж., 19 лет, инт. № 49).

И может быть неприемлем физиологически:

«Интервьюер: А в другие два раза?»

Респондент: А в другие с братом – ну, тошило, то есть.

Интервьюер: Ммм... Хреново было, да?

Респондент: Да» (муж., 18 лет, инт. № 50).

Умение распознавать все тонкости собственных ощущений в состоянии измененного сознания вырабатывается в процессе опытов употребления:

«Да, первый раз я ничего вообще не почувствовал, даже не понял. Это со временем начинаешь понимать. Не то, что со временем, вот раза два-три, потом чувствуешь что-то. Вот так вот» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Гарантий на все 100% в том, что ощущения будут приятными, быть не может. С этой точки зрения можно вести речь не только о получении удовольствия, а говорить о том, что с опытом употребления запрещенных веществ либо справляются психологически и телесно, либо нет. Кроме того, опыт употребления открывает перед индивидом новый пул ощущений на уровне схемы тела.

Продолжая тему гарантий при употреблении контролируемых психоактивных веществ, обратимся к роли форм употребления того или иного психоактивного вещества. Так, в книге «Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики» форма употребления вещества служит основанием для деления запрещенных ПАВ на легкие и тяжелые. К первым относятся вещества, которые курят, едят, пьют, глотают; ко вторым – которые вкалывают, втирают и вдыхают [Ариф/Шарифуллина, 2005: 146]. Знание о форме употребления психоактивного вещества может стать маркером, на основании которого принимается решение о продолжении или отказе от общения с человеком:

«Да. Я один раз связалась с такой ерундой, это было три месяца назад. Я встречалась с молодым человеком, мы и встречались неделю, и я узнала о том, что он употребляет наркотики, причем такие достаточно тяжелые. Не курит, не нюхает, а конкретно колется. И все. До свиданья» (жен., 17 лет, инт. № 40).

В этой цитате можно наблюдать своего рода рейтинг форм употребления по степени допустимости. Действительно, каждый из этих способов несет за собой разные риски и наиболее опасным является инъекция. Пероральный и нозальный способы имеют более высокие позиции в иерархии безопасного употребления запрещенных психоактивных веществ. Однако в контексте молодежных нарративов риск связан не только с возможностью заражения (ВИЧ, гепатит), но и с телесностью. Одновременно с этим в отношении героина «преобладает не просто телесность, а телесность, сопровождающаяся неприязнью, страхами болезни, старения, потери красоты, сексуальной привлекательности: тело неопрятно, неприятно, вызывает брезгливость» [Омельченко, 2005: 84]. Прокалывание кожного покрова шприцом нарушает образ тела. Инъекция переводит его из потребительского в медицинский дискурс, дискурс болезни. В рамках этого дискурса нет потребителя, есть больной с зависимостью, а это противоречит представлениям об успешности в среде молодежи. Так, рассмотрение форм потребления «вредных благ» с точки зрения телесности позволяет предположить, что сохраняющие образ тела ПАВ-практики являются доминирующими в молодежной среде. Косвенным подтверждением этого тезиса могут быть данные о том, что «в мире двумя наиболее широко употребляемыми запрещенными наркотиками остаются каннабис и САР (стимуляторы амфетаминового ряда), за исключением «экстази»» [Всемирный..., 2012].

Рассмотрим культурную составляющую телесности ПАВ-практик. Говоря об образе тела, стоит обратить внимание, что «идентичность конструируется дискурсивно посредством цепочек эквивалентности, в которых знаки отсортированы и связаны в цепочки, противопоставленные другим цепочкам. Эти цепочки определяют, чем субъект является и чем не является» [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 84]. При этом тело символически делится на верхнюю и нижнюю часть, каждой из которых культурой

приписывается свое значение. Так, А. Нагорная подчеркивая, что различные части тела и его органы «неравнозначны с психологической точки зрения и обнаруживают тенденцию к созданию сложных иерархических систем» [Нагорная, 2010: 99], разделяет телесный верх и низ, противопоставляя области головы и гениталий. Т. Щепанская в своей статье, посвященной применению физического насилия в различных молодежных сообществах, говорит о том, что смысл ударов, нанесенных в зону телесного верха или низа, различается [Щепанская, 2001]. По ее мнению, смысл ударов в голову – обучение, в то время как применение физической силы к нижней части тела связано с унижением. Телесный верх имеет позитивные коннотации, а низ – негативные. Эта оппозиция играет важную роль и при употреблении запрещенных психоактивных веществ. Телесные практики, связанные с верхней частью тела: пероральные и нозальные, оказываются позитивно маркированы и противопоставляются потребительской цепочке эквивалентности нижней части тела – совокупности знаков, символов и практик, связанных с инъекционным введением веществ. Так, можно говорить о верхней и нижней формах ПАВ-практик. При этом дискурс нормализации обеспечивает поведенческие инструкции для тех, кто идентифицирует себя с верхней или нижней формами употребления запрещенных психоактивных веществ.

Стоит подчеркнуть, что пероральное и нозальное потребление оказываются невидимыми для действующего субъекта, а использование телесного низа, в частности для инъекций, – видимым. Здесь целесообразно перейти к визуальной составляющей потребления «вредных благ» – анализу показательности тел в процессе включения молодежи в ПАВ-практики.

Глаз в современном обществе является «главным передатчиком удовольствия, как раз потому, что непосредственное удовлетворение влечений... ограничивается множеством запретов и барьеров» [Элиас, 2001: 283]. Однако в ситуации выхода за пределы барьеров и запретов роль глаза оказывается не менее значимой, так как источником удовольствия и его условием может стать невозможность глаза быть передатчиком. В этом ключе невидимость начинает иметь особое значение. Рассмотрим роль «слепой зоны» в практиках нелегального потребления.

Человек не может видеть своего перорального и нозального

употребления в силу анатомических особенностей. О зеркале не забыто, но речь идет не о возможности видеть как таковой, а о телесном знании о невидимости определенного вида практик. С этой точки зрения, если человеку кто-то делает инъекции, то в зависимости от места это может быть видно или нет, но если человек делает ее себе сам, то он не может ее не видеть, также как и следов от нее. Большое значение в восприятии потребления, ориентированного на верхнюю часть тела, имеет натуральность процесса. В первую очередь голова связана с практиками приема пищи, то есть с удовлетворением естественных потребностей. Это маркирование образа тела переносится и на потребление запрещенных психоактивных веществ. «Естественность» же их, основанная на невидимости, позволяет символически преодолевать реальные барьеры и запреты. Невидимость процесса потребления и отсутствие его следов не противоречат привычному состоянию тела и выступают достаточным условием для сохранения образа тела вне маргинализирующих ПАВ-практики официальных дискурсов. Стоит отметить, что невидимость процесса потребления запрещенного психоактивного вещества является также залогом отсутствия следов на телесном уровне. Анализ интервью подчеркивает важность этого. В частности, тело потребителя не должно считываться внешним наблюдателем:

«Респондент: Не, ни разу. Нет. Просто есть там знакомый один, который пыхает частенько, и нормально, ничем не отличается от других людей, я потом только узнал.

Интервьюер: То есть внешне это не было понятно?

Респондент: Конечно, нет! Многие люди, вообще, даже в колледже у нас, у меня даже в группе есть народ, который, ну, курит» (муж., 19 лет, инт. № 32).

Итак, преимущество невидимости заключается в возможности выскальзывания из-под прессинга официальных проблематизирующих дискурсов. Отсутствие видимых последствий нелегального потребления позволяет «небыть» в глазах агентов маргинализирующих институтов:

«Респондент: А почти все пробовал, что можно попробовать... Ну, я пробовал гашиш... Кокаин я пробовал. Траву я курил и все. «Спиды» я ел, ну, «колеса» тоже ел... «спиды» и все... Не, ну, если ты просто гашиш покуришь, ты просто ха-ха половишь и

все. А от «спидов» тебе более... тебе тело разгонит, будет, ну, захочешь больше двигаться... а это [кокаин] то же самое, как от «спидов», только у тебя... можешь ещё ловить какие-то, ну, такие вариации зрительные. Ну, как бы ты будешь стоять, а у тебя все двигаться будет...

Интервьюер: Скажи, пожалуйста, а что тебе нравится, вот если ты под кайфом, что ты позволяешь себе делать, что любишь делать?

Респондент: А я режим бога включаю.

Интервьюер: Как это?

Респондент: Это значит все можно.

Интервьюер: А есть что-то, что ты стараешься не делать?

Респондент: Да.

Интервьюер: Что?

Респондент: *Милиционерам на глаза не попадаться* (муж., 17 лет, инт. № 55).

«Режим бога», когда «все можно», работает, во-первых, в ситуации чистоты и незапятнанности тела знаками, которые могут быть проинтерпретированы властными агентами как след включения в практики употребления запрещенных психоактивных веществ. Во-вторых, употребляющему самому необходимо поддерживать границы собственной невидимости посредством фиксирования формы употребления вещества.

Говоря о визуальной составляющей самоконтроля, стоит отметить дозированность запрещенного психоактивного вещества:

«А сейчас то, что я попробовал, то есть вообще это доза там минимальна настолько, что ты как бы трезвый, просто тебе, ну, не хорошо даже, ну, ты доволен просто как бы и все. И то, это очень быстро проходит» (муж., 17 лет, инт. № 52).

В первую очередь речь идет о визуальном контроле над дозой. Последняя может различаться от вещества к веществу, должна быть достаточной, чтобы достигнуть какого-либо эффекта, но не настолько сильной, чтобы контроль над телом был потерян. Беспомощность оказывается в глазах информантов одним из ключевых факторов риска, границей безопасности и переводит человека в зависимое состояние. На символическом уровне эта зависимость, о чем было уже не раз сказано, имеет в молодежной среде негативные коннотации.

Обратимся к примеру визуализации беспомощности своего тела, которая выступает основаниям самоконтроля:

«Интервьюер: Понятно. А ты как-то следишь за своим состоянием, когда ты под кайфом?»

Респондент: Да, главное - не упасть в лужу. Это главное, чтобы не промокнуть и не заболеть» (муж., 17 лет, инт. № 55).

Образ беспомощного тела помещен в символическое пространство телесной травмы и болезни. Речь в данном случае идет об ограничении возможности самостоятельного передвижения и способности ориентироваться в пространстве. Беспомощность не вписывается в сценарий употребления без последствий. В следующей цитате представлен образ нуждающегося в поддержке тела:

«Интервьюер: А было такое, что ты что-то не могла делать, когда была в состоянии наркотического опьянения?»

Респондент: Ну, я не знаю, я один раз чуть сознание не потеряла, но как бы мне девочка помогла. Она просто стала мне массаж висков делать и... У меня стали глаза закатываться, ну не суть...» (жен., 22 года, инт. № 43).

Риски неуправляемого тела переводятся в зону ответственности окружающих людей. Кроме того, в данном случае важно визуально определить человека нуждающегося в заботе, а также умение адекватно обращаться с ним.

Далее риски беззащитного и беспомощного тела раскрываются через анализ влияния множественности тел на нелегальное потребление.

Важным аспектом анализа ПАВ-практик является пространственное представление потребителя о своем теле относительно других тел. В данном случае учитываются: формат ситуации (вечеринка, случайная встреча, встреча по договоренности), количество участников, их состав (не/знакомые, друзья, одноклассники, родственники и так далее), место (квартира, двор, клуб и так далее), план перемещений. Все это формирует контекст ситуации, в которой разворачивается потребление и к которой примеряется образ беспомощного тела.

Состав участников употребления определяет контекстуальное содержание ситуации вдоль вектора риска. В данном случае

уровень доверия влияет на включение того или иного режима безопасности, а значит и самоконтроля.

«Я пробовала когда-то со своим молодым человеком, которого я знала, доверяла ему, как бы, если что... то он подстрахует. Вот, а в незнакомой компании я, конечно, не стала это делать» (жен., 18 лет, инт. № 47).

«Ну, пару лет назад пробовала «камень», ну, это по глупости, естественно. Ну, в принципе, наверное,... ну, это все так, по глупости, по молодости... Знать надо, даже если пробовать, знать надо компанию, где пробовать, и с кем, потому что если ты попробуешь с кем-то из знакомых, которым ты доверяешь, а если у незнакомого, то потом последствия могут быть» (жен., 18 лет, инт. № 47).

Так, определение участников группы как вызывающих доверие приводит к ослаблению самоконтроля и, наоборот, чем ниже доверие, тем больше ориентация на свои силы. Самоконтроль при употреблении запрещенных психоактивных веществ может быть ориентирован во вне, на другие тела и взаимодействие с ними. Как уже было сказано выше, одной из таких форм при включении в запрещенные практики является ответственность за кого-либо.

Уровень доверия как контекст множественности тел, таким образом, одновременно расширяет зону риска для каждого отдельного участника, но и перераспределяет ответственность за состояние каждого между всеми.

Подводя итог, можно выделить ряд телесных компетенций, которые формируются в ситуации самоконтроля при употреблении запрещенных психоактивных веществ в среде молодежи:

- навыки телесного контроля, позволяющие регулировать потребление в ситуации спонтанности и незапланированности;
- навыки распознавания своих телесных ощущений при употреблении «вредных благ»;
- навыки сохранения образа тела при нелегальном потреблении;
- умение считывать, скрывать и демонстрировать телесные визуальные коды нелегального потребления;
- навыки избегания беспомощности тела при потреблении «вредных благ»;
- умение определить уровень рискогенности по контексту ситуации

нелегального потребления, ориентированное на пространственную ориентацию тел, которая включает в себя формат, количество и состав участников, место, план перемещений, границы нормативного поведения.

Говоря о телесных компетенциях, стоит принимать во внимание, что решение о продолжении включения в практики нелегального потребления или отказ от них определяется удачным или неудачным опытом. Употребление «вредных благ», выступая одним из средств конструирования идентичности, может разворачиваться как в успешную, так и в неудачную жизненно-стилевую стратегию. Если опыт был успешным, то он включается в пул компетенций и может конвертироваться в ресурсы. До тех пор пока нелегальное потребление остается одним из возможных вариантов времяпрепровождения, а не является доминирующей практикой можно говорить о том, что индивид справляется с самоконтролем и признается успешным. Таким образом, формируется ситуация, когда у молодого человека или девушки появляется дополнительная ресурс усиления своего статуса или повышения его посредством демонстрации компетентности в опыте и риторике, касающейся потребления запрещенных психоактивных веществ. Здесь же стоит подчеркнуть, что все риски и издержки некомпетентности берет на себя сам индивид, так как в случае неудачи происходит потеря успешности и субъект оказывается в поле маргинализации проблематизирующих дискурсов.

Анализ телесных компетенций позволяет сделать вывод о том, что сопротивление маргинализации через реинтерпретацию категорий доминирующих официальных дискурсов происходит на уровне ПАВ-практик, связанных с образом тела: его сохранения и избегания телесной беспомощности. В частности, в категории «зависимость» акцент с болезни, преступления и аморальности переносится на неуспешность. Вместе с тем компетенции, связанные с показанностью и множественностью тел: умение считывать, скрывать и демонстрировать телесные визуальные коды, определять уровень рискогенности ситуации, направлены на сопротивление пролематизирующим дискурсам созданием новых категорий.

Итак, описание и анализ реализации телесного опыта контролируемого нелегального употребления запрещенных психоактивных веществ в среде молодежи позволяют выделить сопротивление основным знакам в социальной организации значения

маргинализирующих дискурсов. На уровне схемы тела и образа тела происходит сопротивление узловой точке, организующей официальные дискурсы, – реинтерпретируется категория «зависимость». Анализ показанности тел позволяет говорить о сопротивлении давлению проблематизирующих дискурсов через производство альтернативных знаков, посредством категорий «видно/невидно», «видимость/невидимость», организующих идентичности. И, наконец, на уровне множественности тел происходит сопротивление маргинализирующим мифам (они организуют социальное пространство) путем производства категорий, определяющих пространственную ориентацию тел, в рамках которой нормализуется употребление «вредных благ».

Литература:

1. Ариф/Шарифуллина Э. Индивидуальные/групповые нарко-практики и нарко-карьеры: нормализация в контексте регионов: Самарская область // Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2005. С. 142-166.
2. Вальденфельс Б. Ключевая роль тела в феноменологии Мориса Мерло-Понти // Видимое и невидимое / Морис Мерло-Понти; пер. с фр. О.Н. Шпарага. - Минск: Логвинов, 2006.
3. Всемирный доклад о наркотиках: [Электронный ресурс] // ЮНОДК, 2012. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2012/Executive_summary_russian.pdf. (Дата обращения: 01.02.2013).
4. Гишинский Я. Девиантология = Deviantology : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
5. Глебова М.В. Формирование антинаркотической устойчивости у школьников с нарушением слуха // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 129. С. 157-164.
6. Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция / Под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. - М: Институт социологии РАН, 2005.
7. Дикон Р. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65). С. 21-64.
8. Ильин В.И. Потребление как дискурс. - СПб.: Интерсоцис, 2008.
9. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2-е изд., испр. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
10. Кипеть В.В. Особенности образа тела у людей с психическими расстройствами // Актуальные проблемы науки XXI века : сб. ст. уч. науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 16 февраля 2012 г. - Минск: Изд-во МИУ, 2012. С. 73-77.
11. Латов Ю.В. Институт запрета «вредных благ»: прогибиционизм vs антипрогибиционизм // Криминологический журнал

- Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 35-44.
12. Мейлахс П. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 135-151.
 13. Нагорная А.В. Схема и образ тела как релевантные объекты лингвистического описания // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 97-104.
 14. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Пер. Е. Петровской и Е. Гальцовой. - М.: Ad Marginern, 1999.
 15. Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2005.
 16. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. - Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.
 17. Омельченко Е.Л. «По базару сразу видно». Практический нарко-словарь молодежи: между официальными дискурсами и нарративами // Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2005. С. 72-89.
 18. Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. зима 1999. Т.4. № 1. С. 5-24.
 19. Согомонов А. Генеалогия успеха и неудач. - М.: ООО «Солтэкст» при участии ООО «Невский простор», 2005.
 20. Сковрцов К.В. Государственная политика духовно-нравственного воспитания молодежи // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 41-43.
 21. Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. - Женева: отдел публикаций Всемирной организации здравоохранения. 1996.
 22. Тринадцатый шаг: социология наркотизации / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета». 2002.
 23. Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология

-
- насилия / Отв. ред В.В. Бочаров и В.А. Тишков. - СПб.: Наука, 2001. С.115 - 177.
24. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. - М.; СПб.: Университетская книга. 2001.
25. Gallagher S. How the Body Shapes the Mind. New York: Oxford University Press, 2005.
26. Parker H.J., Aldridge J., Measham F., Williams L. Illegal Leisure Revisited: Changing Patterns of Alcohol and Drug Use in Adolescents and Young Adults. Hove: Routledge, 2011.
27. De Vignemont F. Body Schema and Body Image-Pros and Cons // Neuropsychologia. 2010. 48. P. 669–680.

Список интервью

Для обеспечения анонимности информантов названия средних специальных образовательных учреждений указаны без уточняющей информации

№ интервью	Место учебы информанта
жен., 15 лет, инт. № 1	Реставрационный лицей
жен., 16 лет, инт. № 2	Реставрационный лицей
жен., 16 лет, инт. № 3	Реставрационный лицей
жен., 17 лет, инт. № 4	Колледж туризма и гостиничного сервиса
жен., 17 лет, инт. № 5	Колледж туризма и гостиничного сервиса
жен., 16 лет, инт. № 6	Медицинский колледж
жен., 17 лет, инт. № 7	Медицинский колледж
жен., 16 лет, инт. № 8	Реставрационный лицей
жен., 20 лет, инт. № 9	Медицинский колледж
жен., 19 лет, инт. № 10	Профессиональное училище
жен., 17 лет, инт. № 11	Профессиональное училище
жен., 18 лет, инт. № 12	Строительно-индустриальный профессиональный лицей
муж., 17 лет, инт. № 13	Строительно-индустриальный профессиональный лицей
жен., 18 лет, инт. № 14	Профессиональное училище
муж., 16 лет, инт. № 15	Колледж туризма и гостиничного сервиса
жен., 19 лет, инт. № 16	Петровский колледж
муж., 19 лет, инт. № 17	Колледж российской традиционной культуры
жен., 17 лет, инт. № 18	Кулинарный техникум
муж., 18 лет, инт. № 19	Колледж информатизации и управления
муж., 15 лет, инт. № 20	Колледж телекоммуникаций
муж., 17 лет, инт. № 21	Колледж телекоммуникаций
муж., 17 лет, инт. № 22	Колледж телекоммуникаций
муж., 17 лет, инт. № 23	Колледж телекоммуникаций
муж., 18 лет, инт. № 24	Колледж телекоммуникаций

жен., 17 лет, инт. № 25	Петровский колледж
жен., 17 лет, инт. № 26	Петровский колледж
жен., 19 лет, инт. № 27	Педагогический колледж
муж., 19 лет, инт. № 28	Автотранспортный колледж
муж., 15 лет, инт. № 29	Колледж телекоммуникаций
муж., 16 лет, инт. № 30	Колледж телекоммуникаций
муж., 18 лет, инт. № 31	Колледж телекоммуникаций
муж., 19 лет, инт. № 32	Киноvideотехнический колледж
жен., 18 лет, инт. № 33	Колледж управления и экономики
жен., 18 лет, инт. № 34	Педагогический колледж
жен., 18 лет, инт. № 35	Авиационно-транспортный колледж
муж., 22 года, инт. № 36	Медицинское училище
муж., 18 лет, инт. № 37	Колледж государственного лесопромышленного производства
муж., 17 лет, инт. № 38	Судостроительный профессиональный лицей
муж., 18 лет, инт. № 39	Техникум отраслевых технологий финансов и права
жен., 17 лет, инт. № 40	Инженерная школа одежды
жен., 18 лет, инт. № 41	Медицинский колледж
жен., 18 лет, инт. № 42	Медицинский колледж
жен., 22 года, инт. № 43	Петербургский лицей петербургской моды
жен., 18 лет, инт. № 44	Колледж коммерции и управления
муж., 19 лет, инт. № 45	Педагогический колледж
жен., 18 лет, инт. № 46	Педагогический колледж
жен., 18 лет, инт. № 47	Педагогический колледж
муж., 18 лет, инт. № 48	Колледж телекоммуникаций
муж., 19 лет, инт. № 49	Издательско-биографический техникум
муж., 18 лет, инт. № 50	Экономический лицей
муж., 18 лет, инт. № 51	Издательско-биографический техникум
муж., 17 лет, инт. № 52	Колледж телекоммуникаций
жен., 19 лет, инт. № 53	Музыкальный колледж
муж., 15 лет, инт. № 54	Колледж телекоммуникаций
муж., 17 лет, инт. № 55	Колледж телекоммуникаций

№ интервью	Место учебы информанта
муж., 15 лет, инт. № 56	Колледж телекоммуникаций
муж., 17 лет, инт. № 57	Колледж телекоммуникаций
муж., 20 лет, инт. № 58	Колледж телекоммуникаций
муж., 16 лет, инт. № 59	Колледж телекоммуникаций
муж., 18 лет, инт. № 60	Колледж телекоммуникаций
муж., 18 лет, инт. № 61	Колледж телекоммуникаций

Об авторах

Ариф Эльвира – научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: молодежные культурные сцены, процесс наркотизации, гендерные исследования, сексуальность, не/нормативности, насилие, визуальные исследования.

E-mail: elvira.arif@gmail.com

Зиновьев Алексей – младший научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, преподаватель кафедры социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: молодежная культура и субкультура, социология спорта, социология преступности.

E-mail: alekszinoviev@mail.ru

Кривонос Дарья – стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, магистрантка 1 курса факультета социологии Университета Хельсинки. Сфера научных интересов: социология возраста, социология культуры, гендерные исследования, социология тела, исследования медиа, визуальная социология.

E-mail: daria.krivonos@gmail.com

Кулева Маргарита – младший научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, аспирантка факультета социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология искусства и культуры, молодежные исследования, социология моды.

E-mail: zhenevskaya@mail.ru

Литвина Дарья – стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, магистрантка 2 курса факультета социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология тела, гендерные исследования.

E-mail: litvina.darya@mail.ru

Минькова Анастасия – стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: молодежные движения, социология потребления.

E-mail: anastasia.minkova@gmail.com

Нартова Надя – научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, старший преподаватель факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Сфера научных интересов: феминистская теория, гендерные исследования, социология тела, исследования материнства/родительства и репродукции, квир-исследования.

E-mail: n.nartova@gmail.com

Омельченко Елена – доктор социологических наук, профессор факультета социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, директор НИЦ «Регион». Сфера научных интересов: молодежные исследования в сравнительной перспективе, новые молодежные солидарности, гендерные и телесные режимы современных молодежных культурных сцен, современные режимы исключений, ксенофобные и гомофобные настроения в молодежной среде.

E-mail: eomelchenko@hse.spb.ru, omelchenkoe@mail.ru;

<http://youth.hse.spb.ru>

Федорова Наталья – стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, магистрантка 1 курса факультета социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология культуры, социология тела, исследования религии и этничности, молодежные культуры и субкультуры.

E-mail: fednatuzzi@mail.ru

Фомина Анна – младший научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, магистрантка 1 курса факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сфера научных интересов: социология практик, гендерные исследования, теория феминизма, городские исследования.

E-mail: fomina223@gmail.com

